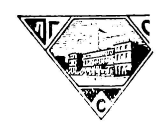
И. МАЙСКИЙ

Профессиональное движение на Западе

Основные типы

ИЗДАНИЕ
Ленинградского Губернского Совета
Профессиональных Союзов
1925

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Летом 1923 г., по поручению Ленинградского Губернского Совета Профессиональных Союзов, мне пришлось прочитать в Зиновьевском Университете небольшой курс лекций об основных типах западно-европейского профессионального движения. Лекции были застенографированы, и Совет Союзов решил их издать отдельной книжкой. Однако, ознакомившись со стенограммой, я пришел к выводу, что лекции требуют значительных расширений и дополнений. Наша литература о западно-европейском профессиональном движении вообще не очень богата, в частности — в ней нет ни одной работы, дающей достаточно полное и ясное представление об основных типах этого движения. Уж если подобного рода книжку издавать, так ее нужно было сделать более обстоятельной, такой, чтобы она могла послужить учебным пособием для подрастающего поколения профессиональных работников. Недостаток времени в течение целого года мешал мне произвести необходимую переработку стенограммы. Только теперь я, наконец, справился с поставленной себе задачей. Настоящая книга, примерно, раза в два больше стенограммы.

Материал, которым я пользовался, был двоякого рода. В 1909—12 г.г. я практически работал в германском профессиональном движении. В 1913—14 г.г. я близко стоял к английским трэд-юнионам и произвел ряд обследований британских союзов в Лондоне, Ланкашире, Иоркшире и Шотландии. Собранный мной тогда богатый материал я собирался использовать для книги о новейшем этапе английского профессионального движения. К сожалению, однако, все мои материалы погибли в Германии в

время войны. Непосредственное знакомство из первых рук с германским и английским движением легло в основу настоящей работы. Оно было дополнено и углублено литературой предмета, в особенности же новейшими статистическими данными о состоянии западно-европейских союзов после войны.

И. Майский.

Сентябрь 1924 г.
Ленинград.

ВВЕДЕНИЕ.

Моя задача—не история профессионального движения на Западе, а лишь характеристика важнейших типов его, выработавшихся в ходе вековой борьбы международного пролетариата за свои экономические интересы. Поэтому я не стану подробно останавливаться на прошлом профессионального движения (это прошлое я буду привлекать лишь постольку, поскольку оно необходимо для понимания настоящего), а непосредственно перейду к зарисовке основных черт его, как они выступают в наши дни. Короче говоря, я постараюсь изобразить *сегодняшнее* лицо европейского профессионального движения в его наиболее ярких и законченных образцах.

Однако, изучение типов профессионального движения может быть только тогда плодотворным, когда мы имеем достаточно ясное представление о тех об'ективных условиях, в которых профессиональному движению приходится жить и развиваться, ибо профессиональные организации не являются чем-то самодовлеющим. Они вырастают на определенной экономической основе и формируются под влиянием определенных социальных и политических факторов. Нельзя как следует понять первых, не имея ясного представления о вторых. Вот почему изучению самого типа профессионального движения я всегда буду предпосылать характеристику важнейших об'ективных условий, в обстановке которых вырабатывался этот тип.

Какие же из об'ективных условий являются, с нашей точки зрения, наиболее важными?

Такими наиболее важными условиями я считаю *условия экономические и политические.*

Экономические условия — это, прежде всего, общий характер народного хозяйства данной страны. Каково в нем соотношение основных отраслей производства? Является ли оно по преимуществу аграрным или по преимуществу промышленным? Обнаруживает более быстрый или более медленный темп развития? Имеет ли какие-либо специфические национальные особенности? Все эти и им подобные вопросы чрезвычайно важны, так как общий характер народного хозяйства оказывает сильнейшее влияние на выработку того или иного типа профессионального движения. Далее в высшей степени необходимо ознакомление с промышленным производством соответственной страны, так как главным очагом профессионального движения повсюду являлась и является промышленность. Особенно необходимо знать степень концентрации капитала в промышленности и находящуюся в зависимости от этого ее производственную структуру (преобладание крупных, средних или мелких предприятий).

Политические условия — это, прежде всего, характер государственного строя данной страны. Является ли государственный строй демократией, автократией или какой-либо промежуточной между ними формой? Пользуется ли рабочее движение правами легальности или, наоборот, вынуждено вести подпольное существование? В частности, узаконены ли профорганизации или же подвергаются гонению со стороны властей? Обеспечено ли пролетариату право коалиции или оно у него оспаривается? Все эти и т. п. вопросы также чрезвычайно важны, ибо общие формы государственной жизни накладывают неизгладимый отпечаток на физиономию профессионального движения. Далее крупное значение имеет вопрос о наличии в стране тех или иных политических партий. Какие именно партии действуют на арене общественной жизни? Какого типа и происхождения имеющиеся в стране буржуазные партии? Пользуются ли они влиянием на пролетариат, в каких размерах и почему? Через какие каналы — религиозные, национальные, культурные—буржуазные партии воздействуют на рабочие массы? Существует ли в стране полити

ческая партия пролетариата? Каковы ее характер и идеология? Какова сила ее влияния на трудящихся? Когда она возникла: до или после нарождения профессионального движения?

Все это нужно знать для того, чтобы понять и об'яснить тип профессионального движения, господствующий в данной стране.

После ознакомления с указанными об'ективными условиями я буду переходить к характеристике самого профессионального движения, причем буду принимать во внимание следующие важнейшие моменты:

1) Организационную структуру профессионального движения.

2) Формы профессиональной деятельности (борьба, взаимопомощь, культурно-просветительная работа).

3) Отношение к политике.

Сумма этих трех моментов обрисовывает лицо профессионального движения в целом.

И так как международное профессиональное движение в капиталистических странах (СССР стоит совершенно особняком и в мое рассмотрение не входит) до сих пор выработало три основных типа профессионального движения, три типа, связанных с именами трех крупнейших государств Запада — Англии, Германии и Франции, то в дальнейшем изложении я остановлюсь только на них.

АНГЛИЯ

Экономика.

Самобытность развития Англии.

Характернейшей особенностью исторических судеб Англии является самобытность протекающих в ней процессов развития (в том числе и процессов экономического развития), вытекающая из условий ее географического существования. Европейский континент в большей своей части представляет равнину, лишь кое-где изрезанную горными хребтами и глубоко вдавшимися заливами. Однако, почти на всем своем протяжении европейский континент легко доступен для продвижения человека: нигде нет каких-либо крупных естественных преград, мешающих сообщению между различными частями материка. Непосредственным результатом такого характера поверхности был тот полный величайшего исторического значения факт, что народы, населяющие европейский континент, на протяжении тысячелетий находились в постоянном общении между собой. Войны и торговля непрерывно приводили их в близкое соприкосновение, а близкое соприкосновение, естественно, порождало взаимное влияние народов друг на друга. Достаточно вспомнить, например, роль наполеоновских походов в политическом и культурном развитии Европы, чтобы понять, в какой мере география европейского континента способствовала известному нивеллированию процессов национально-государственного развития в странах, расположенных между Уральским хребтом и Атлантическим океаном. Самобытность исторических путей Франции, Германии, Австрии, Италии, России очень относительна. В судьбах каждой из этих стран чрезвычайно крупную роль играли иностранные влияния. И потому процессы их экономического, политического и культурного развития отличались далеко не полной органичностью и есте-

ственностью: в них всегда привносилось много со стороны, что, вклиниваясь в толщу национальной жизни, производило в ней известные смещения, вызывало насильственную ломку сложившихся отношений и очень часто ускоряло «нормальный» темп поступательного движения.

В Англии положение было иное. Англия расположена на островах, отделенных от европейского континента Ламаншем и Па-де-Кале. В течение ряда тысячелетий тридцатипятиверстная полоса воды, расположенная между Дувром и Кале, представляла собой такую крупную естественную преграду, что делало чрезвычайно затруднительными всякие сношения между народами, населяющими британские острова, и европейским континентом. Отсюда вытекала известная изолированность Англии. С ней трудно завязывались и поддерживались торговые сношения. На ее территорию не могли так легко проникать чужеземные войска. Действительно, Англия пережила на своем веку сравнительно немного иностранных нашествий, каждое из которых было отделено от другого многими столетиями. Известно, как напряженно мечтал уже в новейшее время Наполеон I о высадке на британском берегу и как тридцатипятиверстная полоса воды так-таки и не дала ему возможности осуществить это дерзкое намерение. Естественным результатом английской географии явилось то, что все процессы развития, совершавшиеся на британских островах, носили более самобытный и органический характер, чем на континенте Европы. Иностранных влияний было меньше, темп поступательного движения был ровнее и спокойнее. Сегодняшний день всегда крепко связывался со вчерашним, а завтрашний органически вытекал из сегодняшнего. Метод насильственной ломки был очень непопулярен. Наоборот, власть традиции была колоссально сильна.

Такова характернейшая особенность английской истории. Я считал необходимым указать на нее в самом же начале, потому что в дальнейшем изложении мы постоянно будем сталкиваться с целым рядом явлений, которые останутся непонятными, если мы не примем во внимание только что указанной особенности.

Английский капитализм. Англия не без основания считается классической страной капитализма. Она первая, два века тому назад, вступила на путь развития той формы производства, которая в XIX столетии стала в Европе безусловно господствующей и которая в наши дни клонится к своему историческому закату. Древность капитализма обусловила его необыкновенно могущественное развитие, с свидетельствами которого мы познакомимся ниже. Но эта же древность, в связи с теми особыми историческими условиями, о которых я говорил выше, наложила на английский капитализм своеобразный отпечаток. Как пионер в новой экономической области, он естественно шел ощупью, лишь *медленно и постепенно вырабатывая формы буржуазной системы производства.* Именно поэтому он много экспериментировал, много проделывал опытов, на которых учился сам и позднее учились другие. Именно поэтому в хозяйственной структуре Англии вплоть до настоящего дня имеется громадное количество пережитков прошлого, причудливо перемешанных с самой рафинированной современностью, любопытные образчики чего нам также не раз попадутся в дальнейшем изложении.

Как бы то ни было, но Англия в настоящее время является наиболее типичной страной капитализма. Об этом свидетельствует целый ряд самых разнообразных фактов. Я остановлюсь здесь на наиболее важных из них.

Профессиональный состав населения. Этот состав сразу и, пожалуй, более точно, чем различные другие признаки, открывает истинное социально-хозяйственное лицо страны. По данным переписи 1911 г. все *самодеятельное* население Англии по роду занятий распределялось следующим образом:

		в %.
Сельское хозяйство	2.408.000	12,0
Промышленность и горное дело	9.048.000	44,9
Торговля и транспорт	4.877.000	24,2
Гражданск. служба и свобод. профессии	1.134.000	5,6
Прислуга	1.710.000	8,5
Армия и флот	241.000	1,2
Прочие	726.000	3,6
	20.147.000	100%.

Таким образом, в 1911 году в сельском хозяйстве было занято всего лишь 12% населения, в то время, как на долю промышленности, транспорта и торговли приходилось почти 70%. Картина совершенно определенная. Позднейших данных о профессиональном составе населения пока не имеется, но ясно во всяком случае одно: увеличения сельско-хозяйственного населения за истекшее время не произошло. Скорее наоборот: еще более увеличилось население, занятое в других отраслях народного хозяйства.

Соотношение городского и сельского населения рисует нам, приблизительно, ту же картину. В 1911 году из 45,2 миллиона населения Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии приходилось:

на долю городского	33,2 милл.	(73%).
„ „ сельского	12,0	(27%).

Если же оставить в стороне Ирландию, которая в настоящее время выделилась из состава Соединенного Королевства и образует независимую государственную единицу, то в остальной нынешней Англии соотношение между интересующими нас частями населения представится в следующем виде:

городское население	31,8 милл.	(78%).
сельское население	9,1 „	(22%).

И здесь совершенно явственно выступает колоссальное преобладание не сельско-хозяйственного населения над сельско-хозяйственным.

Сельское хозяйство. Мы уже знаем, что сельским хозяйством занимается едва одна восьмая английского населения. Уже этот один факт достаточно ясно говорит о незначительных размерах британского земледелия. Но еще отчетливее данное обстоятельство вырисовывается при ознакомлении с посевной площадью Соединенного Королевства. В самом деле, в 1920 году вся посевная площадь Англии достигала 5,7 милл. гектаров[1]) против 12,5 миллиона гектаров во Франции, 13,1 милл.—в Германии.

90,5 милл. (цифра 1909—1913 г.) в России и 110,8 милл. в Соединенных Штатах. Роль сельского хозяйства в экономической жизни Англии и других упомянутых выше стран выступит особенно рельефно, если мы произведем расчет в среднем на одну душу населения. Тогда получится следующая картина:

Название страны.	Приходится посевной площади на 1 душу насел.
Англия (1920 г.)	0,12 гектара.
Германия (1921 г.)	0,22 „
Франция (1920 г.)	0,34 „
Россия (1909 г.—1913 г.г.)	0,53 „
Соединенные штаты (1921 г.)	1,04 „

Отсюда ясно, что значение сельского хозяйства в Англии, примерно, в два раза меньше, чем в Германии, в три раза меньше, чем во Франции, в четыре с лишним раза меньше, чем в России, и в девять раз меньше, чем в Соединенных Штатах. Совершенно очевидно, что прокормиться с посевной площади в $^1/_{10}$ десятины невозможно. И действительно, Англия живет не своим домашним, а *привозным* продовольствием. В какой мере, будет ясно из следующих данных. В течение 1909—1914 г.г. ежегодное потребление пшеницы и мяса в Великобритании распадалось на «свое» и «привозное» в такой пропорции:

	Собственное.		Привозное.	
Пшеница	1.520 тыс. тонн	(22%).	5.294 тыс. тонн.	(78%).
Баранина	320 „ „	1454 (58%).	269 „ „	1.037 (42%).
Говядина и телят.	749 „ „		470 „ „	
Свинина	385 „ „		298 „ „	
	2.974 тыс. тонн (32%)		6.331 тыс. тонн (68%).	

Иными словами: Англия ввозит почти $^4/_5$ всего хлеба и свыше $^2/_5$ всего мяса, которым она питается. В конечном итоге, $^2/_3$ своего основного продовольствия она получает из-за границы, дома продовольствия имеется, примерно, лишь на 4 месяца в году.

Уголь и железо. Зато в противоположность слабому развитию сельского хозяйства в Англии исключительно крупную роль играют уголь и железо — эти основы современной индустрии. В самом деле, в том же 1920 году добывание угля, чугуна и стали

в Англии, Франции, Германии, России и Соединенных Штатах представлялось в следующем виде:

	Угля.	Чугуна.	Стали.
	(в миллионах		тонн).
Англия	229,0	8,1	9,2
Германия	239,0	5.6	7,7
Франция	25,0	3,4	3,0
Россия (1913 г.)	32,0	4,6	4,9
Соедин. Штаты	576,0	37,0	41,6

Как видим, Англия по абсолютным цифрам своей тяжелой индустрии стоит на третьем месте в мире по отношению к углю и на втором месте по отношению к чугуну и стали. Но еще рельефнее выступит громадное значение угля и железа в народнохозяйственной жизни Великобритании, если мы и тут произведем расчет в среднем на одну душу населения. Вот что тогда получится:

	Угля	Чугуна	Стали.
	(в пу	да	х).
Англия	311	10,7	12.1
Германия	252	5,8	8,0
Франция	40	5,4	4.8
Россия (1913 г.)	11	1,6	1.7
Соединенные Штаты	346	21,7	24.5

При таком расчете Англия по количеству добываемого угля с третьего места передвигается на второе. И все колоссальное развитие британской тяжелой индустрии становится особенно наглядным при сравнении британских цифр с российскими: угольная промышленность в Соединенном Королевстве оказывается развитой в 30 раз больше, чем в нашей стране, а железная в 14 раз.

Текстильная промышленность. Эта отрасль народного хозяйства также с давних пор является одним из основных устоев английского капитализма, и потому не безынтересно познакомиться с некоторыми данными, относящимися к ней. Число прядильных веретен в текстильной промышленности Англии, Герма-

нии, Франции, России и Соединенных Штатов в 1921 году составляло:

Англия	56.351.000
Германия	9.400.000
Франция	9.620.000
Россия (1913 г.).	8.950.000
Соединенн. Штаты . . .	36.051.000

Англия, таким образом, возвышается здесь, как Монблан, среди всех других великих держав мира. Даже Соединенные Штаты от нее сильно отстают. В среднем одно веретено приходится: в Англии на 0,8 человека, в Соединенных Штатах—на 3, во Франции—на 4, в Германии—на 6 и в России—на 19 человек.

Транспорт. В отношении транспорта Англия также является одной из самых развитых, если не самой развитой страной в мире. Правда, длина и густота рельсовых путей в Великобритании не так уже велика. В самом деле, в 1920 году общая длина железнодорожных линий Соединенного Королевства равнялась 38.272 килом., что давало 7,6 километра на каждые 10.000 жителей. В России в 1916 году было 59.000 километров рельсовых путей, что давало 4 километра на каждые 10.000 населения. Наоборот, в Соединенных Штатах в 1918 году общая длина железнодорожных линий достигала 396.000 километров или 37½ километров на каждые 10.000 населения. В этом отношении Англия всего лишь вдвое превосходила Россию и в пять раз уступала Соединенным Штатам. Но относительная отсталость Англии в области железнодорожного транспорта об'ясняется, главным образом, ее географией: страна представляет собой ряд островов, из которых главный является длинной и узкой полосой земли с глубоко вдавшимися извилистыми заливами; при таких условиях на первое место, естественно, выдвигается не сухопутный, а водный транспорт. В области же водного транспорта Англия является первой державой в мире. Так, в 1923 году общая водоизместимость морского коммерческого флота Англии составляла 19,1 милл. тонн против 15,7 милл. тонн американского торгового флота, 3,7 милл. тонн французского, 3,6 милл. тонн [illegible]ского, 3 милл. тонн итальянского, 2,6 милл. тонн норвежского и

германского. В общем итоге Англия располагала почти ⅓ всего мирового тоннажа.

Внешняя торговля. Наконец, внешняя торговля страны. И в этой области Англия все время оставалась и ныне остается на первом месте в мире. Так, например, общий оборот внешней торговли Англии в 1922 году составил 1.828 миллионов фунтов против 1.276 миллионов фунтов Соединенных Штатов, 578 милл. фунтов—Франции и 237 миллионов фунтов—Германии. Еще ярче обнаруживается колоссальная роль внешней торговли в английском народном хозяйстве, если мы сопоставим ее с внешней торговлей некоторых других стран при расчете на одну душу населения. В целях лучшей сравнимости я приведу здесь цифры 1912 года, когда мировое хозяйство находилось еще в своем «нормальном» состоянии. В результате получим следующую таблицу:

	Годовой оборот внешней торговли в среднем на одну душу населения:
Англия	293 рубл. золотом.
Германия	163 „ „
Франция	143 „ „
Соединенные штаты . .	93 „ „
Россия	17 „ „

Из приведенных цифр ясно, что в английской экономике внешняя торговля играет роль, примерно, вдвое большую, чем во французской и германской, втрое большую, чем в американской, и в 17 раз большую, чем в российской. Это само по себе уже указывает на мощное развитие капитализма в стране. Не менее показательна в указанном отношении и самая структура британской внешней торговли. Действительно, если мы исследуем ввоз и вывоз Англии хотя бы за 1920 год, то увидим следующую замечательную картину:

	ВВОЗ.	
Пищевые продукты . . .	766 милл. фунт.	(40%).
Сырье	710 „ „	(37%).
Готовые фабрикаты . .	453 „ „	(23%).
	1.929 милл. фунт.	(100%).

ВЫВОЗ.

Пищевые продукты . . .	96	милл. фунт.	(6%).
Сырье	268	„ „	(17%).
Готовые фабрикаты . .	1.174	„ „	(76%).
Разные	18	„ „	(1%).
	1.556	милл. фунт.	(100%).

Итак, оказывается, что 77% английского ввоза составляют продовольствие и сырье и только 23%—готовые фабрикаты. Наоборот, 76% вывоза составляют готовые фабрикаты и лишь 23%—продовольствие и сырье. Это значит, что Англия является мировой фабрикой: она получает из-за границы пищевые продукты и сырые материалы и платит за них продуктами своей промышленности.

Из всех приведенных выше данных с полной несомненностью вытекает, что Англия является классической страной высоко развитого капитализма, в которой центральное место занимает промышленность, а сельское хозяйство далеко отодвинуто на задний план. Англия — держава индустриальная, а не аграрная. Такова характернейшая черта ее экономики, имеющая целый ряд важнейших социальных и политических последствий.

Структура промышленности. На ряду с общим характером народного хозяйства громадное значение для формирования профессионального движения имеет структура промышленности. Ведь всегда до сих пор очагом этого движения была промышленность, она давала основные кадры профессиональных союзов. Только в процессе дальнейшего развития в русло профессионального движения начинали вливаться: рабочие транспорта, торговли, сельского хозяйства и т. д. При таких условиях структура промышленности (преобладание в ней крупного или мелкого производства, степень развития предпринимательских об'единений и т. п.) накладывает неизгладимый отпечаток на физиономию профессионального движения.

Англия в этом отношении представляет весьма своеобразную картину. Несмотря на древность своего капитализма и на его экономическое и финансовое могущество, промышленность Соединенного Королевства вплоть до настоящего дня отнюдь не пора-

жает гигантской концентрацией производства. В Англии вы не встретите не только чего-нибудь подобного исполинским американским трестам или знаменитым германским концернам, занимающим десятки, а иногда и сотни тысяч рабочих,—в Англии вы не встретите даже и той степени концентрации капитала, какая в предвоенные годы наблюдалась в России. У нас очень часто попадались крупные предприятия, в которых работало по 5, 10, 15 и более тысяч человек (Путиловский завод, Обуховский завод, Гужон, Корзинкинская Мануфактура в Ярославле и др.). Фабрика с числом рабочих менее тысячи не считалась большим предприятием. Английская промышленность даже в отдаленной степени не напоминает довоенную промышленность России. В Ланкашире, сердце текстильного производства Великобритании, прядильная или ткацкая фабрика, насчитывающая 300—500 рабочих, считается уже крупным предприятием. Когда в 1906 году в сравнительно небольшом Брадфордском округе было созвано собрание предпринимателей в производстве чесаной шерсти, на него явилось целых 106 человек. И каждый из этих 106 оказался владельцем шерсточесальни. Конечно, в угольном, железном, машино- и судостроительном деле встречаются довольно крупные предприятия, насчитывающие число занятых рабочих тысячами, но даже и здесь исполинских предприятий, подобных американским, германским или довоенным русским, почти не имеется. Достаточно сказать, что на рубеже XX века в угольной промышленности Англии было свыше 1.500 самостоятельных фирм. И это в то время, когда угольная промышленность Рурской области, дававшей свыше половины всего количества черного топлива Германии, принадлежала 40 компаниям! В общем и целом можно утверждать, что по своему организационному строению английская промышленность относится не к типу крупно концентрированной, как американская или германская, а к типу *средне* концентрированной. В ней преобладают предприятия, насчитывающие своих рабочих сотнями и тысячами, но не десятками и сотнями тысяч.

Прямым последствием малой концентрированности английской промышленности является сравнительно слабая организация

предпринимателей. Конечно, экономические об'единения промышленников типа трестов и синдикатов в Соединенном Королевстве встречаются (например, в ниточном и прядильном производствах, в соляном деле, в табачной и химической промышленности, в изготовлении рельс и т. п.), но они далеко не так прочны и сильны, как в других капиталистических странах, и притом охватывают обычно не всю отрасль своего производства. Сравнительно слабы и боевые об'единения предпринимателей, создаваемые для отпора профессиональным союзам. Они имеются и, разумеется, играют крупную роль в социальной борьбе труда и капитала, но чрезвычайно сильно уступают своим американским или немецким собратьям. Только в области транспорта, особенно железнодорожного транспорта, находящегося в Англии в частных руках, организация предпринимателей очень могущественна, но это об'ясняется тем, что как раз в области транспорта имеется и максимальная концентрация капитала. Война 1914—1918 гг., несомненно, оказала известное влияние на английскую промышленность, усилив в ней тенденцию к укрупнению предприятий и об'единению их в тресты и синдикаты. Война точно также повысила боеспособность предпринимательских союзов. Однако, справедливость требует сказать, что даже и сейчас Англия все еще остается страной средне - концентрированного производства с относительно слабой организацией капитала.

Причины этого любопытного явления довольно разнообразны. Отмечу наиболее важные из них.

Первая и, пожалуй, самая основная заключается в том, что английская промышленность—*старая* промышленность. Ее фабрики и заводы росли медленно и постепенно в течение двухсот лет. Вначале предприниматель создавал маленькую мастерскую, потом, по мере развития предприятия, он ее расширял, сын его к основному корпусу делал пристройку, внук подводил пристройки под общую крышу,—так шаг за шагом вырастала капиталистическая фабрика, нередко сочетавшая в себе продукты развития различных эпох, на протяжении целого столетия. Аналогичный процесс наблюдался и в механическом оборудовании предприятия. Старые, вышедшие из моды машины не выбрасывались вон, пол-

ностью заменяясь новыми, а продолжали работать и лишь отчасти пополнялись новыми. Конечно, старые машины работали с меньшей выгодой, чем новые, но они все-таки работали, и предприниматель считал излишним с ними расставаться, так как они еще не успели окупить себя, а средств для полного переоборудования фабрики по последнему слову техники часто не хватало. Английская промышленность росла, но росла чисто стихийно, с минимальным участием сознательно организующих элементов, примерно так, как в процессе естественной борьбы за существование в морских глубинах складывается коралловый утес.

Эта технико-организационная мозаичность британской промышленности в сильной степени обслуживалась наличием другой чрезвычайно важной причины. Необыкновенно мощное развитие довоенной промышленности Германии об'яснялось далеко не в последней степени тем обстоятельством, что немецкие банки вкладывали крупные суммы в индустриальные предприятия. Все важнейшие кредитные учреждения Германии, как «Немецкий Банк», «Дрезденский Банк», «Дисконтное Общество» и др., покупали акции фабрик и заводов, угольных копей и пароходных компаний. Перед 1914 годом германская промышленность фактически находилась в руках банков, которые, надо отдать им справедливость, распоряжались ею весьма автократически. Теоретики банковского дела (особенно английские) нередко заявляли, что подобный образ действий представляет большую опасность для самих банков, так как ставит их в зависимость от прибылей или убытков предприятий, сильно зависящих, в свою очередь, от рыночной кон'юнктуры. Практика доказала, что опасения теоретиков были не так уж основательны. Но как бы участие банков в промышленности ни отражалось на самих банках, это участие для промышленности имело огромное и чрезвычайно положительное значение, ибо благодаря ему индустриальные предприятия имели к своим услугам широкий банковский кредит. А этот кредит сильно помогал им не только при ведении текущих дел, но также и в особенности при поддержании своего производства на уровне последнего слова техники. Если на рынке появлялась какая-нибудь новая сберегающая труд и расходы машина, не-

мецкий предприниматель немедленно же выбрасывал старые машины, хотя бы они полностью еще и не окупили себя, и ставил на их место новые, более выгодные. Он делал это, потому что имел к тому финансовую возможность. Возможность же ему создавал банк, снабжавший его в нужный момент необходимыми средствами. В Англии дело обстояло совсем иначе. Английские банки испокон веков привыкли заниматься лишь чисто кредитными операциями. Вкладывать свои капиталы в промышленность они считали делом довольно рискованным. Промышленность и банки жили поэтому раздельной жизнью. В конечном счете, промышленность была предоставлена, главным образом, своим собственным финансовым рессурсам, которых было сравнительно не так уж много. Совершенно естественно, что английский предприниматель сплошь да рядом останавливался перед такими расходами, которые его немецкий конкурент с помощью банка имел возможность произвести. Английский предприниматель часто вынужден был работать на старых машинах или откладывать на ряд лет приобретение новых из-за недостатка оборотных средств, несмотря на то, что техническое переоборудование фабрик по существу было чрезвычайно выгодно. В последнем счете, это создавало известную отсталость английской промышленной техники, а отсталость техники, естественно, задерживала концентрацию производства.

Была еще и третья причина, обусловливавшая интересующие нас явления,—это господство в Англии *свободы торговли*. Свобода торговли, установившаяся в стране с 1846 года, вызывалась необходимостью в подвозе дешевого продовольствия для населения и сырья для промышленности. Вместе с тем, вплоть до конца XIX века она не представляла опасности для английской индустрии, так как Великобритания далеко превосходила в этом отношении все остальные страны и не страшилась их конкуренции. Такая опасность пришла уже позже, на рубеже XX столетия, когда Соединенные Штаты и Германия превратились в грозных соперников Англии в области промышленного производства. В эти годы на британских островах велась широкая агитация в пользу протекционизма. Но было уже поздно: рабочий класс,

заинтересованный в дешевом продовольствии, представлял слишком большую силу для того, чтобы буржуазные империалисты из консервативного лагеря могли аннулировать свободу торговли. Между тем, при наличии свободы торговли крайне затруднялось установление капиталистическими об'единениями монопольных цен на продукты на внутреннем рынке, а тем самым и создание самых этих об'единений (ведь обычно картели, тресты и синдикаты вырастают из стремления предпринимателей монополизировать внутренний рынок и диктовать ему цены). В силу той же причины был сильно замедлен процесс поглощения более мелких предприятий более крупными, т. е. процесс концентрации производства. Наоборот, при постепенно растущей конкуренции иностранной (главным образом, американской и немецкой) промышленности английской индустрии для удержания своих позиций на мировом рынке пришлось прибегнуть к усилению специализации своего производства. Если немецкие фабрики и заводы брали дешевизной своих продуктов, то английские делали ударение на качестве, на изготовлении товаров особых сортов и квалификаций. Сосредоточение же внимания на изготовлении продуктов не массового, «стандартного», а специального потребления, равным образом, препятствовало концентрации производства, слиянию многих мелких и средних фабрик в одно крупное предприятие.

Наконец, имелась еще четвертая причина малой концентрированности английской промышленности — это исторически сложившийся характер англичанина, нашедший такое яркое выражение в известной английской пословице: «мой дом—моя крепость». При прочих равных условиях англичанин гораздо труднее вступает в какую-нибудь организацию, чем немец или русский, потому что англичанин страдает излишком индивидуализма. Конечно, данная причина играла только второстепенную роль, но ее все-таки приходится учитывать при об'яснении нынешнего строения английской промышленности.

Важнейшие производства. Что касается основных устоев английского народного хозяйства, то таковыми приходится считать прежде всего горное дело, металлургию и металлообработку, текстильную промышленность и транспорт (железнодорожный и водный). Некоторое представление о роли названных отраслей в общей экономике страны можно получить из следующих цифр:

	На 1 января 1923 г. было занято рабочих рук:
в металлической промышленности	2.233.000
„ текстильной „	1.349.000
„ горной „	1.317.000
„ строительной „	881.000
„ транспорте	864.000
„ производстве одежды	679.000
„ пищевкусовой промышленности	494.000
„ полиграфической и бумажной промышленности	337.000
„ прочих отраслях промышленности	1.090.000
	9.244.000
в торговле, госуд. и коммун. службе, земледелии и проч.	2.506.000
	11.750.000

Как видим, четыре вышеперечисленных отрасли народного хозяйства (металлопромышленность, текстильная промышленность, горное дело и транспорт) занимают около половины всего английского пролетариата и свыше 60% пролетариата промышленности и транспорта.

Таковы важнейшие данные о британской экономике, данные, представляющие особую важность с интересующей нас точки зрения.

Политика.

Государственный строй. В политическом отношении Англия всегда считалась классическим образцом буржуазной демократии. Ее конституция — самая старая в Европе: она ведет свое начало от знаменитой «хартии вольностей» 1215 года, обеспечивавшей британским гражданам свободу от произвольного ареста и от уплаты налогов, на которые не получено согласия представителей населения. Итак, английский парламентаризм насчитывает уже свыше 700 лет более или менее непрерывного существования.

Государственное устройство страны также является ярким воплощением той свободы и демократии, на которые вообще способна буржуазия. В самом деле, хотя формальным главой страны считается наследственный король, но он не пользуется никакой реальной властью. По известной английской пословице, король царствует, но не управляет. Реальная власть находится в руках парламента, состоящего из двух палат. Верхняя палата, так называемая палата лордов, состоит почти целиком из наследственных и назначенных представителей английской аристократии. Их в настоящее время около 740 человек. Палата лордов, несомненно, представляет собой наиболее архаическое представительное учреждение в мире. Но зато она не пользуется большим влиянием в парламентской машине. Несмотря на то, что до 1911 года формальные права обеих палат были одинаковы, первую скрипку всегда играла нижняя палата—выборная палата общин. Внешним признаком этого было то, что кабинет министров являлся ответственным не перед верхней, а перед нижней

палатой. С 1911 года права палаты лордов были уже вполне формально урезаны. Согласно закону, проведенному в этом году Ллойд-Джорджем, палата лордов лишилась права абсолютного вето по отношению к мероприятиям палаты общин. В настоящее время все законопроекты финансового характера могут стать законом даже вопреки воле верхней палаты, если они приняты палатой общин и утверждены королем. Все же прочие законопроекты могут точно также стать законом без согласия палаты лордов, но только в том случае, если палата общин примет их три раза, несмотря на отклонение их палатой лордов. Конечно, подобные конфликты между палатами случаются очень редко, и потому закон 1911 года большого практического значения не имеет. Однако, с принципиальной точки зрения он очень важен, как наглядное свидетельство второстепенной роли, отводимой английской конституцией палате лордов.

Что касается палаты общин, то она после реформы 1918 г. избирается на основании почти всеобщего избирательного права. Избирателем является каждый мужчина свыше 21 года и каждая женщина свыше 30 лет от роду (замужние женщины с 25 лет). Кроме того, требуется шестимесячный ценз оседлости и наличие у избирателя квартиры или комнаты, снимаемой, однако, без мебели, стоимостью в 10 фунтов (95 рублей) в год для мужчин и 5 фунтов для женщин. Не безынтересно отметить, что лорды и представители духовенства лишены права быть избранными в депутаты. В 1920 году в Англии насчитывалось 22 миллиона избирателей (из них 8,9 миллионов женщин) на 47 миллионов всего населения. До реформы 1918 года число парламентских избирателей лишь немногим превышало 8 миллионов, притом исключительно мужчин. Палата общин выбирается сроком на 5 лет и в настоящее время (т. е. после выделения Ирландии) насчитывает 615 депутатов; до того она имела их 707. Каждый депутат получает жалованье в размере четырех тысяч рублей в год.

Палата общин является базой знаменитого английского парламентаризма, а вместе с тем и основным устоем господствующей в стране буржуазной демократии. Эта демократия здесь очень солидная, почтенная и довольно тяжелая на под'ем. Сви-

детельством тому может служить совершенно исключительная для западно-европейских парламентских обычаев длительность существования палат и министерств. Так, например, за 1837—1924 г.г., т. е. за 87 лет в Англии сменилось 20 парламентов. Это значит, что в среднем парламент в Англии существует свыше 4 лет (самый короткий был в 1886 году—5½ месяцев, самый длинный в 1911-1918 г.г.—7 лет и 9 месяцев). Продолжительность жизни кабинетов несколько меньше. Так, за 1846—1924 г.г. всего в стране сменилось 26 кабинетов, что дает в среднем около 3 лет на один кабинет. Какой контраст, например, с Францией, где калейдоскопическая смена министерств со времени третьей республики (т. е. с 1871 г.) стала настоящим бытовым явлением.

Я уже говорил выше, что в Англии король царствует, но не управляет. Его обычным занятием являются придворные приемы, военные парады и посещение выставок и благотворительных учреждений, но отнюдь не государственные дела. Такое положение создалось не сразу. Британской буржуазии пришлось выдержать долгую и упорную борьбу с монархами прежде, чем она превратила их в ручных кроликов. Но к XIX веку эта работа в общем и целом была закончена, и вот уже свыше 100 лет в стране безусловно господствует парламент. Могущество его ничем не ограничено, кроме реального соотношения сил. Недаром в Англии существует поговорка: «парламент все может, он не может только превратить женщину в мужчину».

Под защитой парламента в стране осуществляется очень широкая политическая свобода. В предвоенные годы она производила чрезвычайно сильное впечатление на всех иностранцев. В Лондоне и других городах Великобритании не только не требовались паспорта от приезжающих, но даже вообще не существовало никакой прописки (как результат отсутствия прописки, не было и адресного стола). Свобода слова, собраний и манифестаций казалась совершенно неограниченной. В лондонских парках ежедневно вы могли видеть десятки митингов под открытым небом, обсуждавших самые разнообразные политические, экономические и религиозные вопросы. По вечерам почти все перекрестки улиц превращались также в места для собраний. Приходили ора-

торы, расставляли складные деревянные трибуны, влезали на них и начинали проповедывать, кто что хотел. Около трибуны собиралась толпа, проповеднику возражали оппоненты, он отвечал своим противникам, а полиция... полиция спокойно наблюдала все происходящее, заботясь лишь о том, чтобы на улице оставалось небольшое пространство для движения. Печать также пользовалась полной юридической свободой. Газету мог основывать всякий, кто хотел (или вернее, кто имел деньги), цензура отсутствовала, право закрытия в административном порядке не существовало, судебные преследования против печати были крайне редки. Пиши, о чем хочешь и как хочешь. Равным образом, ничем не ограничено было право союзов. Всякого рода об'единения и организации покрывали страну. Государство гарантировало всем гражданам полную свободу вероисповедания, результатом чего было наличие нескольких сот различных церквей, сект и религиозных течений. Знаменитый акт «Habeas Corpus» гарантировал граждан от ареста без судебного распоряжения, а в случае ареста по суду власти обязаны были пред'явить обвинение в течение 24 часов после задержания. Полиция не имела права без мандата от судьи входить в частные дома. Право убежища для политических и религиозных эмигрантов было неограниченно: в Англии на протяжении XIX века находили себе верный приют тысячи социалистов, анархистов и всяких иных людей «опасного» образа мысли, которым становилось слишком душно в своем отечестве. Там жили Маркс и Энгельс, Герцен, Бакунин и Кропоткин, мученики Парижской Коммуны и герои «Народной Воли». Война нанесла сильный удар традиционной английской свободе, она существенно ограничила размах существовавшей ранее демократии, однако, с наступлением мира многое (но не все) из старых обычаев было восстановлено. Поэтому в наши дни Англия попрежнему является наиболее классическим образцом буржуазной демократии, но самый этот образец кажется несколько полинявшим по сравнению с довоенным. Впрочем, и вся европейская буржуазная демократия за последние 10 лет сильно полиняла, так сильно, что скоро ее станет очень трудно отличать от фашизма.

Еще одной и чрезвычайно характерной чертой государственного строя Англии было и является очень широкое развитие в ней *местного самоуправления.* Города и земства имеют здесь очень большие права и во многих отношениях совершенно независимы от центральной власти. Так повелось еще с эпохи средних веков и так остается, конечно, с известными изменениями, вызываемыми общим развитием государства, вплоть до настоящего времени. *Местный* элемент — местный патриотизм, местные интересы, местные знаменитости, местная точка зрения—играет в Англии гораздо бо̀льшую роль, чем во Франции, Германии или России. Общегосударственная нивелировка меньше, центральная власть не так всемогуща, как на континенте.

Таковы основные черты британского государственного строя. Из сказанного выше явствует, что в структуре его имеется совершенно достаточное количество переживших себя архаизмов (король, наследственная палата лордов, повышенный возрастный ценз для женщин-избирателей и т. д.). Но все-таки в общем и целом он до сих пор остается наиболее полным и ярким воплощением начал буржуазной демократии. Такого воплощения мы не найдем ни в одной другой стране, где, быть может, юридические формы государства даже являются большим приближением к идеалу чистой демократии, чем в Англии. Франция—республика, притом республика, имеющая за плечами 4 революции, и, однако, во Франции никогда не было и половины той демократии, которую сумела создать британская буржуазия в пределах своего господства.

Корни английской демократии.

Невольно возникает вопрос, чем об'ясняется это столь последовательное осуществление начал буржуазного правопорядка?

Нередко приходится слышать, что данный факт об'ясняют опытом, который английские господствующие классы получили в результате революции XVII века. Не подлежит, конечно, сомнению, что британская буржуазия кое-чему научилась на событиях той бурной эпохи, но этот урок едва ли мог иметь такое решающее значение. Французская буржуазия ведь тоже имеет громадный революционный опыт,—это не помешало ей, однако,

быть гораздо более скупой при установлении меры демократии в своей стране. Действительные корни английской демократии лежат совсем в ином месте. Их приходится искать в последнем счете в ее... географии.

Англия — остров. Мы уже знаем, что 35-верстная полоса воды, отделяющая ее от континента, на протяжении тысячелетий являлась барьером, охранявшим ее от иностранных вторжений. Это обстоятельство делало для неѐ излишним содержание большой сухопутной вооруженной силы. В то время как Франция, Германия, Россия для защиты от нападения со стороны многочисленных врагов, а также для собственных нападений на чужие страны, должны были создать многочисленные армии, Великобритания могла обходиться сравнительно очень скромными сухопутно-военными силами. Вместе с тем империалистические тенденции страны, начавшие проявляться с XVI века, опять-таки в силу ее географического положения, были направлены не на сушу, и на море. Англия мало интересовалась приобретением земель на европейском континенте, но зато усиленно глотала заокеанские колонии. В результате, в Англии сложился и вырос могущественный маринизм, но сухопутный милитаризм всегда был и доныне остается в ней совершенно ничтожной величиной.

Данное обстоятельство имело чрезвычайно крупное внутренне-политическое значение. Господствующие классы континентальных государств, располагавшие большими сухопутными армиями, употребляли их не только для борьбы с внешними врагами, но также и для укрепления своего положения внутри страны. Опираясь на пушки и штыки, они чувствовали себя гораздо более независимыми от народных масс, меньше боялись этих масс и меньше с ними считались. В случае крайности они прибегали к усмирению масс вооруженной рукой. Словом, в континентальных государствах господствующие классы ставили ставку на *силу*, на принуждение и потому мало заботились об *убеждении* трудящихся классов. В Англии положение было совсем иное. Большой сухопутной армии в распоряжении ее господствующих классов не было. Был, правда, сильный флот, но личный состав флота, даже очень могущественного, сравнительно немногочислен, к

тому же флот по большей части находится в море, нередко разбросан по всему лицу земного шара и не может быть быстро сконцентрирован в одном месте. В силу таких своих свойств он весьма мало пригоден для использования во внутри-политической борьбе.

Таким образом, английские господствующие классы были лишены того острого оружия, с помощью которого господствующие классы континента устанавливали в своих странах откровенную диктатуру помещиков и буржуазии. Им приходилось гораздо больше считаться с настроением масс и действовать с гораздо большими тактичностью и осторожностью. Они лишены были возможности установить оголенную диктатуру и должны были мириться с формами прикрытой, украшенной фиговым листочком диктатуры. Таким фиговым листочком явилась демократия. С ее помощью английские лорды и фабриканты сумели накинуть узду на трудящиеся массы ничуть не хуже, чем это проделали их континентальные собратья с помощью свинца и нагайки. Ставка господствующих классов Великобритании была не на силу, а на *обман* народных масс. Они действовали не столько принуждением, сколько *убеждением* этих масс в правоте и неизбежности своего господства. Перефразируя известное евангельское изречение, можно утверждать, что в то время, как континентальные хозяева жизни брали в плен тело трудящихся, английские хозяева жизни брали в плен их душу. Конечный же результат получился один: помещики и буржуазия и там и тут держали в своих руках всю полноту экономического и политического могущества.

Культ традиций.

В высшей степени интересны те методы и пути, с помощью которых английские господствующие классы частью сознательно, частью бессознательно, в процессе инстинктивного классового приспособления, стремились пленить душу трудящихся классов. Здесь на первом месте, несомненно, стоит тот *культ традиций*, то почти фанатическое обожествление всего прошлого на том только основании, что оно прошлое, которое так поражает в Англии каждого иностранца.

Если вы зайдете в Британский Музей в Лондоне, где собраны миллионы книг и других печатных произведений со всех концов земного шара, и сядете за стол для занятий, вам невольно бросится в глаза необычная картина: рядом с чернильницей лежат два пера — одно обыкновенное, привычное стальное перо, а другое — гусиное. Гусиные перья лежат на всех столах и регулярно каждую неделю меняются. Зачем это делается? Кто сейчас, в век радио и аэроплана, станет писать гусиным пером? Это делается только потому, что гусиным пером писали наши деды и прадеды, и хотя сейчас никто ими не пишет, но во имя сохранения традиций нужно иметь гусиные перья на столах Британского Музея и в XX веке.

Это, конечно, совершенно безобидное проявление культа традиций. Но бывают и гораздо более серьезные. В лондонском Сити, например, имеется громадное количество крупнейших торговых и банковских фирм с мировой репутацией и значением. Эти фирмы ворочают миллионами фунтов и держат в своих руках подчас судьбы целых стран. Но помещаются они в таких маленьких, душных и темных конурках, в таких настоящих собачьих кутках, от которых с презрением отвернулся бы наш средней руки провинциальный лавочник. И когда задаешь вопрос, почему такая-то мировая миллионная фирма задыхается без света и воздуха в каком-то жалком углу, то получаешь в ответ: «Наша фирма находится здесь уже 200 лет, она здесь начала свою деятельность и здесь нажила свои капиталы, мы считаем своим долгом продолжить традицию».

То же самое и в отношении парламента. В 1605 году шотландские католики, недовольные королем Яковом I, устроили заговор и решили взорвать короля вместе со всеми депутатами во время торжественного заседания парламента. В подвалах Вестминстера, где помещается парламент, были заложены бочки с порохом, и офицер Гай Фокс должен был зажечь фитиль. Заговор был открыт, взрыв предупрежден, и Гай Фокс вместе со своими единомышленниками поплатился жизнью. С тех пор прошло свыше трехсот лет, и сейчас даже ни один сумасшедший в Англии не помышляет о взрыве парламента. Тем не менее, вплоть до настоя-

щего дня в начале каждой парламентской сессии пристав палаты общин в сопровождении стражи спускается в подвалы Вестминстера и осматривает их с фонарями для того, чтобы убедиться, что там не лежит какой-нибудь новой пороховой бочки. Зачем это делается? Исключительно по традиции, по той столь излюбленной Англией традиции, которая оказывает такие неоценимые услуги ее господствующим классам.

Да что заговор Гай Фокса! В истории парламента имеются еще более поразительные проявления культа традиций. Старое здание парламента, в котором он заседал несколько веков, сгорело во время большого лондонского пожара в 30 годах XIX столетия. В этом старом здании зал заседаний палаты общин имел только 350 мест, что соответствовало числу его членов лет 250 тому назад. К моменту пожара число депутатов палаты возросло до 600 слишком, так что около половины из них не имело места в зале заседаний. Им приходилось сидеть на галлерее или толпиться в проходах. Положение было явно ненормальное, и во всякой другой стране возникшее затруднение было бы очень просто разрешено путем перестройки и расширения зала. Но только не в Англии! В Англии во имя традиций здание не хотели переделывать. Наконец, случился пожар. Здание сгорело, приходилось строить новое. Казалось бы, вполне естественным в новом здании сделать зал уже по числу наличных депутатов. Ничего подобного! Новое здание, опять-таки во имя традиций, было выстроено, как точная копия сгоревшего. И в новом здании зал палаты общин был расчитан опять-таки на 350 человек. Сейчас в ней 615 депутатов. И в дни, когда обсуждаются особенно важные вопросы, свыше 250 «народных представителей», держащих в своих руках судьбы страны, не имеют стула, на котором они могли бы усесться. Это ли не апофеоз культа традиций, апофеоз, доведенный до полного идиотизма?

Все приведенные выше случаи, иллюстрирующие всемогущество в Англии традиций, сами по себе сравнительно безобидны, но они чрезвычайно интересны, как символ господствующего в стране уклада. И, поскольку власть традиций принимает всеобщий характер, она начинает подпирать собой не только бытовые и

политические курьезы, вроде гусиных перьев и осмотра подвалов Вестминстера, но также институты, учреждения и отношения, давно пережившие себя, но почему-либо выгодные для господствующих классов. Разве королевская власть в Англии держится до сих пор не в силу традиций? Разве существование палаты лордов не обеспечивается в огромной степени силой традиций? Разве в Соединенном Королевстве по традиции не сохраняют до сих пор юридического значения тысячи старых, изданных в прошлые века законов? Правда, в обычное время эти законы спокойно лежат на полке. Но в известные моменты, особенно, когда господствующим классам надо ущемить пролетариат, в этом заржавевшем юридическом арсенале всегда отыскивается какая-нибудь подходящая к случаю средневековая пищаль или секира и пускается в ход против подымающей голову революции. С подобными примерами мы не раз встретимся в дальнейшем изложении. Да, не подлежит ни малейшему сомнению: культ традиций оказывает британской буржуазии неоценимые услуги. Вот почему она относится с такими нежностью и любовью, с такими восхищением и душевным трепетом ко всему, что носит на себе отпечаток прошлого. Вот почему в современной английской жизни на каждом шагу встречаешь такие исполинские залежи исторической рухляди минувших веков, которые способны привести в смущение даже очень смелого человека.

Культ компромисса. Другим чрезвычайно важным методом духовного пленения трудящихся классов является также издавна установившийся в Англии *культ политического компромисса.*

Нельзя сказать, чтобы английская история даже после эпохи революции представляла собой слишком идиллическую картину. На протяжении последних двух с половиной веков Великобритании не раз приходилось переживать весьма острые моменты, во время которых господствующие классы отнюдь не чуждались широкого применения репрессий, подчас даже весьма жестоких. Достаточно напомнить кровавую эпопею Ирландии минувших ста лет для того, чтобы понять, как беспощадна могла быть английская буржуазия. Но если даже ограничиться пределами соб-

ственно Великобритании, то и тут мы найдем целый ряд случаев, когда «верхние десять тысяч» в борьбе с подымающими голову народными массами вполне откровенно брались за плетку. Так, в 1800 году парламентом был издан закон, запрещающий существование профессиональных союзов,—после этого в течение целой четверти века английскому пролетариату пришлось вести упорную борьбу за легализацию своих экономических организаций. Точно также в 20—30 г.г. XIX века крупно-поместная аристократия, стоявшая тогда у власти, свинцом и нагайкой защищала свои позиции против наступления буржуазии и пролетариата, требовавших реформ избирательного права. Во второй половине прошлого столетия, когда рабочее движение уже стало одним из важнейших факторов внутренней жизни страны, правящие классы все еще не раз пытались придавить ему грудь каблуком сапога.

Но все-таки нельзя отрицать, что английские правящие классы никогда не доводили своего упорства так далеко, чтобы единственным возможным выходом из положения становился только стихийный массовый взрыв, только открытая революция. Они прекрасно усвоили ту простую истину, что переть против рожна не только бессмысленно, но и бесполезно. Поэтому их руководящим лозунгом стало во-время делать уступки сверху для того, чтобы предупредить насильственное завоевание снизу. И, конечно, при такой тактике правящие классы отнюдь не оказывались в накладе: по общему правилу, при уступках сверху они давали не больше половины того, что пришлось бы отдать в случае открытой революции, да сверх того еще сохраняли репутацию мудрости и благородства, т. е. укрепляли свой авторитет и влияние на широкие массы.

Примеров такого необычайно ловкого лавирования с помощью тактики компромисса в английской политической истории можно найти бесконечное множество. Остановлюсь на некоторых, наиболее характерных. Выше я уже упоминал, что в 1800 г. парламент издал закон, запрещающий существование профессиональных союзов. Закон этот вызвал большое ожесточение среди рабочих. С годами ожесточение росло и постепенно начало вы-

ливаться в бурных протестах и демонстрациях. Правящие классы учуяли грозящую им здесь опасность и своевременно позаботились о том, чтобы обломить ей острие: законодательными актами 1824—1825 г.г. запрещение профсоюзов было отменено, и они получили известное (довольно куцое) право легальности.

То же самое было и с борьбой за избирательную реформу. Засилие помещиков в парламенте, характеризовавшее начало XIX века, вызывало крайнее негодование в кругах средней и мелкой буржуазии, а также в миллионных массах только что пропробуждавшегося к сознательной жизни пролетариата. Двадцатые годы были заполнены пламенной агитацией буржуазных радикалов за демократизацию избирательного права. Их горячо поддерживали торгово-промышленные круги, интеллигенция, рабочие. Движение за избирательную реформу с каждым годом становилось все более бурным и стремительным. В 1830—1831 г.г. оно приняло такие широкие размеры, что в воздухе серьезно запахло революцией. Струна была натянута до последней степени, казалось, еще момент, и она лопнет. Однако, и на этот раз помещики-феодалы верно учли момент. Они поняли, что медлить дольше нельзя. И действительно, в 1832 году парламент принял знаменитый «билль о реформе». Избирательное право было расширено, но именно потому, что эта уступка была дарована сверху, а не завоевана снизу, расширение избирательного права оказалось слишком ограниченным. Оно охватило среднюю и, отчасти, мелкую буржуазию. Число избирателей, составлявшее раньше 3% населения, теперь поднялось до 4,5%. Пролетариат попрежнему остался за бортом парламента. Но своей искусной тактикой лорды разбили единство, господствовавшее раньше в оппозиционном лагере. Буржуазия, теперь получившая необходимые ей права, перешла на сторону господствующих, а пролетариату пришлось дальнейшую борьбу вести уже на свой собственный риск и страх. В результате получение рабочим классом избирательных прав замедлилось почти на целое столетие: первый шаг в этом направлении был сделан только в 1867 г., а полностью избирательное право оказалось пролетариатом завоеванным только в 1918 году.

Не менее любопытна была также история чартистского движения. Как известно, чартисты выдвигали политическую программу. Они требовали полного осуществления буржуазной демократии (всеобщее избирательное право, тайное голосование, равные избирательные округа, ежегодные выборы в парламент, отмена имущественного ценза для парламентских кандидатов и, наконец, жалованье депутатам).

Чартисты хотели довести до логического конца ту борьбу за демократизацию избирательного права, которая была прервана на полдороге реформой 1832 года. В основе, однако, движение это было не столько политическим, сколько социальным. Оно питалось страшной нищетой трудящихся масс, нищетой, обусловливавшейся бесчеловечной эксплоатацией английского капитала и высокими ценами на продукты продовольствия. Говоря о политике, чартисты, в сущности, думали об экономическом переустройстве общества. И некоторые из их вождей, напр., священник Стефенс, открыто заявляли, что хартия (по английски «чартер»,—отсюда самое название «чартисты») есть в конечном счете не политический вопрос, а вопрос «ножа и вилки». Чартистское движение приняло поистине грандиозные размеры. Под его знаменем стояли в буквальном смысле слова миллионы. В конце 30-х и начале 40-х годов положение стало особенно угрожающим. Чартисты подали парламенту петиции, покрытые миллионами подписей, с требованием осуществления хартии, но парламент их отверг. Это дало перевес в движении так называемой «партии физической силы», которая стала открыто готовиться к восстанию. Частичные вспышки начались в разных частях страны. Было много оснований предполагать, что мало-по-малу они сольются в один мощный пожар, который испепелит основы британской конституции. Грозная опасность была налицо. Что же делают господствующие классы? Они решают отвести надвигающуюся политическую грозу в экономическое русло. В 1846 году происходит отмена пошлин на хлеб и другие пищевые продукты. Цены на продовольствие сразу падают, материальное положение масс облегчается, революционная энергия их ослабевает. Остальное доделывают репрессии. В результате государственная власть

выходит невредимо из тягчайшего кризиса, не пожертвовав рабочему классу ни одной политической уступкой.

Так было в первой половине XIX века. XX столетие дало не менее яркие свидетельства все той же священной мудрости политического компромисса. Ограничусь двумя наиболее яркими примерами.

В 1900 году из об'единения профессиональных союзов и некоторых социалистических организаций возникла британская Рабочая Партия. О причинах ее возникновения речь у нас будет в дальнейшем, сейчас достаточно будет отметить, что нарождение Рабочей Партии об'ективно означало вотум недоверия со стороны пролетариата по отношению к двум основным политическим партиям Англии — либералам и консерваторам. Пролетариат, наученный горьким опытом 90 годов, почувствовал необходимость в создании своего собственного классового представительства в парламенте. Данный факт имел колоссальное значение для обеих буржуазных партий. И та и другая в течение целого столетия жили обманом рабочих масс. Миллион рабочих избирателей на каждых выборах голосовали за либералов и консерваторов. Появление Рабочей Партии было грозным симптомом пробуждающегося сознания пролетариата, — открытой манифестацией его недовольства буржуазными партиями. Правда, на первых порах Рабочая Партия была слаба: на выборах 1900 года ей удалось собрать только 63 тыс. голосов и провести в палату общин двух депутатов. Но потенциально она представляла собой смертельную опасность для самых основ капиталистического господства. И вожди английской буржуазии с правильным классовым инстинктом сразу учуяли великую угрозу, а учуявши немедленно стали действовать. Не с помощью насилий и репрессий, о, нет! Это была бы слишком грубая и глупая тактика. Она способна была бы только ускорить прояснение классового сознания рабочих, а этого английская буржуазия боится больше всего на свете. $^4/_5$ населения страны — рабочие, и в тот день, когда откроются глаза у большинства пролетариата, пробьет последний час Керзонов и Ллойд-Джорджей. Поэтому после образования Рабочей Партии вожди английской буржуазии уви-

дали себя вынужденными еще раз прибегнуть к испытанной тактике компромисса. На выборах 1906 года, давших Рабочей Партии уже 323 тыс. голосов и 29 депутатов, блестящую победу одержали либералы. Новое либеральное правительство, в состав которого вошел Ллойд-Джордж, начало эру широких социальных реформ. Были изданы законы, полностью гарантировавшие пролетариату право стачек (нарушение этого права и послужило непосредственным толчком к образованию Рабочей Партии). Затем с необыкновенным шумом и рекламой был выдвинут знаменитый «революционный бюджет» Ллойд-Джорджа. Бюджет этот менее всего был расчитан на то, чтобы вызвать революцию. С гораздо большим правом он заслуживал названия страховки от революции. Налог на наследство и налог на незаработанный доход, составлявшие гвоздь бюджета, по существу были для английского капитала не так уже страшны. В конце концов, он мог бы с ними легко примириться, как мирятся с горькой пилюлей, которая восстанавливает здоровье больного. Но такой гениальный демагог, как Ллойд-Джордж, сумел заставить поверить широкие массы рабочих, что в его бюджете кроится панацея от всех человеческих несчастий.

Далее, в процессе борьбы, вызванной бюджетом, Ллойд-Джордж провел то ограничение прав палаты лордов, о котором я упоминал выше. В сущности, это ограничение не имело большого реального значения. До того в течение 200 лет не было случая, чтобы палата лордов отвергла бюджет, принятый палатой общин. Трудно предположить, чтобы палата лордов могла слишком часто приходить в конфликт с палатой общин в будущем, по крайней мере, в рамках буржуазного общества. А в случае социальной революции, конечно, обе палаты пошли бы на слом в пыльную корзину истории. Тем не менее, и из закона 1911 года Ллойд-Джордж сумел извлечь колоссальный политический капитал. Затем, в 1911—14 г.г. все тот же Ллойд-Джордж провел систему государственного страхования рабочих, за 20 лет перед тем осуществленную в императорской Германии. На страховании он также нажил колоссальную популярность. В результате английская буржуазия так основательно осветила свой начав-

шийся было несколько увядать политический авторитет среди рабочих масс, что накануне войны ее позиции стояли значительно крепче, чем в конце XIX столетия. Она точно вспрыснула себе крупную дозу живительного элексира. В предвоенные годы Ллойд-Джордж казался многим близоруким буржуа страшным ниспровергателем основ, каким-то демоном злобы и разрушения, но теперь, спустя 15 лет, совершенно ясно, что в действительности он был ее ангелом-хранителем. Не подлежит сомнению, что именно Ллойд-Джордж обеспечил английским правящим классам покорность рабочих масс во время империалистической войны,—не малое достижение! И все это явилось результатом ловкого и умелого использования тактики компромисса.

Другим и, быть может, еще более поразительным образчиком все той же тактики может служить рабочее правительство Макдональда. Выборы 1923 года имели следующий результат:

Консерваторы . .	5.360.000	голос.	258	мандатов.
Рабочая Партия	4.348.000	„	191	„
Либералы	4.252.000	„	159	„
Прочие	227.000	„	7	„
	14.186.000	голос.	615	мандатов.

Таким образом, ни одна из партий не получила большинства,—первый случай в истории английского парламентаризма. Не имеет этого большинства и Рабочая Партия. Почему же тогда власть попала в руки Рабочей Партии, которая к тому же является только второй по величине?

Причины очень любопытны. После выборов 1923 года господствующие классы Англии стояли перед дилеммой: или, об'единившись против Рабочей Партии, образовать коалиционное, чисто буржуазное правительство и загородить таким образом дорогу к власти пролетариату, или же, наоборот, открыть ему дорогу к министерским местам. Господствующие классы решили в пользу второй возможности. И по вполне достаточным основаниям. Ведь не пустить Рабочую Партию к власти сейчас значило бы отбросить ее в резкую оппозицию и, стало быть, усилить в ее рядах левое крыло. При социальной структуре Англии и при общих

тенденциях нашей эпохи через несколько лет Рабочая Партия все равно пришла бы к власти, но не добром, а силой. И предупредить подобную перспективу никто не смог бы, ибо, еще раз напоминаю, $^4/_5$ населения страны—рабочие. Ставить ставку на репрессии, на обострение классовой борьбы было бы безумием. Вожди буржуазии это прекрасно понимают и потому они сейчас идут иным путем. Они сами, якобы добровольно, уступают власть пролетариату, но эта власть осуществляется не революционерами, пришедшими к ней через баррикады и восстания, а безобидными кроликами, скромно бегающими в отведенной им хозяевами клетке. Притом в любой момент игра в «рабочее правительство» может быть кончена, так как существование последнего целиком зависит от поддержки либеральной партии. Совершенно очевидно, что такая комбинация для буржуазии гораздо выгоднее, чем насильственное оттирание Рабочей Партии от власти. Правительство Макдональда буржуазии серьезного вреда причинить не может — не такова природа его членов и его положение в парламенте — вместе с тем оно имеет все шансы скомпрометировать самую идею рабочей власти в широких кругах пролетариата. Если Макдональд пробудет у власти год и не сделает ничего серьезного для рабочих, либералы на ближайших выборах, обращаясь к трудящимся массам, смогут сказать: «Вы имели собственное правительство, что же оно вам дало? Ничего. Голосуйте лучше за нас. Мы обещаем вам провести действительно полезные мероприятия». И они не побоятся выдвинуть какие-нибудь популярные требования вроде национализации копей или огосударствления железных дорог. Сотни тысяч рабочих избирателей вспомнят о предвоенных реформах Ллойд-Джорджа, об утомительном беге на месте правительства Макдональда и, пожалуй, отдадут свои голоса либералам. Тем более, что в этом направлении будет действовать и вековая традиция. А мы знаем, как велика ее сила в Англии [1]).

И еще одно. Пребывание у власти, несомненно, углубляет внутреннее расслоение в Рабочей Партии. В ней уже достаточно

[1]) Подробнее об этом см. ниже главу „Профессиональные союзы и политика".

оформилось левое крыло, недовольное политикой Макдональда, инстинктивно ориентирующееся на коммунистов. Этот процесс неизбежно пойдет дальше. В не особенно отдаленном будущем в Рабочей Партии должен наметиться раскол, тот раскол, который уже произошел в рабочем движении Германии и Франции. И если раскол произойдет, то правая часть Рабочей Партии, которая в Англии будет, вероятно, еще подлее, чем немецкие шейдемановцы, станет верным вассалом либерализма. Тогда-то Асквиты и Ллойд-Джорджи смогут на известный срок закрепить за собой господствующее положение в парламенте.

Не ясно ли при таких условиях, что английская буржуазия после выборов 1923 года должна была передать власть в руки Рабочей Партии? Так диктовали ей ее правильно понятые классовые интересы. Так повелевала ей исторически сложившаяся мудрость политического компромисса, который приблизительно в одинаковой степени сильны обе буржуазные партии—консерваторы и либералы.

Какие общественно-политические последствия имеют господствующие в Англии власть традиций и культ компромисса?

Эти последствия чрезвычайно важны. Власть традиций и культ компромисса, проникая собой всю атмосферу английской жизни, воспитывают в этом духе широкие массы населения, в том числе и пролетариат. Рабочий с малых лет незаметно для самого себя привыкает слишком высоко ценить всякий исторический хлам, перешедший ему по наследству от дедов и прадедов, и слишком низко оценивать значение полной победы. Он систематически привыкает к полупобеде, к компромиссу. Вся его психология окрашивается в соглашательские цвета. Он становится типичным оппортунистом, который из-за деревьев не видит леса. Именно этим об'ясняется целый ряд таких явлений в английском рабочем движении, которые всегда чрезвычайно поражают русского читателя и с которыми мы неоднократно еще столкнемся на последующих страницах.

Политические партии.

Выше уже не раз упоминались *консерваторы* и *либералы*. Действительно, обе эти партии являются основными, в течение веков исторически сложившимися политическими партиями Англии. Возникновение их относится к эпохе революции XVII столетия—тогда они назывались «виги» (либералы) и «тори» (консерваторы),—а окончательное оформление уже к XVIII веку. Первоначально каждая из названных партий имела свою характерную социальную и политическую физиономию. Виги представляли нарождающуюся английскую буржуазию и решительно отстаивали принципы либерализма и демократии. Тори опирались на крупное землевладение и в политике были типичными реакционерами. В XVIII веке между обеими партиями существовала несомненная и весьма крупная разница. Однако, в XIX веке положение стало постепенно изменяться. По мере капиталистического развития Англии стала стираться резкая грань между крупным землевладением и городской буржуазией. С одной стороны, разбогатевшие фабриканты и банкиры приобщались к лику старинной аристократии, получали высокие титулы и становились владельцами земельных участков; с другой стороны, земельные лорды, получившие вкус к прибылям и дивидендам, делались членами могущественных акционерных компаний, превращались в заводчиков и фабрикантов и начинали бойко играть на бирже. Шаг за шагом происходило слияние двух эксплоататорских классов в один, если можно так выразиться, буржуазно-помещичий, в котором, однако, в соответствии с общей структурой народного хозяйства страны элементы буржуазные безусловно преобладали над помещичьими. Конечно, делалось это не сразу. Еще в первой половине XIX века линия водораздела между консерваторами и либералами была довольно ясна. Именно либералы стояли во главе движения за избирательную реформу 1832 года, а консерваторы ей противились. Именно либералы вели кампанию за отмену таможенных пошлин, увенчавшуюся полной победой в 1846 году, а консерваторы им противодействовали. Но по мере приближения к нашим дням линия политического водораздела между партиями начинает все больше меркнуть и затушевываться.

Правда, партии продолжают существовать как отдельные самостоятельные организации, выступать на выборах со своими особыми программами и кандидатами, систематически сменять друг друга у власти, но эта внешняя форма все больше лишается внутреннего содержания. Социального оправдания для такого раздельного существования двух партий становится все меньше. И нетрудно предвидеть такой не слишком отдаленный момент, когда политическая надстройка придет в известное соответствие с социально-экономическим базисом, и консерваторы вместе с либералами составят единый фронт против... пролетариата. Некоторые предвестники этого уже имели место. Так, во время империалистической войны и после нее Англией управляла либерально - консервативная коалиция под главенством Ллойд-Джорджа. Сейчас коалиция временно распалась, главным образом, потому, что основам буржуазного порядка в стране пока не угрожает никакая непосредственная опасность. Но достаточно будет такой опасности превратиться в реальную угрозу сегодняшнего дня, как ликвидация двух больших исторически сложившихся партий станет совершившимся фактом.

Однако, это дело будущего. До сих пор в течение двух с лишним столетий руководящими политическими силами страны были либералы и консерваторы. На основе существования этих двух партий сложилась и знаменитая система британского парламентаризма. Суть этой системы состояла в том, что у власти более или менее регулярно менялись обе партии. Когда либералы располагали в палате общин большинством и формировали правительство, консерваторы выступали в качестве оппозиции. Когда консерваторы располагали большинством и образовывали правительство, либералы занимали место оппозиции. Получалась своеобразная политическая игра, служившая одним из могущественных средств втирания очков трудящимся массам населения. Борьба партий и пересаживание их с места на место должны были вызывать и действительно вызывали у этих масс иллюзию какой-то перемены положения, возбуждали в них каждый раз новые надежды и ожидания. И обе партии были настолько умны, чтобы не совсем разочаровывать своих избирателей. Обычно каждая из

них в эпоху своего господства стремилась провести какое-нибудь популярное среди пролетариата, но не слишком ущемляющее буржуазию мероприятие для того, чтобы поддержать господствующие среди рабочих иллюзии. При этом наблюдалось характерное явление, что вплоть до конца XIX столетия в области рабочего законодательства делали больше консерваторы, чем либералы. Это об'яснялось, впрочем, очень просто: консерваторы, опиравшиеся, главным образом, на крупное землевладение, меньше страдали от проведения социальных реформ, касающихся промышленности. Поэтому они легче готовы были собирать для себя политический капитал за чужой счет—за счет буржуазии, в политике представленной по преимуществу либералами.

С середины XIX века либерально-консервативная политическая игра стала принимать совершенно качелеобразный характер, что несомненно свидетельствовало о растущем ослаблении разницы между обеими партиями. Действительно, за период 1846—1923 годы у власти сменилось всего 24 кабинета, из которых 11 было либеральных, 10—консервативных и 3—коалиционных (коалиционные правительства: Абердина в 1852—1855 г.г., Асквита—в 1915—1916 г.г. и Ллойд-Джорджа—в 1916—1922 г.г.).

Однако, ничто не вечно под луной. Не вечна оказалась и консервативно-либеральная политическая идиллия в Англии. В 1874 году в палате общин в нарушение вековых традиций появилась третья партия—ирландские националисты, которые не желали иметь ничего общего ни с одной из исторически-сложившихся британских партий и которые весь смысл своего пребывания в британском парламенте видели в завоевании автономии для своей родины, после чего они считали необходимым свое удаление из стен Вестминстера. Ирландские националисты, несомненно, грубо нарушали традиционные чертежи английского парламентаризма, но они все-таки не могли в корне подорвать существующую систему. Виной тому были две причины. Во-первых, ирландские националисты были партией сравнительно небольшой и притом не имевшей шансов когда-либо стать очень крупной, ибо по самому существу своему они не могли иметь сторонников нигде за пределами Ирландии. А Ирландия насчитывает всего 4½ милл.

жителей из 47 миллионов всего населения Соединенного Королевства. Действительно, в лучшие времена ирландские националисты насчитывали в парламенте около 80 депутатов из общего количества свыше 700. И дальше им расти было некуда. Во-вторых, ирландские националисты были партией резко оппозиционной всему английскому. Поэтому они принципиально отказывались от какого-либо участия в английском правительстве. Вот почему полувековое (1874—1922) пребывание ирландской партии в британском парламенте не внесло никаких существенных изменений в традиционные основы английского парламентаризма.

Положение резко изменилось, начиная с 1900 года. В этом году, как мы уже знаем, возникла Рабочая Партия. Ее нарождение знаменовало собой наступление новой эпохи в политической истории Великобритании, ибо Рабочая Партия была английская партия, располагавшая возможностями необычайно широкого развития, и к тому же она не имела никаких принципиальных возражений против участия во власти или даже полного ее захвата. Старые партии прекрасно поняли грозившую им опасность. Недаром они затратили столько усилий на то, чтобы демократической мишурой и социальными реформами насколько возможно затормозить рост политической партии пролетариата. Усилия не пропали даром, но неизбежное все-таки должно было совершиться. И вот мы присутствуем при крушении вековых основ английской политической системы. Уже на выборах 1922 г. создалось такое положение, что ни одна из выступавших партий не получала большинства. Ирландцы к этому времени, получив свою автономию, из английского парламента ушли. Но остальные партии проделали очень горячую кампанию, в результате которой консерваторы получили 5.381.000 (38%) голосов, Рабочая Партия—4.233.000 (30%) и либералы—4.206.000 (30%). Правда, благодаря несовершенствам английского избирательного закона [1]

[1]) В Англии выборы происходят не по абсолютному, а по относительному большинству голосов. Так, например, если в данном округе насчитывается 50.000 избирателей, распределившихся между тремя кандидатами следующим образом: 18.000, 17.000 и 15.000, то избранным окажется тот, кто получил 18.000, несмотря на то, что за него подано значительно меньше половины всех голосов.

в парламенте консерваторы получили 344 (56%) мандатов, в то время как на долю Рабочей Партии пришлось только 142 (23%) и на долю либералов 117 ((19%), так что консерваторы могли образовать правительство, располагающее собственным большинством. Однако, это большинство было совершенно искусственное и об'яснялось в значительной степени случайностью. По существу же старая двухпартийная политическая система перестала существовать, и на выборах 1923 года это обнаружилось уже со всей очевидностью. Число поданных за различные партии голосов на этих выборах очень мало отличалось от числа голосов, поданных в 1922 году, но на этот раз и в самом парламенте уже ни одна из партий не имела большинства (см. выше стр. 41). В результате создалось совершенно беспримерное в истории английского парламентаризма положение, когда у власти находится правительство (Макдональда), не располагающее большинством ни в стране, ни в палате общин. Ясно: старая Англия клонится к своему закату. Постепенно рушатся те основы, на которых она существовала до сих пор. Рушится политическая основа, не за горами день, когда начнет рушиться и экономическая основа. Впереди перед Англией, как и перед другими европейскими странами, бури социалистической революции, отбрасывающие свою тень уже на ее сегодняшний день.

Таковы основные черты политической физиономии современной Англии. А теперь можно перейти уже непосредственно к профессиональному движению.

Профессиональное движение.

I. Организационная структура.

Множественность союзов. Первое, что ярче всего бросается в глаза при ознакомлении с миром английского профессионального движения, — это громадное количество самостоятельных профессиональных организаций. В самом деле, вот что говорят цифры:

Годы.	Число союзов.	Общее число членов в союзах.
1913	1.266	4.133.000
1914	1.256	4.143.000
1915	1.226	4.386.000
1916	1.221	4.640.000
1917	1.234	5.496.000
1918	1.254	6.530.060
1919	1.346	7.920.000
1920	1.358	8.328.000
1921	1.241	6.613.000
1922	1.190	5.580.000

Итак, в течение десяти лет число союзов с некоторыми колебаниями в ту и другую сторону остается на одном уровне [1]. Минимальная цифра была в 1922 году—1.190, максимальная—в 1920 году—1.358.

[1]) По свидетельству супругов Вебб («История трэд-юнионизма» 1924 вып. IV, стр. 104), число союзов в начале 90-х г.г. прошлого столетия также достигало, примерно, 1100—1200.

Если от этих общих суммарных данных перейти к отдельным отраслям производства, то картина станет еще поразительнее. Так, в 1922 году было:

	Союзов.	Членов.
В транспорте . . .	43	889.000
» горном деле	115	845.000
» железоделательной и металлообрабатывающей промышленности	121	839.000
» текстильной промышленности .	285	653 000

Как видим, в одной текстильной промышленности имеется 285 самостоятельных организаций и даже в наиболее централизованной области народного хозяйства, в транспорте, их насчитывается 43.

Чтобы по достоинству оценить значение приведенных цифр, необходимо сопоставить их с цифрами, относящимися к другим странам. Так, в Германии в 1921 году всего имелось 49 классовых союзов с общим количеством членов 7.568.000. При этом в горном деле и текстильной промышленности было только по одному союзу, в области транспорта—2 (союз транспортных рабочих и союз железнодорожников), в железоделательной и металлообрабатывающей промышленности—3 (союз металлистов, союз машинистов и союз медников). В СССР в 1923 году насчитывалось всего лишь 22 союза с общим количеством членов 5.546.000, причем в горном деле, в текстильной промышленности, в железоделательной и металлообрабатывающей промышленности было только по одному союзу, и лишь в области транспорта—4 (железнодорожники, водники, нар. связь и местный транспорт).

Сопоставление разительное, и оно станет еще нагляднее, если мы сравним среднюю численность союзов в указанных трех странах. Тогда окажется [1]:

[1] Цифры, касающиеся Англии, взяты из „The Labour Jear Book“, 1924; относительно Германии—из „Statistisches Jahrbuch f. d. Deutsche Reich“, 1923; относительно СССР—из „Отчета ВЦСПС VI С'езду профсоюзов“, 1924.

Приходится в среднем членов на 1 союз.

	Англия. (1922 г.).	Германия. (1921 г.).	С.С.С.Р. (1923 г.).
По всему профдвижению.	4.700	154.000	252.000
В том числе:			
в транспорте .	20.700	510.000	282.000
„ горном деле. . .	7.400	459.000	290.000
„ металлообрабат. и железоделат. промышл.	7.000	553.000	529.000
„ текстил. промышл. .	2.300	587.000	494.000

Приведенная таблица чрезвычайно красноречива. Она свидетельствует о том, что в среднем английские союзы в 33 раза мельче германских и в 54 раза мельче советских. Что же касается германских и советских союзов, то, хотя среднее число членов германских по отдельным отраслям производства и превышает соответственное число советских, так как немецкая промышленность гораздо более мощна, чем российская, в общем и целом все-таки концентрация профессионального движения в СССР значительно выше, чем в Германии.

Из вышесказанного ясно, что для английского профессионального движения характерен тип мелкого союза, насчитывающего своих членов немногими тысячами. Британские профессионалисты нередко любят доказывать, что общие цифры не дают правильного представления о действительности, так как де среди двенадцати сотен английских профессиональных союзов имеется громадное количество крошечных, лишенных всякого реального значения организаций, фигурирующих, однако, в статистических таблицах. Число же более серьезных об'единений значительно меньше и не так уже разнится от аналогичного числа в Германии и в других континентальных странах. Даже соглашаясь с этой точкой зрения, хотя она далеко не так уже бесспорна (в критический момент даже маленькая организация может принести очень много вреда), придется все-таки признать, что заявления английских профессионалистов не вполне подтверждаются фактами. В самом деле, все более серьезные профессиональные союзы примыкают к Конгрессу Трэд-юнионов,—и вот оказывается, что в 1922 году из общего количества 1.190 союзов с

5.580.000 членов к Конгрессу Трэд-юнионов примыкало 195 союзов с 4.369.000 членов. Это составляет 16% всех союзов и 78% всех членов. Если взять даже только названные наиболее серьезные союзы, то и тогда окажется, что в среднем на один союз приходится немногим больше 22.000 членов, т. е. в семь раз меньше, чем в Германии, и в одиннадцать раз меньше, чем в СССР. Таким образом, и этот аргумент оказывается не слишком убедительным. Английское профессиональное движение, несомненно, страдает крайней раздробленностью, крайней множественностью союзов и организаций.

Где причины этого явления?

Причины множественности союзов. Основные причины лежат, несомненно, в тех организационных принципах, на которых строятся английские союзы. Таких принципов два.

Во-первых, построение союза не в *производственном*, а в узко-*профессиональном*, иногда даже просто *цеховом* масштабе. В советских союзах, напр., считается аксиомой, что все рабочие, занятые в какой-либо отрасли производства, независимо от их цеховых и профессиональных различий, должны быть об'единены в рамках одного союза. Поэтому в СССР мы имеем один союз для всех работников горного дела, один союз — для всех работников, связанных с металлом, и т. д. В Англии совсем иначе. *В Англии нет ни одного производственного союза*. Здесь безусловно преобладает дробное об'единение рабочих по отдельным профессиям или по группам более близких друг другу профессий. Отсюда естественная множественность союзов.

Во-вторых, еще одним обстоятельством, обусловливающим ту же множественность, является крупная роль *локализма* в построении профессиональных организаций. В Советской России вы не встретите самостоятельных профессиональных организаций в городском или губернском масштабе. У нас нет ни Ленинградского союза металлистов, ни Донецкого союза шахтеров, ни Уральского союза железоделательных рабочих, как самостоятельных профессиональных единиц. Не то в Англии. Здесь на каждом шагу мы вплоть до настоящего дня наталкиваемся на громадное количество чисто местных союзов, охватывающих рабо-

чих той или иной профессии, либо в одном только городе, либо в городе и его районе, либо, наконец, в какой-нибудь определенной части страны. Получается пестрый переплет обще-английских или, как здесь принято называть, национальных и локальных (городских, районных, областных) профессиональных союзов. Тем самым, естественно, еще более усиливается множественность организаций.

Попробую иллюстрировать эти общие положения некоторыми конкретными примерами. Возьмем, напр., группу транспорта, об'единенную у нас в четыре союза. В Англии всех союзов транспортных рабочих насчитывается 43. Если даже отбросить более мелкие и второстепенные, все-таки останется целых 13 союзов, имеющих более серьезное значение. Союзы эти следующие:

	Число членов.	Местопребывание союзного центра.
1. Национальный Союз Железнодорожников	327.000	Лондон.
2. Об'единенное Общество машинистов и кочегаров на железных дорогах	60.000	
3. Ассоциация конторских служащих на железных дорогах	60.000	•
4. Союз шофферов и возчиков Ливерпуля и района	10.000	Ливерпуль.
5. Союз грузчиков угля в Кардифе, Энерте и Берри	1.700	Кардиф.
6. Союз механиков и кочегаров на рыбачьих судах в Гримсби	1.000	Гримсби.
7. Об'единенный Союз морских рабочих	12.000	Лондон.
8. Национальный Союз матросов и кочегаров	60.000	
9. Трудовая Лига защиты грузчиков.	5.600	
10. Союз транспортных рабочих и чернорабочих	300 000	
11. Союз транспортных рабочих и чернорабочих в Северной Англии.	6.000	Болтон.
12. Союз рабочих на шоссейных дорогах Англии	10.000	Манчестер.
13. Союз рабочих речного судоходства.	350	Норич.

На приведенной таблице стоит остановиться несколько внимательнее. В ней, во-первых, совершенно явственно выступает узко-профессиональный принцип организации. Так, например, на железных дорогах имеется три параллельных союза, в водном транспорте специализация еще больше: имеются особые организации рабочих речного судоходства, морских рабочих, рулевых, матросов и кочегаров, даже механиков и кочегаров на рыбачьих судах. Наряду с этим отчетливо выступает и локализм. Так, наряду с обще-английским союзом транспортных рабочих имеется особый союз транспортных рабочих Северной Англии, далее, встречаются союз шофферов Ливерпульского района, союз грузчиков угля в районе Кардифа, союз механиков и кочегаров в Гримсби и т. д. Каждый из названных союзов совершенно самостоятелен и свято блюдет свои суверенные права, хотя бы в нем насчитывалось каких-нибудь 350 членов, как в «Союзе рабочих речного судоходства» в Нориче.

Картина организационного дробления и пестроты, даваемая областью транспорта, типична вообще для английских отношений, с той, впрочем, оговоркой, что она несколько возвышается над средним уровнем, так как концентрация профессионального движения среди транспортников все-таки несколько больше, чем в целом ряде других отраслей производства. В самом деле, среди рабочих, связанных с металлом, положение оказывается значительно хуже. Мы уже знаем, что всего союзов в этой отрасли производства насчитывается 121. За вычетом менее значительных, все-таки остается 46 более крупных и серьезных. И тут опять-таки с необыкновенной яркостью выступает роковая роль цеховщины и локализма. Так, напр., в одном только судостроении имеется 4 союза:

	Число членов.	Местопребывание союзн. центра.
1. Союз строителей барж	520	Лондон.
2. Общество кузнецов и железных рабочих	14.000	Глазго.
3. Союз котельщиков	90.000	Нью-Кестль.
4. Союз строителей судов и плотников.	38.000	»

В области машиностроения имеется уже целых 24 союза, среди которых на первом месте стоит «Об'единенный союз механиков» с 256.000 членов. Наряду с ним имеется целая куча других союзов частью узко-цехового, частью локального значения «Национальный союз литейщиков в Манчестере» с 40.000 членов, «Национальный союз строителей экипажей в Манчестере» с 22.000 членов, «Национальный союз механиков в латунном производстве Бирмингама» с 20.000 членов, «Шотландский союз латунных модельщиков в Глазго» с 1.000 членов. «Союз шлифовальщиков машин в Рочделе» с 800 членов, «Союз рабочих по изготовлению музыкальных инструментов для армии в Лондоче» с 340 членов и т. д.

В железоделательной промышленности также имеется 18 более крупных союзов, главным из которых является «Союз рабочих железной и стальной промышленности в Лондоне» с 104.000 членов. Наряду с ним, однако, имеются и такие организации: «Национальный союз рабочих доменных печей в Мидльсборро» с 20.000 членов, «Союз рабочих, изготовляющих цепи в Стаффе», с 2.000 членов и т. д.

Не иначе и в области печатного дела. Эта группа настолько характерна для английских условий, что ее стоит рассмотреть несколько внимательнее. Здесь имеются 12 более крупных союзов с общим количеством членов около 160.000. Союзы эти следующие [1]):

	Число членов.	Местопребывание союзн. центра.
1. Лондонский союз наборщиков . .	14.800	Лондон.
2. Союз корректоров	1.317	»
3. Национальный Союз электро-и стереотиперов	3.000	
4. Союз артистов, рисовальщиков и т. д. в литографском деле . . .	4.230	
5. Союз литографов в Великобритании и Ирландии	6 000	Манчестер.

[1]) „Second Statistical Jear Book of the International Federation of trade unions 1923/24", Amsterdam, 1924, стр. 71.

6. Национальный Союз печатников и их подручных	17.281 чл.	Лондон.
7. Союз механиков на линотипах	4.190 „	„
8. Союз представителей прессы . .	200 „	„
9. Союз газетных телеграфистов . .	220 „	„
10. Союз рабочих в книжной и бумажной промышленности	70.000 „	„
11. Союз рабочих типографий	30.716 „	Манчестер.
12. Шотландский Союз рабочих типографий	5.852 „	Глазго.
	157.806 чл.	

В области печатного дела опять-таки в высшей степени характерно узко-профессиональное строение союзов («Союз лондонских *наборщиков*», «союз *печатников*», «Союз *электро-* и *стереотиперов*», «Союз *литографов*» и т. д.), а равно и несомненное наличие локализма («*Шотландский* союз типографов», «*Лондонский* союз наборщиков» и пр.). Оба момента скрещиваются, и в результате получается крайнее дробление профессиональных организаций.

Не подлежит сомнению, что подобная архитектура профессионального движения крайне невыгодна для рабочих. Она имеет три главных недостатка.

Во-первых, постоянную конкуренцию из-за членов между многочисленными родственными союзами. Так, напр., «Национальный союз железнодорожников», согласно своему уставу, об'единяет всех работников железных дорог, в том числе кочегаров и машинистов. Но так как наряду с «Национальным союзом железнодорожников» имеется еще особый «Союз машинистов и кочегаров железных дорог», то между обеими организациями идет постоянная мелкая война из-за того человеческого материала, который каждая из них стремится вовлечь в свое русло. Аналогичная борьба происходит между «Об'единенным союзом механиков», распространяющим свою деятельность на всю страну, с одной стороны, и «Северо-английским союзом механиков и кочегаров в Стальбридже», «Союзом механиков и кораблестроителей в Лондоне», «Национальным союзом машинистов, кочегаров,

механиков и электрических рабочих в Иорке» и т. д. То же самое наблюдается и в типографском деле, и в текстильной промышленности, и в транспорте и решительно всюду. Борьба из-за членов служит причиной нескончаемых споров и ссор между отдельными союзами и подчас принимает столь острые формы, что размежевывать границы владений различных организаций приходится на ежегодном конгрессе трэд-юнионов. Так, напр., «гвоздем» конгресса 1923 г. был именно вопрос о размежевании. Впрочем, и конгрессы сплошь да рядом пасуют пред открывающимися здесь трудностями.

Вторым и тоже весьма естественным дефектом данной системы об'единения является сравнительная дороговизна управления всей сложной машиной английского профессионального движения: в каждом даже маленьком союзе имеется свой председатель или секретарь, свой штат служащих, свои расходы на помещение, канцелярию и т. п. При таком параллелизме много денег уходит зря.

Наконец, третий и, конечно, самый существенный дефект описанной системы организации состоит в том, что крайняя множественность союзов слишком ослабляет фронт пролетариата в борьбе с буржуазией. Вся машина профессионального движения становится очень сложной, громоздкой, неповоротливой. Достижение соглашения между отдельными союзами для общих выступлений против предпринимателей крайне затрудняется, создается необходимость в очень длительных переговорах между штабами различных организаций, в высшей степени затрудняются быстрота и единство действий.

Как видим, дефекты очень серьезные. Но они легко об'ясняются теми экономическими, политическими и социально-бытовыми условиями, о которых я говорил выше (см. главы I и II). В описанной форме организаций совершенно отчетливо прощупывается влияние сравнительно малой концентрированности английской промышленности, высокой специализации производства, слабости об'единения предпринимателей, силы локализма и могущества традиций. Так об'ясняется возникновение самого явления. Но неужели английские рабочие не понимают, не чув-

ствуют всех его вредных последствий? Неужели они не пытаются как-нибудь парализовать эти последствия?

Меры борьбы с раздробленностью професс. движения.

Конечно, чувствуют и понимают. Конечно, пытаются парировать дефекты своей организации. Важнейших способов для достижения этой последней цели у английских профессионалистов имеется два:

1. Создание *централизованных национальных союзов,* охватывающих, если не целое производство, то, по крайней мере, целый ряд смежных профессий.

2. Создание *федераций профессиональных союзов* производственного или близкого к производственному типа. При этом данные федерации подразделяются, в свою очередь, на две категории:

а) федерации, построенные на принципе об'единения *локальных* союзов;

б) федерации, построенные на принципе об'единения *национальных* союзов различных цехов или же *национальных* союзов с известной примесью *локальных* об'единений.

Приведу несколько примеров для иллюстрации этих различных типов профессиональной концентрации.

Национальные союзы.

Одним из наиболее ярких образчиков борьбы с вредными последствиями раздробленности союзов первым способом, т. е. путем создания централизованного национального союза, может служить история возникновения «Национального союза железнодорожников». Важнейшие относящиеся сюда факты сводятся к следующему. До 1911 года в области железнодорожного транспорта имелось 5 главных организаций: «Амальгамированное общество железнодорожных служащих», «Всеобщий железнодорожный союз», «Об'единенное общество стрелочников и сигнальщиков», «Об'единенное общество машинистов и кочегаров» и «Общество конторских служащих на железных дорогах». Все перечисленные союзы, как и подобает добрым английским союзам, вели между собой постоянную мелкую войну из-за членов и тем самым облегчали

могущественным железнодорожным компаниям (в Англии железные дороги находятся в частных руках) эксплоатацию железнодорожного пролетариата. Однако, в 1911 году дело дошло до открытого столкновения, причем основным требованием рабочих было признание предпринимателями профессиональных союзов, в чем железнодорожные компании упорно им отказывали. Слабое и нерешительное вмешательство правительства не возымело никакого действия, и в августе 1911 года на железных дорогах Англии вспыхнула стачка, охватившая свыше 200 тысяч человек. Борьба кончилась полупобедой, и для того, чтобы закрепить ее, а также развернуть в полную победу, необходима была концентрация сил профессионального движения. В результате в 1913 г. произошло слияние «Амальгамированного общества железнодорожных служащих», «Всеобщего железнодорожного союза» и «Об'единенного общества стрелочников и сигнальщиков» в «Национальный союз железнодорожников», насчитывающий в настоящее время (1922 г.) 327.000 членов. Названный союз принадлежит к числу наиболее передовых в профессиональном смысле организаций Великобритании и имеет совершенно определенную тенденцию к превращению в производственный союз, по крайней мере, в рамках железнодорожного транспорта. Тем не менее, вплоть до настоящего дня ему приходится считаться с наличием еще двух конкурирующих об'единений, а именно: «Общества конторских служащих на железных дорогах» (60.000 членов) и «Об'единенного общества машинистов и кочегаров» (60.000 членов). Все усилия «Национального союза железнодорожников» притти к слиянию с названными организациями до сих пор не привели ни к чему, и борьба из-за членов, а также взаимное соперничество между ними попрежнему продолжаются.

Другим интересным образчиком такого же метода борьбы с раздробленностью профессионального движения может служить возникновение в 1920 году «Амальгамированного союза машиностроителей». Этот союз сложился из об'единения знаменитого «Амальгамированного общества механиков», возникшего еще в 1851 году и подробно описанного супругами Вебб в их «Истории трэд-юнионизма», с рядом родственных союзов: «Ассоциацией

об'единенных машинистов», «Обществом об'единенных кузнецов и молотобойцев», «Обществом об'единенных, модельщиков и медников», «Обществом токарей по меди на Севере Англии», «Лондонским обществом токарей и концовщиков по металлу». Данное слияние произошло далеко не сразу и не без большой предварительной борьбы между союзами. Борьба шла между принципами цехового и производственного об'единения, борьба шла также между принципами централизма и окружной автономии в управлении союзами, в частности в разрешении вопроса об устройстве стачек. Но, в конце концов, борьба эта закончилась победой концентрационных тенденций, и «Амальгамированный союз машиностроителей» стал совершившимся фактом. В 1922 г. он насчитывал 250.000 членов. Несмотря, однако, на об'единения названных выше союзов, в английском механическом производстве (не говоря уже об английской металлопромышленности вообще) продолжает господствовать еще невероятный профессиональный хаос. В нем имеется все-таки 26 более крупных самостоятельных организаций, так что «Амальгамированному союзу машиностроителей» и сейчас приходится конкурировать, примерно, с двумя дюжинами других союзов, в числе которых имеются, напр., «Национальное общество механиков в латунном и металлическом производствах» (20.000 членов), «Союз электро-технических рабочих» (25.000 членов), «Национальный союз машинистов, кочегаров, механиков и электротехников» (22.000 членов) и т. д.

Последнее десятилетие видело и еще ряд аналогичного рода концентраций. Так, в 1917 году 13 различных союзов транспортных рабочих об'единились в «Амальгамированный союз транспортных рабочих», насчитывающий в настоящее время 300.000 членов, что, впрочем, не избавляет его от конкуренции с 11-ью другими организациями рабочих на транспорте. Равным образом в 1919 году произошло слияние «Ассоциации почтово-телеграфных служащих», «Федерации почтальонов» и «Ассоциации имени Фоусета» в один «Союз почтово-телеграфных работников» (в 1922 году—80.000 членов). Однако, соперниками этого союза являются еще около 40 различных цеховых и локальных организаций почтово-телеграфных служащих и рабочих.

Как видим, даже там, где удавалось достигнуть об'единения ряда союзов в более крупные профессиональные единицы, все-таки до идеала производственного союза путь еще очень далек. А сколько было за последние годы переговоров о слиянии различных организаций, которые кончились ничем! Вот один из многих примеров. Еще в 1919 году в трех старых и могущественных союзах в области кораблестроения — «Союзе котельщиков» (90.000 членов), «Союзе корабельных плотников» (38.000 членов) и «Союзе черных кузнецов» (14.000 членов)—был поставлен вопрос об об'единении. Прошло 5 лет, однако, и до сих пор дело не сдвинулось с места.

Федерации. Второй способ парирования вредных последствий множественности союзов—это создание федераций профессиональных союзов производственного или близкого к производственному типа. При этом, как уже выше упоминалось, необходимо различать федерации, построенные на принципе об'единения локальных союзов, и федерации, построенные по преимуществу на принципе об'единения национальных союзов.

Прекрасным образчиком федерации первого типа (об'единение локальных союзов) может служить знаменитая *«Федерация британских горнорабочих»*. Она основана очень давно, еще в 1887 году, и постепенно в процессе почти сорокалетнего развития превратилась в могущественнейшую профессиональную организацию Англии. В 1887 году эта федерация насчитывала 36.000 членов, а в 1922 году она имеет их 750.000. Строение федерации таково: она состоит из 18-ти областных союзов (Нортумберланд, Дерхем, Иоркшир, Ланкашир и Чешир, Дербишир, Бристоль, Кент, Северный Уэлльс, Южный Уэлльс, Мидлэнд, Шотландия и т. д.), каждый из которых, в свою очередь, является федерацией нескольких союзов горнорабочих в пределах более узких территорий. Так, например, федерация Мидлэнда включает в себя местные союзы Южного Стафордшира, Северного Стафордшира, Олдхилла, Ворвикшира, Шропшира, Каннокчеза и Пэлсэла. Шотландская федерация включает в себя 8 местных союзов: Файф и Кинроз, Средний и Восточный Лотиан, Западный Лотиан, Айршир, Ланаркшир, Стирлингшир, Клакманшир и Киркин

тилох. Подобная же картина наблюдается и во всех других областных федерациях-союзах. Реальная власть находится в руках областных об'единений, концентрирующих у себя главную массу союзных средств и внимательно контролирующих деятельность местных союзов.

Что же касается «Федерации британских горнорабочих» в целом, то она является, сравнительно, легкой надстройкой над этим солидным профессиональным базисом. Обще-британская федерация преследует две цели: с одной стороны, об'единять и направлять экономическую борьбу рабочих, а с другой стороны, представлять их политические интересы. Никакого центрального стачечного фонда у федерации нет. Средства ее составляются из особых взносов областных об'единений по расчету 1 шиллинг (50 коп.) в год на члена для покрытия расходов по управлению федерации и 1 шиллинг в год на члена для политической борьбы. Из последнего шиллинга ⅓ передается в распоряжение мест для оплаты расходов на муниципальные выборы и т. п. Всего в год «Федерация британских горнорабочих» имеет, примерно, 700—800 тысяч рублей золотом, в то время, как общий доход областных об'единений и их местных союзов достигает 6—7 миллионов рублей. Из приведенных цифр ясно, что обще-британская федерация в деле профессиональной борьбы может играть лишь сравнительно второстепенную роль, являясь то посредником между каким-либо областным об'единением и предпринимателями, то советником и помощником областного об'единения в случае открытого столкновения между ним и соответственной организацией шахтовладельцев. В экстренных обстоятельствах обще-британская федерация содействует займу одного областного об'единения, находящегося в борьбе, у других или же об'являет специальный сбор по федерации в его пользу. Наконец, в случае «национального» столкновения в горной промышленности, охватывающего всю страну, обще-британская федерация выступает в качестве руководителя военных действий и представителя рабочих по отношению к внешнему миру и к правительству. Что касается политики, то в этой области роль обще-британской федерации была весьма существенна до образования в

1900 году Рабочей Партии. Тогда Федерация заботилась о проведении в парламент определенного количества своих представителей, о проведении нужных горнорабочим законов, о предупреждении каких-либо нажимов на них со стороны правительственной машины. В настоящее время сама Федерация политикой занимается очень мало, ибо входит в состав Рабочей Партии, обслуживающей обще-политические интересы пролетариата. Политические задачи, однако, отнюдь не вычеркнуты из программы «Федерации британских горнорабочих», но теперь они остаются в ней уже только по привычке, по всемогущей в Англии традиции.

Чтобы покончить с миром горнорабочих, необходимо еще отметить, что, несмотря на свои гигантские размеры и на свой, казалось бы, всеоб'емлющий характер, «Федерация британских горнорабочих» тоже не является производственным об'единением. На копях и рудниках наряду с ней имеется еще целый ряд особых профессиональных союзов, в которые организованы некоторые специальные группы занятых здесь рабочих и служащих. Так, имеются: « Генеральная федерация кочегаров, надсмотрщиков и т. д.» (12.000 членов), «Шотландская ассоциация машинистов и котельщиков на копях» (4.209 членов), «Шотландская ассоциация надсмотрщиков в копях» (480 членов), «Федерация машинистов и котельщиков в угольных копях Ланкашира, Чешира и Северного Уэллься» (2.000 членов), «Федерация железорудных рабочих Кемберленда» (5.000 членов) и др.

Аналогичного типа федерации, правда, с некоторыми специфическими особенностями, мы встречаем и в *текстильной промышленности*. Особенно любопытна сфера бумагопрядения. Здесь мы имеем семь различных цеховых союзов (1. Бумагопрядильщики, 2. Ткачи, 3. Чесальщики, 4. Сучильщики, 5. Надсмотрщики над ткацкими станками, 6. Меряльщики тесьмы, 7. Сновальщики), каждый из которых представляет собой федерацию местных (окружных) союзов (союзов Болтона, Бернли, Брадфорда и др.). Каждый из названных 7-ми союзов-федераций представляет собой довольно централизованное об'единение: он имеет центральный стачечный фонд, строго контролирует работу местных союзов, руководит борьбой своей профессии и заключением коллек-

тивных договоров. Однако, все эти 7 союзов группируются в единицы более высокого порядка. Во-первых, местные союзы семи перечисленных об'единений, т. е. Союзы бумагопрядильщиков, ткачей, сучильщиков и т. д., расположенные в Болтоне, Бернли и т. п., образуют местные федерации рабочих хлопчато-бумажного производства. Во-вторых, 7 перечисленных выше цеховых об'единений (или, по крайней мере, большая часть из них) образуют «Текстильную федерацию северных графств». Так как в «северных графствах» расположена главная масса английской текстильной промышленности, то эта федерация, формально охватывающая лишь определенную территорию страны, является по существу федерацией, близкой по об'ему к национальной. По своему организационному строению данная федерация носит, однако, характер очень примитивного об'единения. Никаких центральных фондов у нее нет, никаких пособий она не выдает. Ее целью является, главным образом, сближение между отдельными цеховыми союзами-федерациями, координация их действий в борьбе с капиталом и разрешение споров о принадлежности той или иной категории рабочих к сфере компетенции того или иного союза. Наконец, текстильные союзы имеют еще одну форму общего об'единения — это «Ассоциация рабочих текстильных фабрик», преследующая, главным образом, политические цели, примерно такого же рода, как те, которые преследовала и преследует «Федерация британских горнорабочих».

Обе рассмотренные нами Федерации — горнорабочих и текстильщиков — относятся к категории федераций, построенных на принципе об'единения локальных союзов. Однако, в мире английского профессионального движения имеются также федерации и иного типа — федерации, об'единяющие исключительно или по преимуществу национальные союзы различных цехов. К числу таких федераций относится, например, «*Федерация машиностроительного и кораблестроительного производства*». В состав ее входят около трех десятков различных союзов соответственных профессий, среди которых встречаем «Амальгамированный союз машиностроителей», «Союз котельщиков», «Союз кораблестроителей», «Союз модельщиков» и т. д. Эта Федерация также

не отличается какой-либо централизованностью. У нее нет сколько-нибудь серьезных центральных фондов, она не выдает никаких пособий. Задача ее — известная координация действий отдельных союзов, главное же — разрешение бесчисленных и весьма ожесточенных споров между многочисленными организациями данной отрасли производства, возникающих на почве конкуренции из-за членов. Федерация должна устанавливать, какая именно категория рабочих какому именно союзу должна принадлежать, но так как при чрезвычайной многочисленности однотипных профессиональных организаций такое установление часто бывает совершенно невозможным, то работа Федерации всегда до сих пор носила какой-то никчемный и худосочный характер.

Еще одной федерацией подобного же типа является возникшая в 1910—1911 г.г. «*Национальная федерация транспортных рабочих*». Она об'единяет в своих рядах 36 различных союзов (моряков, докеров, возчиков, и т. д.) и ставит своей задачей подготовку об'единения всех транспортных организаций в один производственный союз, пока же—издание специального профессионального органа, содержание общего информационного бюро и, конечно, все то же неизбежное размежевание сфер компетенции в погоне за членами между отдельными входящими в ее состав союзами. Стачечного фонда у Федерации нет, пособий она не выдает, но в моменты острой борьбы, как, напр., в 1911 году, она выступает в качестве очень умелого руководителя пролетарской борьбы.

Потребность в концентрации профессионального движения в Англии так велика, что порой она вызывает к жизни совершенно своеобразные, как бы случайно созданные об'единения. К числу таких ни в какие привычные организационные рамки не укладывающихся об'единений можно отнести, например, возникший в 1913 году так называемый «Тройственный Индустриальный Союз». Идея данного союза исходила от горнорабочих, которые после большой стачки в 1912 году на своем годовом с'езде приняли постановление о том, что «Федерация британских горнорабочих» должна вступить в переговоры с Исполнительными Коми-

тетами других крупных профессиональных об'единений, в целях взаимной поддержки при борьбе с капиталом. Охотно откликнулись на предложение горнорабочих транспортники и железнодорожники. И вот в апреле 1914 года состоялось первое совещание центральных инстанций «Федерации британских горнорабочих», «Национальной федерации транспортных рабочих» и «Национального союза железнодорожников», на котором было решено, что отныне всякое «национальное» выступление в каждой из перечисленных отраслей производства должно производиться лишь по совещании всех трех организаций и при их взаимной поддержке. При возникновении «Тройственного Союза» на него возлагались большие надежды. Действительность, однако, их не оправдала. Наступившая вслед за образованием «Тройственного Союза» война на ряд лет парализовала его активность, а когда в 1920—21 г.г. Англия вступила в полосу массовых стачек на транспорте и в угольной промышленности, «Тройственный Союз» не выдержал испытания. Координации действий между входящими в его состав организациями не удалось достигнуть, и он распался.

Заканчивая с формами федеративного об'единения в английском профессиональном движении, приведу некоторые цифровые данные, характеризующие его об'ем и значение. В 1922 году в Англии насчитывалось 90 федераций с общим количеством членов 3.954.000, что дает в среднем 44.000 членов на одну федерацию. Иными словами, все-таки в 3½ раза меньше, чем приходится на один союз в Германии, и в 6 раз меньше, чем в СССР. По отдельным отраслям производства картина получается следующая:

	Число членов союзов, примыкающих к Федерации.	Процент чл. Федераций к общ. числу организованных в %.
Горное дело . .	835.000	99
Металлопромышленность.	469.000	56
Текстильная промышлен.	629.000	96
Изготовление одежды	139.000	84

	Число членов союзов, примыкающих к Федерации.	Процент чл. Федераций к общ. числу организованных в %.
Обработка дерева	78.000	93
Печатное дело и изготовление бумаги	178.000	99
Строительное дело	370.000	98
Железные дороги	51.000	12
Транспорт (кроме жел. дорог)	393.000	38
Торговля и финансы	80.000	34
Общественная служба	149.000	41
Чернорабочие	472.000	98
Разные	111.000	67
	3.954.000	71%

Как видим, лишь около ⅔ всех профессионально-организованных рабочих являются членами федераций, т. е. по существу еще очень несовершенной формы об'единения, являющейся лишь одним из этапов на пути к производственному союзу. Целая треть не участвует даже в федерациях, в том числе и такая могущественная организация, как «Национальный союз железнодорожников» (этим об'ясняется, что в области железных дорог федерировано всего лишь 12% всех профессионально-организованных работников). Слаба также степень федерирования в области торговли и финансов (34%) и среди работников общественных служб (41%), но это об'ясняется молодостью соответственных организаций, начавших приобретать более серьезное значение только в последнее десятилетие. В старых и наиболее основных отраслях производства, как горное и текстильное дело, строительная промышленность, печатное дело, изготовление одежды федерировано в среднем $^9/_{10}$ всех организованных. Черным пятном здесь является лишь металлопромышленность, в которой вплоть до настоящего дня федерировано немногим больше половины всех членов профессиональных союзов.

Из сказанного выше явствует, что, хотя применение принципа федерации до известной степени парализует вредные послед-

ствия множественности союзов, оно все-таки является только частичным исцелением от раз'едающей британское профессиональное движение болезни. Федерации, особенно такого типа, как в металлопромышленности или среди транспортников, лишь в малой степени устраняют раздробленность пролетарских сил и лишь до некоторой степени смягчают взаимную борьбу и конкуренцию между отдельными организациями.

Фабр.-заводск. комитеты.

Данное обстоятельство имело, между прочим, своим последствием нарождение целого движения так называемых фабрично-заводских или рабочих комитетов. История его вкратце такова. В различных производствах (печатном, судостроительном, угольном и др.) Англии издавна существовал обычай выбирать «рабочих старост», которые на практике являлись как бы местными агентами профессиональных союзов. Во время войны, когда трэд-юнионы, руководимые соглашателями, перестали защищать интересы пролетариата, роль «рабочих старост» колоссально возросла: они стали фактически руководителями профессиональной борьбы пролетариата. Особенно ярко это проявилось во время стихийной стачки машиностроителей на Кляйде (Шотландия) в январе 1915 года. Стачка руководилась Рабочим Комитетом округа Кляйда, составленным из «рабочих старост» бастующих предприятий. Рабочий Комитет продолжал свое существование и после окончания стачки, при чем в его состав входили представители от *всех* категорий рабочих, занятых в машиностроении. В качестве лозунгов Комитет выдвинул — создание производственных союзов и рабочий контроль над промышленностью. По примеру Кляйда аналогичные комитеты возникли в Эдинбурге, Денди, Шеффильде, Манчестере, Ливерпуле, Бирмингаме и др. городах. Движение быстро росло, и в августе 1917 г. в Манчестере состоялась уже общебританская конференция рабочих комитетов, которая резко подчеркнула лозунг производственных союзов и, кроме того, поставила в качестве своей конечной цели социальную революцию и обобществление орудий производства. В течение следующих трех лет рабочие комитеты играли очень крупную роль в мире английского пролетариата, и это чрезвычайно напугало профес-

сионально-союзную бюрократию, увидевшую в них опасного конкурента. Она начала с рабочими комитетами борьбу—не совсем в духе английских нравов!—не путем сживания тех со свету, а путем постепенного приручения их, превращения в «официальные» органы трэд-юнионов, лишения их революционного духа. И так как с 1921 г. в рядах английского пролетариата начался революционный отлив, то эта тактика профессионально-союзной бюрократии в целом ряде случаев увенчалась полным или частичным успехом. В настоящее время число «неофициальных», т. е. революционных рабочих комитетов сильно сократилось, а влияние их значительно уменьшилось, но все-таки они составляют заметное явление в мире британского рабочего движения. Они имеют собственную организацию в национальном масштабе, находятся в тесном контакте с коммунистической партией Великобритании и фактически занимаются пропагандой в пользу создания в Англии производственных союзов.

Медленность процессов развития.

В конечном счете механизм английского профессионального движения попрежнему остается чрезвычайно тяжелым, громоздким и неповоротливым, затрачивающим колоссальное количество излишней энергии для достижения полезного боевого эффекта. При таком механизме крайне трудно воевать с капиталом, крайне трудно достигать единства действий между бесчисленными колоннами и колонками пролетариата. И хотя перемены к лучшему в данной области наблюдаются, однако, они совершаются с убийственной медленностью. Что это действительно так, свидетельствует столь авторитетное и вполне дружески расположенное к британским трэд-юнионам лицо, как Сидней Вебб, автор классических трудов о трэд-юнионизме, который в последнем издании своей «Истории трэд-юнионизма», вышедшей в 1920 году, между прочим, пишет:

«В течение 30 лет, которые истекли с 1890 года, развитие профессионального движения, как оно ни было колоссально, сопровождалось относительно небольшими переменами во внутреннем строении различных союзов» [1]).

[1]) С. и Б. Вебб, История тред-юнионизма (1904 г.). Выпуск IV, стр. 47

И далее:

«Множественность отдельных организаций, в которых группируются шесть или семь миллионов профессионально-организованных рабочих, и сложность расхождений в формах отношений между различными обществами сохранились по сей день в таком же почти виде, как они существовали 30 лет тому назад, как будто нарочно, чтобы затруднить классификацию, сделать почти что невозможным какой-либо анализ. Почти столь же невозможно, как и в 1890 г., с точностью установить, какие именно отдельные профессиональные союзы существуют, потому что бесконечное разнообразие федеративных об'единений не допускает совершенно определения того, какие местные или цеховые союзы являются независимыми обществами. Однако, мы приходим к заключению, что если учитывать лишь число самостоятельных в финансовом отношении организаций, то мы найдем около 1.100 союзов, т. е. то же, примерно, число, которое существовало и 30 лет тому назад. Другими словами, тенденция к слиянию лишь парировала количество вновь зарождающихся организаций в то время, как среднее число членов каждой единицы более чем учетверилось» [1].

Где причина этой поразительной медленности процесса?

Ни политика, ни религия, ни национальный вопрос не играли здесь сколько-нибудь существенной роли. Основная причина поразительной медленности процесса заключается, конечно, в относительной медленности развития народного хозяйства Англии за последние 30—40—50 лет [2] и находящейся в несомненной

[1]) Там же, стр. 103.

[2]) Эта медленность хорошо иллюстрируется след. сравнительными данными:

Уголь. Добывание угля в Англии за период 1878—1913 г.г. поднялось с 132 до 287 милл. тонн или на 117%,—напротив, в Германии добывание угля за период 1871—1913 г.г. увеличилось с 38 до 274 милл. тонн или на 623%, а в России за тот же период—с 0,7 до 37 милл. тонн или на 5143%.

Чугун и сталь. Выплавка чугуна за период 1871—1913 г.г. возросла: в Англии с 6,7 до 10,4 милл. тонн или на 70%,—напротив, в Германии с 1,7 до 16,7 милл. тонн или на 882%. Выплавка стали за период 1880—1913 г.г. увеличилась: в Англии с 2,3 до 7,8 милл. тонн или на 240%, а в

связи с ней относительной медленностью концентрации капитала. Напор предпринимателей на рабочих был сравнительно не силен. Британская буржуазия, накопившая громадные богатства на монопольной эксплоатации мирового рынка во второй половине XIX века и, несмотря на возрастающую конкуренцию Германии и Соединенных Штатов в предвоенные годы, сумевшая в общем и целом удержать свои экономические позиции, имела из чего уступать рабочим. Поэтому она гораздо легче, чем менее богатая континентальная буржуазия, шла навстречу требованиям пролетариата, когда они пред'являлись даже и не очень крупными и не слишком централизованными профессиональными союзами. Поэтому же она гораздо меньше, чем континентальная буржуазия, заботилась о создании своих собственных могучих организаций, экономических и боевых. Борьба рабочих за свои интересы была в Англии менее трудна —вот почему британское профессиональное движение могло позволить себе роскошь такой раздробленности и организационной хаотичности.

На этом основном фоне весьма причудливые узоры вышивались и факторами вторичного порядка. Здесь прежде всего необходимо указать на законодательные препятствия к концентрации профессионального движения. Действительно, вплоть до 1917 г закон требовал, чтобы при решении вопроса о слиянии двух союзов за слияние высказались *две трети* всех членов обоих союзов (не голосующих, а всех членов). При укоренившихся в Англии нравах, когда в союзном референдуме почти никогда не принимает участия больше трети всего количества членов, данное требование закона по существу было равносильно полному запрету слияний. Только в 1917 г. закон был несколько изменен: теперь для слияния требуется, чтобы в голосовании принимало участие

Германии с 0,7 до 17,6 милл. тонн или на 2414%. В России выплавка чугуна и стали вместе взятых за период 1885—1912 г.г. поднялась с 28,3 до 227,5 милл. пудов или на 702%.

Внешняя торговля за период 1870—1913 г.г. увеличилась: в Англии с 5.700 до 12.883 милл. руб. или на 12%, напротив, в Германии (1872—1913) с 2.825 до 9.990 милл. руб. или на 253% и в России с 821 до 2.894 милл. руб. или на 252%.

не менее 50% всех членов и чтобы предложение о слиянии было принято большинством, по крайней мере в 20% голосующих. Это несколько лучше, чем раньше, но все-таки еще достаточно плохо.

Далее громадную роль играли и продолжают играть традиции: ведь среди английских профессиональных союзов имеются организации, насчитывающие 100, 120, 150 лет непрерывного существования (например, «Лондонское общество наборщиков» основано в 1785 г., «Об'единенное общество литейщиков» в 1809, «Общество строителей паровых котлов»—в 1824, «Союз каменщиков»—в 1833, «Союз котельщиков»—в 1834 и т. д.). Не меньшую роль играло влияние многочисленной профессионалистской бюрократии[1]. Каждому председателю или секретарю каждого, даже самого маленького, трэд-юниона ни за что не хотелось расставаться со своим местом, со своим положением, со своим жалованьем. А ведь при об'единении нескольких союзов в один, естественно, сокращается количество его служащих. Поэтому сотни и тысячи профессионалистов-бюрократов являлись и до сих пор являются ожесточенными врагами концентрации профессионального движения и всеми мерами тормозят нарождение производственных союзов. При этом они всегда умеют найти подходящий предлог для того, чтобы привлечь на свою сторону массу членов своего союза. Чаще всего пускаются в ход два аргумента. Если речь идет о слиянии какого-нибудь небольшого союза, охватывающего маленькую группу высоко квалифицированных специалистов, с крупным профессиональным об'единением, вожди небольшого союза начинают доказывать, что интересы этой маленькой группы будут затираться в рамках громадной организации, насчитывающей десятки различных профессий. Если же из двух подлежащих об'единению союзов один богат, а другой беден или хотя бы только менее богат, вожди богатого начинают высчитывать, какой материальный ущерб получат его члены в случае слияния организаций. И надо откровенно сказать, что приведенные аргументы не остаются без влияния на психологию ря-

[1]) В настоящее время насчитывается никак не меньше 4—5 тыс. профсоюзных служащих и чиновников.

довой массы. Вообще эта масса не всегда проявляет достаточную сознательность в вопросах амальгамации (слияния), обнаруживая подчас при этом совершенно непростительные мягкость и добродушие. Я никогда не забуду разговора (он происходил в 1914 г.) с несколькими очень дельными и толковыми лондонскими металлистами, которые на мой вопрос, почему они не ведут энергичной агитации за слияние их союза с другим родственным союзом, широко улыбаясь, мне ответили:

— Что ж поделаешь? Наш генеральный секретарь (они назвали одно известное в профессиональных кругах имя) не хочет. Их секретарь (названо было другое известное имя) тоже не хочет. Оба секретаря старики. Вот подождем, пока они умрут,— тогда об'единимся.

Этот ответ необыкновенно характерен для всей психологии английского рабочего. Он об'ясняет многое.

Каковы дальнейшие перспективы?

Об'ективные условия сейчас сильно работают в пользу концентрации профессионального движения. Мировое положение английской промышленности в результате войны сильно пошатнулось. Барыши английской буржуазии несколько сократились. Так легко уступать, как раньше, она больше не может и не хочет. Обострение классовой борьбы неизбежно. Стало-быть, неизбежно усиление предпринимательских об'единений и, как следствие его, рост концентрации среди профессионального движения. Удастся ли, однако, британским трэд-юнионам довести до конца перестройку своего движения на более современных началах, удастся ли им свести свои 1.200 цеховых союзов к нескольким десяткам производственных, подлежит большому сомнению. Ибо при медленности темпа всех исторических процессов в Англии, трэд-юнионам потребуется для этого не мало времени. Между тем события не ждут. Великобритания, правда, медленно, но совершенно неудержимо втягивается в эпоху социалистической революции. И может статься, что английский пролетариат установит свою политическую диктатуру раньше, чем успеет полностью провести организационную реформу в своем профессиональном движении.

Внутреннее управление союзов. Обратимся теперь к формам внутреннего управления отдельных английских профессиональных об'единений. Не вдаваясь в излишние детали, необходимо отметить, как общую черту, чрезвычайное пристрастие английских рабочих к *внешним формам демократии* в управлении своими организациями. Я говорю о «внешних формах», потому что, как увидим ниже, сплошь да рядом под «внешними формами» демократии на деле скрывается самый подлинный автократизм вождей. И, однако, широкие массы пролетариата мирятся с автократизмом, если он прикрыт фиговым листочком фальшивого «народовластия». Возможно, что и здесь сказывается все та же всемогущая сила традиций.

Самые формы внутреннего управления союзов значительно варьируют в зависимости от размеров и организационной структуры последних. Так, в небольших местных союзах, насчитывающих несколько десятков или несколько сот членов, все дела ведутся самым демократическим порядком: они решаются на общих собраниях членов. Здесь же избираются исполком и должностные лица (секретарь, кассир и т. п.). При таком порядке вещей роль должностных лиц оказывается сравнительно скромной, тем более, что в подобных союзах по общему правилу секретари не являются полностью оплачиваемыми чиновниками. Они остаются в производстве, получая лишь известную денежную компенсацию «за потерянное время» на службе организации, обычно не свыше нескольких фунтов в год. Исключение из данного правила составляют только некоторые местные союзы, отличающиеся достаточно крупными размерами, — эти имеют постоянных, полностью оплачиваемых профессионально-союзных работников. Таково, например, «Лондонское общество наборщиков» с 15.000 членов или «Бирмингамский союз жестяников» с 2.800 членов.

Впрочем, типичными для профессионального движения наших дней являются не изолированные местные союзы, а более крупные об'единения — областные и национальные. И здесь форма управления по существу уже гораздо более автократична, несмотря на ее чрезвычайно демократическую внешность. Попробую иллюстрировать это несколькими примерами.

При крайней сложности и запутанности организационной структуры английского профессионального движения форма внутреннего управления больших союзов представляет собою довольно пеструю картину. В основном можно различить три главных типа: национальный союз старого типа, национальный союз нового типа и Национальная федерация.

Национальный союз старого типа. Национальный союз старого типа — союз высококвалифицированных рабочих вроде машиностроителей, литейщиков, котельщиков и т. п. Основной единицей подобного союза является *местное отделение* (branch), которое управляется общим собранием членов и избираемым им комитетом. Такое отделение имеет своих должностных лиц — обычно секретаря и кассира, которые остаются в производстве и оплачиваются лишь «за потерянное время». Как общее правило, местное отделение не имеет собственных фондов, ибо собираемые им членские взносы записываются на счет центральной кассы. Впрочем, иногда местное отделение вводит в дополнение к общесоюзному еще свой локальный взнос,—тогда оно становится распорядителем известных денежных сумм. Во всех случаях, однако, местное отделение описываемого союза не располагает никакой самостоятельностью и имеет своей основной задачей лишь сбор членских взносов да наблюдение за точным выполнением заключенных союзом договоров и соглашений с предпринимателями. Вопросы стачечной борьбы, равно как и выплата всякого рода пособий относятся к компетенции вышестоящих органов. Местное отделение даже для вступления в какую-либо локальную межсоюзную федерацию (Совет Профессиональных Союзов, Рабочая Партия и т. п.) нуждается в разрешении своего центра.

Следующей выше стоящей инстанцией является так назыв. *округ* (district), в состав которого входит ряд местных отделений. В больших национальных союзах, охватывающих всю страну, таких округов имеется обычно 10—15. Во главе округа стоит окружной комитет, составляющийся из делегатов от местных отделений, входящих в состав данного округа. Кроме того, имеется выбираемый всеобщим голосованием членов данного округа

окружной секретарь, который довольно часто является полностью оплачиваемым профессионально-союзным чиновником. Округ уже пользуется значительной долей автономии. Окружной Комитет имеет право регулировать взаимоотношения между трудом и капиталом и вести свою профессиональную политику, поскольку она не выходит за рамки общенационалных соглашении союза. В частности, Окружной Комитет может заключать коллективные договоры. Однако, вопросы борьбы из'яты из ведения округов и решаются исключительно центром. Равным образом и дело взаимопомощи сконцентрировано в центре.

Следующей и фактически верховной инстанцией союза является *национальный исполнительный комитет*. Члены его обычно избираются от округов путем всеобщего голосования членов союза. По общему правилу они остаются в производстве и лишь раз в 3 или 6 месяцев собираются на краткие сессии. Жалованья они не получают, а только оплачиваются «за потерянное время». Текущую работу исполнительного комитета выполняет генеральный секретарь, выбираемый всеобщим голосованием всех членов союза. В организациях квалифицированных рабочих генеральный секретарь очень часто выбирается *пожизненно*, т. е до 65 лет, после чего выходит в отставку, правда, без «мундира», но с маленькой пенсией в 20—30 рублей в месяц. Если генеральный секретарь не сделает какой-либо из ряда вон выходящей глупости, он может быть уверен в незыблемости своего положения вплоть до достижения предельного возраста. При генеральном секретаре нередко бывает один или несколько помощников, выбираемых также с помощью референдума. При такой конструкции верховного органа нисколько не удивительно, что фактически правит союзом генеральный секретарь, исполком же слишком часто играет роль простой декорации. Впрочем, есть и некоторые исключения. Так, напр., в «Об'единенном обществе машиностроителей» и в «Союзе котельщиков» исполкомы состоят из полностью оплачиваемых профессионально-союзных чиновников, они фактически занимаются делами и сильно ограничивают всемогущество генерального секретаря. Но таких организаций очень мало. В подавляющем большинстве хозяином союза является ге-

неральный секретарь. Национальный исполком—верховный союзный орган, располагает союзной кассой, выплачивает все виды пособий, решает все вопросы войны и мира и представляет союз по отношению к внешнему миру.

В трэд-юнионах старого типа имеется, наконец, еще один орган—это так называемый *с'езд делегатов*. Он состоит из представителей, выбранных членами союза по округам, и является высшей *законодательной* инстанцией организации: только он вправе вносить изменения в действующий устав. В предвоенные годы такие с'езды делегатов созывались очень редко, подчас раз в несколько лет и посвящали свое внимание, главным образом, обсуждению различных реформ в конституции союза, разрешению более важных вопросов внутри союзного управления и т. п. Большого реального значения с'езды делегатов не имели. Война сильно изменила положение вещей. В годы войны многим союзам квалифицированных рабочих пришлось очень часто созывать экстренные с'езды делегатов, национальные конференции и т. п. для решения неотложных вопросов профессиональной борьбы, так что постепенно они превратились в весьма важный орган трэд-юнионистского механизма. Особенно это относится к таким союзам, как уже упоминавшиеся выше «Об'единенное общество машиностроителей», «Союз литейщиков», «Союз котельщиков» и т. д. Действенная роль общесоюзных с'ездов, естественно, несколько суживает сферу компетенции исполкома и генерального секретаря.

Такова намечающаяся сейчас тенденция. Однако, пока развитие в этом направлении сделало лишь первые шаги, и всемогущество союзных центров еще остается непроложным фактом действительности.

Роль референдума. Это всемогущество в очень малой степени ограничивается даже повсеместным применением столь излюбленного английскими рабочими референдума (всеобщего голосования членов). Именно, таким путем, как мы уже знаем, выбираются должностные лица союза, таким же путем принимаются или отвергаются коллективные договоры, решаются вопросы о начале или окончании стачки и т. д. Казалось бы, ни-

рокое применение референдума является верхом демократизма: сами члены решают все важнейшие проблемы союзной жизни,— чего же лучше? В действительности, однако, оказывается совершенно иное. Референдум не только не способствует укреплению истинного демократизма, но, наоборот, в сильнейшей степени обуславливает чрезвычайное засилье профессионалистской бюрократии. И в этом нет ничего удивительного.

Прежде всего, как общее правило, в референдуме принимает участие лишь очень незначительное количество членов организации. Сплошь да рядом голосуют 5, 10, 15 процентов всего состава союза. Даже в моменты крупных экономических столкновений число голосующих крайне редко подымается до 40—50 процентов. Вот чрезвычайно яркий пример из самого последнего времени. В начале 1922 года предприниматели металлической промышленности пред'явили рабочим требование об отмене военных прибавок к заработной плате. Вопрос был самого актуального и непосредственно затрагивающего интересы рабочего свойства. И тем не менее, в референдуме, устроенном по этому поводу «Об'единенным обществом машиностроителей», из его тогдашних 411.000 членов приняли участие только 68.000 или 16%. Рабочие решили начать борьбу. Разыгралась гигантская стачка—локаут, охватившая до одного миллиона человек. Под влиянием целого ряда неблагоприятных обстоятельств ход столкновения принял опасный для рабочих оборот. Наступил момент, когда надо было решать: продолжать ли борьбу дальше или ее временно прекратить? Этот вопрос был снова поставлен на голосование всех членов союза. И что же? Из 411.000 членов и теперь в референдуме приняли участие лишь 85.000 или 21%. Это далеко не единственный пример. Число их можно было бы бесконечно увеличить. Таково общее правило. И поскольку в статутах английских союзов обычно не устанавливается, при каком количестве голосующих референдум имеет законную силу, постольку вопросы, имеющие первостепенное значение для всех членов организации, нередко решаются самым ничтожным меньшинством. Остальная масса настолько инертна, так мало интересуется общесоюзными делами, что считает излишним обременением для себя

сходить в помещение союза и опустить бюллетень в ящик для голосования.

Но это еще не все. При производстве всякого референдума громадное значение имеют два обстоятельства: формулировка самого вопроса, который ставится на голосование, и предварительная агитация по этому вопросу. Ведь непосредственно перед самым моментом голосования никакого обсуждения предмета не может быть, и каждому голосующему предоставляется лишь скромное право ответить на поставленный вопрос одним кратким «да» или «нет». Между тем, при английской системе управления формулировка вопросов, ставящихся на голосование, целиком зависит от союзного центра или, еще точнее, от союзной бюрократии. Сплошь да рядом последняя ловко пользуется этой возможностью и дает вопросам такую формулировку, которая подсказывает голосующим желательный для нее ответ. Подобные случаи приняли столь частый характер, что в последние годы в некоторых союзах стали принимать специальные меры для предупреждения этих несообразностей. Так, напр., среди углекопов формулировку вопросам, которые ставятся на голосование, теперь дает не генеральный секретарь или исполком, а специальная конференция делегатов.

Далее профессионально-союзная бюрократия считает совершенно излишним проводить какую-либо предварительную агитацию по вопросу, который ставится на голосование среди членов организации, очень часто разбросанных по различным концам страны. Профессиональной прессы в нашем смысле слова в Англии почти не имеется (подробнее об этом будет ниже), так что рядовой член союза и через свой профессиональный орган не может быть должным образом информирован и подготовлен к предстоящему голосованию. Неудивительно, что он слишком часто голосует в слепую, идя на поводу у профессионально-союзной бюрократии. Неудивительно также, что большинство членов при таких условиях вовсе не участвует в голосовании.

В конечном счете в трэд-юнионах, несмотря на широкое применение референдума, фактически создается диктатура бюрократического центра. Так выглядит на деле этот пресловутый

английский демократизм. Пред нами один из любопытнейших образчиков исторической диалектики. Только в самое последнее время растущая активность масс начинает ослаблять господствовавшее до сих пор засилье чиновников. Референдум постепенно начинает отходить на второй план и заменяться более действительным методом осуществления внутрисоюзной демократии — методом развития представительных органов.

Национальный союз нового типа.

Национальный союз нового типа — союз неквалифицированных или полуквалифицированных рабочих. Наиболее ярким примером подобной организации может служить «Национальный союз железнодорожников». Формы его управления несколько отличаются от только что описанных форм управления старых трэд-юнионов. Прежде всего централизация в «Национальном союзе железнодорожников» проведена последовательнее, чем в «Союзе котельщиков» или «Обществе машиностроителей». У железнодорожников имеются только местные отделения и национальный исполком, никаких промежуточных между ними инстанций не существует. Правда, союз железнодорожников насчитывает несколько «окружных советов», которые по внешности очень напоминают окружные комитеты старых трэд-юнионов, но в отличие от последних «окружные советы» чисто пропагандистские учреждения, не играющие никакой административной или экономической роли. «Окружные советы» настолько «неофициальны», что когда они считают необходимым внести какое-нибудь предложение на рассмотрение национального исполкома, они могут это делать не иначе, как через одно из местных отделений союза. Непосредственно входить с своими предложениями в исполком они не имеют права. Таким образом, во всей текущей работе и борьбе союзный центр непосредственно руководит местами, а места непосредственно подчиняются центру.

Далее заслуживает внимания серьезное развитие в союзе железнодорожников представительного принципа. Союз имеет свой парламент в лице «ежегодного собрания делегатов» в числе 60 человек, выбираемых всеми членами союза из числа работников «от станка». Сверх того, в этом собрании участвуют председатель

союза и его генеральный секретарь. Заседания парламента происходят не реже раза в год, а фактически — значительно чаще. Парламент обладает всей полнотой законодательной власти и весьма серьезно контролирует работу союзного центра. Центр этот состоит из исполкома в количестве 24 человек (плюс председатель и генеральный секретарь), особо выбираемых членами союза с таким расчетом, чтобы в нем были представлены все категории железнодорожных работников. Срок избрания — трехлетний. Треть выборных членов исполкома ежегодно выходит в отставку. Член исполкома, пробывший в этой должности 3 года, теряет на три года право быть вновь избранным в исполком. Во время же пребывания в исполкоме он непременно должен оставаться в производстве. Заседания исполкома происходят не реже одного раза в 3 месяца. Кроме того, исполком образует четыре цеховых комиссии, которые собираются также не реже одного раза в 3 месяца. Члены исполкома и парламента никакого жалованья не получают, а оплачиваются только «за потерянное время». Исполком обладает весьма широкими полномочиями и может решать важнейшие вопросы союзной жизни самостоятельно, без применения референдума. Это уже несомненный переход к системе управления, принятой в Германии и СССР.

Национальная федерация. Наиболее интересным образчиком подобного типа организации может служить «Британская федерация горнорабочих». Как мы уже знаем, она состоит из 18 областных об'единений, каждое из которых, в свою очередь, является федерацией. Формы внутреннего управления в этом весьма сложном организме представляют следующую картину. В самом низу находится так называемая «ложа», т. е. местное отделение, об'единяющее рабочих одной шахты. «Ложа» по общему правилу широких полномочий не имеет и ограничивается лишь разрешением сравнительно мелких вопросов, касающихся только одной ее шахты. Следующей по порядку инстанцией является *округ,* который имеется, однако, не во всех областных федерациях. Во главе округа иногда стоит окружной комитет и при нем в роли секретаря так называемый «агент горнорабочих», иногда же комитета нет и всеми делами заправляет только

«агент», выбираемый всеобщим голосованием членов округа. Дальнейшей инстанцией вверх является областная федерация, в руках которой, в сущности, и сосредоточивается вся полнота реальной власти. Областная федерация имеет в своем распоряжении денежные фонды, она руководит экономической борьбой, решает вопрос о стачках, заключает коллективные договоры, ведет определенную профессиональную политику. Управляется областная федерация особым исполкомом, выбираемым всеобщим голосованием членов. Сверх того, имеются генеральный секретарь и другие должностные лица, также выходящие из всеобщего голосования. При исполкоме нередко имеется еще особый совет из представителей местных «лож», который играет ту же роль, какую в других союзах играют с'езды или собрания делегатов. Все важнейшие вопросы в жизни областной федерации подвергаются обсуждению и решению на общих собраниях членов «лож», куда исполком посылает обычно своих представителей для защиты его, исполкома, точки зрения. Применение референдума в областных федерациях сильно сужено, оно практикуется лишь в самых важных и серьезных случаях.

Над 18 областными федерациями стоит «Британская федерация горнорабочих», но, как мы уже знаем, большой реальной силы она не имеет. Во-первых, потому что она не располагает крупными денежными фондами, а, во-вторых, потому что она почти не имеет собственного персонала: генеральный секретарь общебританской федерации обычно совмещает эту должность с должностью секретаря одной из областных федераций. Такое же совместительство практикуется и другими должностными лицами. В результате общебританская федерация в нормальное время находится как бы в состоянии известной летаргии и пробуждается к жизни только в особо критические моменты, когда ей приходится выступать в качестве руководителя какого-нибудь общенационального конфликта в горнопромышленности. Высшим органом общебританской федерации является «Национальная конференция горнорабочих», состоящая из делегатов от областных федераций. Эта конференция по правилу собирается раз в год, а в экстренных случаях — в зависимости от обстоятельств.

Кроме того, имеется исполком, который ведет всю текущую работу.

Таковы *основные* формы внутреннего управления английских союзов. Я не случайно подчеркиваю слово «основные», потому что при той организационной пестроте, которая является характернейшей чертой британского профессионального движения, в десятках и сотнях организаций можно найти целый ряд отклонений от указанных типов, целый ряд совершенно специфических деталей и особенностей. Однако, главные и наиболее существенные формы указаны выше.

Финансы союзов.

Перейдем теперь к ознакомлению с *финансами* английского профессионального движения. В довоенные годы британские трэд-юнионы не без основания считались первыми богачами в профессиональном мире. Действительно, в 1913 году 616 английских союзов (так назыв. «зарегистрированных союзов») с 3.220.000* членов, т. е. 78% всех профессионально-организованных рабочих страны, располагали накопленными капиталами в 6.507.000 фунтов стерлингов (около 62 миллионов рублей), что давало в среднем, примерно, 2 фунта (19 рублей) на одного организованного рабочего. В том же году общая сумма капиталов германских «свободных» союзов, насчитывавших 2.600.000 членов, достигала, примерно, 41,4 милл. рублей, что давало в среднем на одного организованного рабочего около 16 рублей. Профессиональное движение всех других стран далеко отставало от германского.

Богатство английских союзов выступало еще отчетливее при рассмотрении отдельных организаций. Мы уже знаем, что среди тысячи слишком разнообразных союзов реальное значение имеют лишь сотня—другая более крупных. Крупные же союзы очень нередко располагали весьма солидными денежными фондами, накопленными ими за многие десятки лет существования. Для иллюстрации приведу данные о десяти наиболее богатых союзах в 1913 году.

Тогда получим следующую картину:

	Год основания.	Число член.	Сумма капиталов в 1913 г. в тыс. фунт.	В среднем на 1 члена капиталов в фунт.
Ассоциация прядильщик.	1870	23.000	546	22.70
Союз рабочих, изготовляющих кружева . .	1874	2.600	38	14.60
Об'единенное общество изготовит. моделей .	1872	8.200	65	7,80
Общество строителей паровых машин	1824	15.500	129	7,60
Дербиширская федерация горнорабочих	1880	41.000	281	6,85
Союз шотландских модельщиков	1831	8.500	58	6,82
Об'единенное общество машиностроителей .	1852	161.000	936	5,81
Союз корабельных плотников	1882	26.000	143	5,50
Союз железнодорожных машинистов и кочегаров	1880	32.000	176	5,50
Нотингамская федерация горнорабочих	1880	34.000	152	4,47

Как видим, накануне войны в Англии находились союзы, располагавшие резервными фондами в сумме свыше 200 рублей на одного члена. Таких громадных скоплений капитала мы не встречаем больше нигде. Справедливость, впрочем, требует сказать, что крупные капиталы имели по общему правилу профессиональные союзы старого типа, об'единявшие квалифицированных и высококвалифицированных рабочих. Союзы нового типа, в рядах которых находились малоквалифицированные или совсем неквалифицированные рабочие, были гораздо беднее, нередко располагая лишь самыми скромными резервами.

Война и послевоенные годы в области союзных финансов не принесли с собой никаких катастрофических изменений. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие цифры:

	1913 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
	(в тысячах		фунтов)·	
Приход	4.539	9.657	12.885	21.208
Расход	3.680	8.628	12 825	26.126
Имущество	6.507	16.048	15.975	10.950
Число членов в тысячах.	3.220	6.559	6.982	5.506
В %% по всему числу организованных . . .	78	83	84	83

Из приведенной таблицы ясно, что в то время, как количество членов зарегистрированных союзов за рассматриваемый период увеличилось в среднем в два раза, общая сумма их прихода возросла в 1919 году больше, чем вдвое, а в 1920 году почти утроилась. В то же время им имущество увеличилось в 2½ раза. До 1920 года, таким образом, финансовая мощь английских союзов несомненно и очень быстро возрастала. С 1921 года положение стало изменяться в неблагоприятную сторону. Правда, доходы союзов в 1921 году поднялись до 21.000.000 фунтов, однако, около 8.000.000 из них составили субсидии правительства по страхованию рабочих от безработицы, чистый же союзный доход не превысил 13.000.000 фунтов. Сумма расходов за 1921 год достигла гигантской цифры в 26.000.000 фунтов, из которых свыше 15.000.000 составили пособия безработным. В конечном итоге 1921 год был закончен с дефицитом в 5.000.000 фунтов, каковой и пришлось покрыть за счет накопленных капиталов. В дальнейшие годы финансовое положение профессиональных союзов не улучшилось, скорее ухудшилось (точных данных по всем союзам пока не имеется). Можно думать поэтому, что английские профессиональные союзы в 1922—23 г.г. с точки зрения финансовой вернулись, примерно, к уровню, на котором они находились перед войной.

Откуда же берутся денежные средства английских профессиональных союзов?

Средства эти берутся из трех главных источников.

Первый и самый главный источник — это *членские взносы* Взносы в английских союзах весьма разнообразны по типу и размеру. Прежде всего в большинстве союзов имеется так назы-

ваемый *вступительный взнос*. Он сильно варьирует в высоте по отдельным организациям. В среднем можно считать, что в союзах не квалифицированных рабочих вступительный взнос не превышает ½—1 шиллинга (около 25—50 коп.). Наоборот в союзах квалифицированных рабочих вступительные взносы очень высоки нередко они подымаются до 1—2 фунтов (9 руб. 50 коп.— 19 руб.); есть отдельные аристократические организации, в которых вступительный взнос подымается до 5—6 фунтов. Далее, в каждом союзе члены уплачивают нормальный *периодический взнос* — еженедельный, двухнедельный, ежемесячный, наконец, трехмесячный (раз в три месяца платят, например, члены федерации почтовых служащих). Уплата взноса производится обычно в помещении союза самими членами или их родственниками (женой, детьми и т. д.). Иногда союзный кассир располагается в конторе предприятия в дни получек, и рабочие от кассира завода переходят непосредственно к кассиру профессиональной организации, уплачивая свои членские взносы. В некоторых случаях сбор членских взносов поручается специальным участковым кассирам, которые за свой труд получают комиссию в размере до 5% с собранной ими суммы. Высота периодических взносов также сильно колеблется, смотря по союзу. До 1922 года размер взносов колебался между 1 пенсом и 2 шиллингами 3 пенсами (от 5 коп. до 1 р. 35 коп.) в неделю. В 1922 году было произведено общее повышение членских взносов, и сейчас члены союзов неквалифицированных рабочих платят в среднем от 25 до 50 коп. в неделю, а члены союзов квалифицированных рабочих — от 50 к. до 1 р. 50 коп. Как общее правило, взносы взимаются в определенных суммах, а не в форме процентного отчисления от заработной платы.

Особенностью английского профессионального движения является широкое распространение в нем так называемых *целевых взносов*. Действительно, те взносы, которые только что были указаны, являются общими взносами, из которых покрываются все и всяческие расходы профессиональной организации (управление, борьба, взаимопомощь и пр.). Но, кроме того, во многих союзах, особенно в старых трэд-юнионах рабочей аристокра-

тии, нередко встречаются еще специальные дополнительные взносы, предназначенные на специальные цели. Так, например, в ряде организаций взимаются особые взносы в пенсионный фонд, в фонд на случай несчастья, в стачечный фонд и проч. Все такие специальные фонды управляются отдельно от общесоюзных средств и могут расходоваться только на ту цель, для которой установлены. Поэтому в английских трэд-юнионах довольно часто имеются члены разных категорий: одни, которые получают пособия только в общесоюзном порядке, и другие, более привилегированные, которые в дополнение к общесоюзным получают еще дополнительные блага из целевых фондов. К числу таких целевых взносов необходимо отнести еще *политические взносы*, которые в размере 3 пенсов (15 коп.) в год взимаются с каждого члена трэд-юнионов, примкнувших к Рабочей Партии.

Другим источником средств для профессиональных союзов являются *проценты, получаемые ими с своих капиталов*. В самом деле, имущество трэд-юнионов, как мы уже знаем, достигает довольно крупных размеров, ежегодные доходы тоже весьма значительны. Деньги в капиталистическом обществе по общему правилу дают доход, — такой доход имеет и английское профессиональное движение. Он получается следующим образом. Трэд-юнионы всегда держат известную часть своих средств на текущем счету в банках. Банки же платят на вклады известный процент, правда, в Англии очень небольшой (не свыше 2—3%). Низкий уровень банковского процента всегда побуждал финансистов английских профессиональных союзов изыскивать возможно более выгодные способы помещения союзных капиталов. В глазах английского рабочего умение вложить накопленные трэд-юнионом средства в какое-нибудь «дело» с хорошей прибылью являлось лучшей аттестацией для генерального секретаря. Секретари, обнаруживавшие в этом отношении какие-либо таланты, пользовались среди широких масс своих членов особенно высоким авторитетом. И вот в мире британских трэд-юнионов с давних пор повелся обычай на «свободные излишки» покупать акции и бумаги различных учреждений и предприятий, обещающих высокий годовой процент и не возбуждающих сомнений в своей проч-

ности. Какие же это были учреждения и предприятия? Самые разнообразные. Очень часто союзы вкладывали свои средства в кооперативные организации, в кооперативные банки, строительные товарищества и т. п. Данное помещение капиталов можно считать, пожалуй, наиболее безупречным. Несколько хуже уже обстоит дело, когда профессиональные союзы вкладывают свои средства в различные муниципальные предприятия, т. к. подчас им приходится против этих предприятий вести борьбу. Однако, и это помещение еще сравнительно терпимо. Гораздо больше возражений вызывает широко практиковавшаяся во время войны покупка английскими союзами бумаг военных займов. И, наконец, уже совсем никуда не годится довольно часто встречающееся вложение союзных средств в различные промышленные и транспортные предприятия, принадлежащие частным лицам и акционерным компаниям. А между тем подобных случаев сколько угодно. Приведу только два-три наиболее характерных примера.

В предвоенные годы знаменитый «Союз котельщиков» держал большое количество своих капиталов в акциях судостроительных предприятий Армстронга и Виккерса, т. е. тех самых предприятий, рабочих которых союз об'единял в своих рядах. Таким образом, в случае стачки у Армстронга и Виккерса сам союз должен был терпеть крупные убытки. Ниже мы увидим, какая вопиющая история разыгралась на этой почве во время крупной забастовки котельщиков в 1910 году. Совершенно такое же употребление из своих капиталов в предвоенные годы делали и многие организации текстильщиков. В 1913 году я сам обследовал ассоциацию прядильщиков в Болтоне и с удивлением констатировал, что значительная часть ее капиталов вложена в те самые прядильные фабрики, рабочих которых она об'единяет. Эта глубоко развращающая профессиональное движение система продолжает — увы! — существовать вплоть до настоящего дня. Так, «Национальный союз железнодорожников» держит и сейчас большую часть своих капиталов в акциях железнодорожных компаний, и вождь его пресловутый Д. Томас с гордостью похваляется, что процентов, получаемых с вложенного капитала, хватает на покрытие всех административных расходов союза. И

члены союза не только не протестуют, но даже обнаруживают несомненное удовольствие, отдавая должное Томасу, как хорошему и рачительному хозяину. Так еще велика близорукость английских рабочих.

Наконец, третьим источником средств британских трэд-юнионов является *государство*. Согласно закону о страховании от безработицы, профессиональные союзы могут, по соглашению с министерством труда, брать на себя функции страховых органов. В этом случае министерство труда выплачивает союзам особую субсидию, размеры которой сильно варьируют по отдельным организациям. До 1920 года правительственные субсидии играли ничтожную роль в союзном бюджете. Так, например, в 1913 году из 4.539.000 фунтов дохода зарегистрированных союзов на долю субсидии от министерства труда приходилось всего 102.000, в 1920 году—из 12.885.000 общего дохода на долю субсидии приходилось только 316.000. Но затем положение изменилось. Колоссальный рост безработицы, начавшийся с 1921 года, повел к чрезвычайному росту субсидий министерства труда, которые в названном году составили уже 8.000.000 фунтов из общей суммы союзного дохода в 21.000.000. Эта картина мало изменилась в последующие годы: правительственные субсидии стали одним из важнейших источников союзных доходов.

Что касается распоряжения денежными средствами, собираемыми трэд-юнионами, то оно является строго централизованным. Всеми целевыми фондами распоряжается только центр. Пособия на случай безработицы, болезни, переезда и т. п. также выплачиваются центральной кассой. Из средств центральной кассы оплачивается вся союзная администрация. В руках местных отделений собственных средств по общему правилу не имеется. А если местное отделение такие средства хочет иметь, оно должно вводить дополнительные местные взносы, которых рядовые члены очень не любят. Впрочем, в ряде союзов даже и введение дополнительных местных взносов поставлено под контроль союзного центра.

Заканчивая характеристику союзных финансов, не безинтересно будет привести некоторые данные о строении расходного

бюджета английских профессиональных организаций. Если мы разделим все эти расходы на три основные рубрики — борьба, взаимопомощь и управление, — то получим в итоге следующую картину (цифры относятся только к зарегистрированным трэд-юнионам):

	1913 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
	(в тысячах фунтов).			
Борьба	447 (12%)	2.132 (25%)	3.219 (25%)	3.427 (14%)
Взаимопомощь . .	2.097 (57%)	3.395 (39%)	5.243 (41%)	18.195 (68%)
Управление . .	1.136 (31%)	3.101 (36%)	4.363 (34%)	4.504 (18%)
	3.680 (100%)	8.628 (100%)	12.825 (100%)	26.126 (100%)

Как видим, самую крупную статью расходов составляет взаимопомощь: перед войной она поглощала почти $^3/_5$ союзного бюджета, в первые два послевоенные года упала было до $^2/_5$, но в 1921 году благодаря колоссальной безработице превысила $^2/_3$ всех расходов профессиональной организации. На втором месте стоят расходы по управлению, поглощавшие перед войной и в первые послевоенные годы около $^1/_3$ всего бюджета. В 1921 году эти расходы относительно упали (до 18%), но по абсолютным цифрам даже несколько превысили расходы предыдущего года. На последнем месте стояли и продолжают стоять расходы на борьбу. Накануне войны они составляли всего 12% всего бюджета, в первые два послевоенные года, ознаменовавшиеся гигантским стачечным движением, доля военных расходов профессиональных союзов поднялась до 25%, а затем с наступлением неблагоприятной экономической кон'юнктуры вновь упала почти до нормы мирного времени.

Женщины в професс. движении. При рассмотрении организационной структуры британского профессионального движения особого внимания заслуживает «женский вопрос». Да, как это ни странно, но и здесь, в мире пролетариата, приходится говорить о совершенно специальном «женском вопросе». Суть его заключается в следующем.

Женский труд очень широко распространен в Англии. Действительно, в 1914 году из 13,9 миллионов рабочих и служащих

страны 3,3 миллиона или 24% составляли женщины. В целом ряде производств—текстильном, пищевкусовом, бумажно-полиграфическом, фарфоро-фаянсовом, по изготовлению одежды — женщины составляли большинство рабочих.

В других отраслях народного хозяйства они играли крупную и все увеличивающуюся роль. Так, напр., в металлической промышленности за десятилетие 1901—1911 г.г. число работниц увеличилось с 63.000 до 101.000 или на 60%.

Война в чрезвычайной степени увеличила приложение женского труда. В ноябре 1918 года, т. е. в момент окончания войны, из 13,1 миллиона рабочих и служащих Англии 4,9 милл. или 37% составляли женщины. За 4 года войны количество женщин-работниц возросло больше чем на полтора миллиона. Особенный рост женского труда наблюдался в следующих отраслях хозяйства:

	1914 г.	1918 г.
	(в тысячах).	
Обработка металла	170	596
Дома, арсеналы, патронные заводы и проч.	2	246
Химическое производство	40	103
Обработка дерева	44	83
Государственная служба	66	163
Транспорт	18	56
	340	1.247 *)

Иными словами, по указанным отраслям число женщин-работниц увеличилось больше чем в три раза. Женщины в годы войны замещали мужчин, призванных под знамена, и тем самым широкой волной вливались в ряды пролетариата. Правда, по окончании войны началось обратное движение: вернувшиеся с фронта мужчины вытесняли женщин с занятых ими мест, результатом чего было сокращение женского труда в производстве, но все-таки на 1 января 1923 года из 11,7 миллионов рабочих и служащих 3,2 или 27% составляли женщины.

*) Мировое професс. движение, справочник Профинтерна, Москва, Гиз, 1924, т. I, стр. 304.

При такой громадной роли женского труда в народном хозяйстве вопрос о вовлечении женщин в ряды профессиональных организаций должен был бы, казалось, серьезно занимать трэд-юнионы. В действительности, однако, мы наблюдаем нечто совсем иное. Вплоть до самого последнего времени целый ряд крупнейших союзов Англии, особенно в обработке металла, строительной промышленности и т. д., не только не способствовал организации женщин, но даже не допускал их в свои ряды. Целый ряд других союзов, не закрывая своих дверей перед женщинами, тем не менее относился с крайним равнодушием к привлечению их в трэд-юнионы. И только в тех отраслях производства, которые были построены, главным образом, на эксплоатации женского труда (например, текстильная промышленность), союзам волей неволей приходилось заняться профессионально-союзной работой среди женщин.

В результате организация работниц сильно хромала: в 1890 г. в союзах насчитывалось лишь около 100.000 женщин, что составляло 7% всех членов профессиональных союзов; 23 года спустя, накануне самой войны, число организованных женщин поднялось до 357.000 или 9% всего профессионально-об'единенного пролетариата. А между тем в это же самое время доля женщин в общей массе рабочих и служащих страны достигала 24%. Беда была, впрочем, не только в количественной слабости,—беда была также и в некоторых специфических искривлениях движения по организации женщин, неизбежно вытекавших из условий сложившейся обстановки. То недружелюбное, отношение, которое женщины работницы встречали в рядах тред-юнионистов, естественно, наталкивало их на мысль о создании особых женских профессиональных союзов. Действительно, в 1906 году была основана «Национальная федерация женщин-работниц», об'единявшая в рамках единой организации работниц из самых разнообразных производств. В 1913 году этот особый женский трэд-юнион насчитывал 20.000 членов и обнаруживал симптомы довольно быстрого развития. К счастью, однако, организационное отделение женщин от мужчин в профессиональном движении не успело зайти слишком далеко, ибо война и вызванные ею перемены проломили

широкую брешь в консерватизме английских трэд-юнионов. После 1914 года даже слепому стало ясно, что без вовлечения женщин в профессиональное движение немыслимо прочное улучшение условий труда пролетариата. В соответствии с этим в настроении трэд-юнионов произошел значительный сдвиг: те из них, которые раньше относились халатно к делу организации работниц, обратили на него самое серьезное внимание (сюда относятся, главным образом, союзы неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих), а те из них, которые до сих пор не принимали к себе женщин, теперь открыли им свои двери. Высшие инстанции профессионального движения также спешили засвидетельствовать перемену своего фронта в «женском вопросе»: в 1919 году представительница работниц Маргарита Бондфильд впервые была избрана в состав Парламентского Комитета трэд-юнионов; в том же году в исполкоме реорганизованной Рабочей Партии женщинам было отведено 4 места. Все эти перемены имели своим последствием ликвидацию особого женского профессионального движения. В 1921 году «Национальная федерация женщин-работниц» влилась в «Национальный союз чернорабочих», а в 1922 году при Генеральном Совете трэд-юнионов (о его возникновении см. ниже) в качестве одного из органов единого профессионального движения была учреждена особая «Женская Лига», ставящая себе задачей агитацию среди работниц и привлечение их в общие для мужчин и женщин союзы.

Сдвиги, вызванные эпохой войны, отразились и на росте числа профессионально - организованных женщин. С 357.000 в 1913 году оно поднялось до 1.340.000 в 1920, но вместе с общим упадком профессионального движения в последующие годы спустилось в 1922 году до 868.000. Сейчас женщины составляют 16% всего профессионально организованного пролетариата Англии. Это все еще мало, ибо, как мы видели, на 1 января 1923 года число женщин среди служащих и рабочих страны достигало 27%. Как бы то ни было, но делу организации женщин дан сильный и глубокий толчок. Теперь оно уже не остановится.

Об'единения по горизонтальной линии.

Кроме описанных выше об'единений английских профессиональных союзов по вертикальной линии, в амальгамированные трэд-юнионы или промышленные федерации, мы встречаем в Великобритании также весьма любопытные *об'единения профессиональных союзов по горизонтальной линии.* Таких видов горизонтального межсоюзного об'единения встречается три: местные Советы Союзов, Конгресс трэд-юнионов и Генеральная федерация трэд-юнионов. Остановимся на них несколько внимательнее.

Советы Союзов.

Английские Советы Союзов на местах приблизительно соответствуют германским картелям или нашим губернским профессиональным советам, с той, однако, разницей, по сравнению с последними, что район деятельности каждого из них обычно ограничивается только территорией того города, где он существует. Таким образом, это не столько *губернские* профессиональные советы, сколько *городские* профессиональные советы. Какого-нибудь общего устава, на основании которого строились бы все местные Советы Союзов, не существует. В каждом городе имеется на сей счет свой особый «норов и обычай». Точно также далеко не в каждом городе местный Совет Союзов об'единяет все наличные профессиональные организации. Сплошь да рядом в такой Совет входит только часть существующих в городе организаций, а другая часть стоит вне его, иногда даже в прямой оппозиции к нему. В общем и целом, однако, Советы Союзов в мире английского трэд-юнионизма занимают совершенно определенное место и носят вполне определенную физиономию. Их характернейшая черта — это то, что они посвящают свое внимание не столько профессиональным, сколько *общественным и политическим делам.* Данная их роль была особенно важна до образования Рабочей Партии. Тогда Советы Союзов являлись известным суррогатом партии, поддерживая тех или иных кандидатов на выборах и выявляя политические настроения рабочих масс. Впрочем, большого влияния на общегосударственные дела им никогда не удавалось оказывать. Зато их влияние было достаточно сильно на местные городские дела. Советы Союзов играли важную роль во

время городских выборов, они заставляли муниципалитеты оплачивать своих работников по тарифным нормам, они побуждали гласных выступать в качестве посредников в различных промышленных конфликтах. В последние годы Советы Союзов много занимались вопросами профессиональной пропаганды, а также культурно-просветительной работы, о которой речь будет еще ниже.

Справедливость требует сказать, что Советы Союзов долгое время были пасынками английского трэд-юнионизма. Центральные правления крупных союзов относились к ним с некоторой подозрительностью, как к возможным конкурентам в смысле влияния на профессионально-организованных рабочих, и косо смотрели на то, что их местные отделения участвуют в Советах. Поэтому Советы Союзов постоянно нуждались в средствах, имея возможность получать таковые лишь от добровольных дополнительных взносов, которые вводили для своих членов местные отделения трэд-юнионов. Поэтому же в Советах Союзов обычно никогда не работали общепризнанные лидеры профессионального движения, — там по правилу выступали второ- и третьестепенные представители союзов. Поэтому же Советы Союзов почти нигде не имели постоянных платных секретарей, занятых исключительно их делами. Секретари Советов всегда совмещали свою работу в Совете с какой-нибудь другой должностью. В 1920 г. только в одном Лондоне (из всей Англии) имелся целиком оплачиваемый секретарь Совета. В настоящее время недоверие союзных центров к Советам Союзов может считаться в значительной степени изжитым, однако, старые традиции продолжают давать себя знать. В результате Советы Союзов об'единяют лишь меньшинство профессионально-организованных рабочих. Так, например, в 1913 г. 273 Совета, существовавшие в то время в Англии, насчитывали 1.523.000 членов в примыкающих к ним союзах. Это дает около 36% всего числа трэд-юнионистов того года (4.133.000). В дальнейшем положение мало изменилось. Местные Советы Союзов не раз делали попытки об'единиться в организационные единицы более высокого порядка. Эти попытки имели лишь частичный успех. В настоящее время существуют и довольно

хорошо функционируют областные федерации Советов Союзов (Ланкаширская, Чеширская, Северно-Уэлльская и т. д.). Создать же «Национальную Федерацию Советов Союзов» до сих пор не удалось.

Конгресс тред-юнионов.

Конгресс трэд-юнионов является об'единением горизонтального порядка в общеанглийском масштабе. Первый такой конгресс был созван Глазговским Советом Союзов еще в 1864 г., однако, официальная история трэд-юнионизма считает первым конгрессом — конгресс 1868 года, созванный в Манчестере. На этом конгрессе было представлено всего лишь 118.000 членов. За конгрессом 1868 года последовали новые, а с 1871 года они стали созываться ежегодно. Число союзов и членов, участвующих в конгрессах, изменялось по десятилетиям следующим образом:

Год.	Число союзов.	Число членов.
1869	—	118.000
1878	114	624.000
1888	138	817.000
1898	188	1.184.000
1908	214	1.777.000
1918	262	4.532.000
1923	194	4.369.000

Конгресс собирается раз в год и заседает около недели. Теоретически он является высшим учреждением британского профессионального движения, которому принадлежит решение всех важнейших проблем, волнующих последнее. Фактически, однако, конгресс не больше, как ежегодный парад, на котором господствующие в рабочих массах настроения находят лишь сравнительно слабый отклик, так как участники конгресса в подавляющем большинстве — профессиональные чиновники, секретари, председатели и т. п. Прения на конгрессе ведутся весьма хаотично, никакого серьезного руководства его работами нет и никакой формально обязательной силы для участников резолюции его не имеют. До 1919 года конгресс ежегодно выбирал Парламентский

Комитет, на обязанности которого было следить за политическими интересами рабочих и путем своевременных выступлений предупреждать угрожающие им опасности или способствовать проведению необходимых им мероприятий. Но такова была теория. На практике Парламентский Комитет являлся пустым местом, так как конгресс не считал нужным снабдить его средствами, потребными для построения сколько-нибудь действенного аппарата. Парламентский Комитет состоял обычно из весьма занятых всякими другими делами трэд-юнионистских лидеров и имел только одного целиком оплачиваемого секретаря, к которому в последние годы был придан еще один помощник. При таких условиях годичная деятельность Комитета сводилась к тому, что посылалось несколько депутаций к министрам, рассылались два или три циркуляра к союзам, устраивалось одно совещаньице с дружественными политическими деятелями и составлялся подробный отчет Конгрессу не о деятельности самого Комитета, а об изменениях в законодательстве и о деятельности парламента за истекшую сессию. Результатом всего этого было то, что исполнительные комитеты «Амальгамированной ассоциации фабричных рабочих» и «Федерации горнорабочих» пользовались в фойэ парламента несравненно большим влиянием, чем Комитет, являющийся представителем всего мира трэд-юнионов [1]. Совершенно очевидно было, что в таком виде Парламентский Комитет никому не нужен, особенно после образования Рабочей Партии. Тем не менее по традиции он продолжал существовать и поглощать ежегодно все-таки до 30.000 рублей.

Только в 1919 г. Парламентский Комитет был заменен Генеральным Советом из 32 членов, выбираемых Конгрессом, в числе которых непременно должны были быть две женщины. Главное внимание свое Генеральный Совет теперь обращает не на вопросы политические, а на вопросы профессиональные и культурно-просветительные. Так, он принимает меры к улаживанию конфликтов между различными союзами, возникающих на почве конкуренции из-за членов, способствует об'единению цеховых орга

[1] С. и Б. Вебб, История трэд-юнионизма, 1924. Выпуск 17, стр. 121.

низаций в более крупные профессиональные единицы, а также ведет довольно широкую профессиональную пропаганду. Он оказывает также поддержку некоторым культурно-просветительным учреждениям и организациям, ведущим свою работу среди пролетариата. Что касается вопросов политических, то здесь Генеральный Совет выступает совместно с Исполнительным Комитетом Рабочей Партии и имеет даже ряд общих с ним отделов (исследований и информации, прессы и публикаций, юридический и интернациональный). Средства Генерального Совета составляются из ежегодных взносов участвующих в нем организаций в размере 15 копеек на каждого члена, что дает в сумме 600—700 тысяч рублей в год.

Конгресс трэд-юнионов участвует в международном об'единении профессиональных союзов, известном под именем Амстердамского Интернационала (соглашательский интернационал). Несмотря, однако, на все реформы последних лет, конгресс вплоть до настоящего дня еще не стал подлинным представительством — деловым и серьезным—британского профессионального движения и не завоевал себе в его рядах безусловного авторитета. Свидетельством этого может служить, между прочим, то обстоятельство, что все-таки до 10 процентов профессионально-организованных рабочих Великобритании не принимают участия в Конгрессе трэд-юнионов.

Генеральная федерация трэд-юнионов.

Несчастная стачка машиностроителей в 1897 году, окончившаяся поражением рабочих, дала толчок к концентрации сил профессионального движения в целях более успешной борьбы с капиталом. Результатом этого толчка было возникновение в 1899 году Генеральной федерации трэд-юнионов, задача которой должна была состоять в том, чтобы противопоставить единый фронт труда все более об'единяющемуся фронту капитала. Эта задача, однако, была реализована лишь в сравнительно малой степени. В 1899 году к Генеральной федерации примыкали 44 союза с 345.000 членов, что давало 18% всего профессионально-организованного пролетариата Великобритании. 20 лет спустя, в 1919 году, к Генеральной Федерации примыкал 141 союз

с 1.215.000 членов, что давало только 15% всех профессионально организованных рабочих страны. В 1922 году Генеральная Федерация насчитывала в своих рядах 124 союза с 886.000 членов, т. е. 16% всех профессионально-организованных пролетариев Англии. Как видим, количественный прогресс за минувшую четверть века был более чем скромен, скорее наблюдался даже регресс. Не лучше обстояло дело и с внутренним укреплением федерации. Создать действительно об'единенную, внутренно спаянную и авторитетную организацию на подобие германской «Всеобщей федерации профессиональных союзов» или нашего Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов инициаторам британской федерации не удалось. Они никогда не имели в своем распоряжении достаточных средств и могли оказывать поддержку отдельным профессиональным союзам в их борьбе лишь от случая к случаю, главным образом, в качестве посредников между предпринимателями и рабочими или же путем организации специальных сборов для поддержки стачечников. Кое-какие попытки были сделаны федерацией в области налаживания культурно-просветительной работы, но ничего серьезного здесь достигнуто не было. Также мало удачны были и ее шаги в сфере собирания статистических и всяких иных материалов, характеризующих британское профессиональное движение.

Эта слабость работы и влияния Генеральной федерации об'яснялась двумя главными причинами. Во-первых, федерация вскоре после своего возникновения превратилась в об'единение, главным образом, мелких цеховых профессиональных союзов. Действительно, в 1899 году в среднем на один союз, примыкавший к федерации, приходилось всего 8.000 членов. Эта норма осталась почти неизменной вплоть до настоящего дня. Крупные и сильные связи, больше расчитывавшие на свои собственные силы, вступали в федерацию крайне неохотно, особенно видя в ее рядах большое количество мелких союзов, очень часто их непримиримых конкурентов. В силу этого такие основные организации британского профессионального движения, как, например, «Амальгамированное общество механиков», «Британская федерация горнорабочих» и др., стояли вне федерации и даже относились к ней

с нескрываемой враждебностью. Во-вторых, в первые годы после своего возникновения Генеральная федерация приняла активное участие в международном об'единении профессиональных союзов. Конгресс трэд-юнионов обращал в тот период мало внимания на интернациональные дела, и Генеральная федерация как-то сама собой стала официальным представительством британского пролетариата в международном об'единении профессиональных союзов. Однако, в дальнейшем Конгресс стал полагать, что подобное представительство гораздо более подстать ему самому. Это создало очень опасную для Генеральной федерации оппозицию среди союзов, участвовавших в Конгрессе трэд-юнионов.

Указанными причинами об'ясняются дефекты развития Генеральной федерации трэд-юнионов. Уже в послевоенные годы интернациональное представительство у Генеральной федерации было отнято и перенято Конгрессом трэд-юнионов. В настоящее время Генеральная федерация находится в состоянии длительного упадка, и можно думать, что она вообще относится к числу умирающих организаций.

Заканчивая очерк организационной структуры английских трэд-юнионов, приходится констатировать, что, несмотря на свое почти двухвековое существование или, быть может, именно благодаря ему, она не сумела создать ни сколько-нибудь совершенной формы профессионального союза, такой, которую стоило бы заимствовать рабочим более молодых стран, ни сколько-нибудь влиятельного и дееспособного центра, могущего быть настоящим руководителем профессионального движения.

Тем меньше она сумела сделать сколько-нибудь серьезный вклад в построение международной организации пролетариата. Не случайность, что в предвоенные годы, когда по всей Европе устраивались сборы для поддержки какой-нибудь крупной стачки международного значения (напомню, напр., всеобщую стачку 1909 г. в Швеции), Англии обычно стояла в данном случае на одном из последних мест. И это несмотря на богатство ее профессиональных союзов! В уставах некоторых трэд-юнионов существовали даже особые параграфы, запрещавшие расходование союзных сумм на поддержку конфликтов, происходящих за пре-

делами Великобритании. Позднее английские трэд-юнионы стали втягиваться в русло международного рабочего движения, и сейчас они играют в Амстердамском Интернационале первую скрипку. Однако, организационные пороки их собственного движения помешали им оказать на построение этого Интернационала то влияние, на которое они вправе были расчитывать при своем реальном удельном весе.

II. Формы деятельности.

Основные формы деятельности профессионального движения каждой страны идут по трем главным линиям: борьба, взаимопомощь и культурно-просветительная работа. Посмотрим, как в этом отношении дело обстоит в Англии.

а) Борьба.

Соглашательский дух трэд-юнионов.

Если вы станете знакомиться с уставами английских профессиональных союзов предвоенного времени, то первое, что особенно бросится вам в глаза, — это слишком малое место, которое в них уделяется вопросам профессиональной *борьбы*. Определяя задачу своей организации, трэд-юнионисты говорят о самых разнообразных вещах. Они указывают, что союз будет наблюдать за исполнением законодательства, относящегося к данной отрасли производства, что он будет заботиться о соблюдении гигиенических условий в мастерских, контролировать систему ученичества, выдавать пособия членам в случае безработицы или болезни, собирать фонды для выплаты пенсий престарелым, помогать рабочим получать вознаграждение в случае какого-нибудь несчастия и т. п. Но почти нигде вы не найдете ясного и прямого заявления о том, что главной задачей союза является решительная борьба с капиталом за интересы об'единяемых им рабочих. Наоборот, везде, где устав подходит к вопросам борьбы, язык его неизменно становиться крайне туманным, неясным и типично согла-

шательским. Так, например, в уставе «Соединенной ассоциации бумаго-прядильщиков», относящемся к 1891 г., говорится, что ассоциация «образована для того, чтобы обеспечить всем ее членам справедливое вознаграждение за труд, и для того, чтобы улаживать и примирять столкновения между предпринимателями и рабочими, избегая, таким образом, прекращения работы». В свою очередь «Британская федерация горнорабочих» заявляет, что ее целью является «рассматривать вопросы о заработной плате и другие вопросы промышленной политики и вообще защищать горнорабочих... Созывать конференции для обсуждения вопросов, касающихся углекопов, именно вопросов о промышленной политике, о заработной плате и о законодательстве; добиваться во всех копях и для всех лиц, работающих под землей, 8 час. рабочего дня» и т. д. «Национальный союз башмачников» в своем уставе пишет: «цели союза следующие: учреждение центральной кассы для помощи членам и для повышения заработной платы... установление по мере возможности одинаковой нормы заработной платы за одинаковую работу во всем союзе... сокращение рабочего дня.., употребление всех законных средств для улучшения положения членов в моральном, социальном, интеллектуальном и политическом отношениях». Даже один из так называемых «новых» трэд-юнионов — возникший после знаменитой стачки доковых рабочих 1889 г. «Союз газовых рабочих» в своем уставе заявляет, что целью его является «улаживать все столкновения с хозяевами посредством полюбовных соглашений всегда, когда это только возможно» [1]).

Как видим, ясно выраженной классовой точки зрения в цитированных уставах не видно. Наоборот, везде отчетливо чувствуется соглашательская нота. И это не случайность. Английские трэд-юнионы предвоенной эпохи никогда не были принципиальными сторонниками классовой борьбы. Больше того, их руководящий аппарат всегда стоял на точки зрения буржуазного либерализма, в лучшем случае буржуазного социал-реформатор-

[1]) С. и Б. Вебб, Теория и практика английского трэд-юнионизма. 1900 г. т. I, ст, 116—117.

ства, отрицающего, как известно, принцип классовой борьбы. Вожди трэд-юнионов свято верили в учение о гармонии классовых интересов, полагали, что всякого рода конфликты между трудом и капиталом могут быть разрешены в порядке приемлемого для обеих сторон компромисса, и потому склонны были рассматривать стачки и локауты, как случайные исключения из общего правила. Им в голову как-то не приходила та простая мысль, что обостренная борьба между рабочими и предпринимателями как раз и есть норма, а полюбовные соглашения — сравнительно редкое исключение. Руководители английских профессиональных союзов описываемого периода были принципиальными социал-соглашателями, считали всякую стачку злом, которого надо по возможности избегать, и в своей практической деятельности неизменно руководились принципом: худой мир лучше доброй ссоры. И поскольку общие экономические условия вплоть до конца XIX века создавали сравнительно благоприятные условия для профессиональной борьбы пролетариата, вождям трэд-юнионов действительно удавалось отстаивать наиболее неотложные интересы рабочих без слишком частого применения наиболее острых форм профессиональной борьбы. Некоторые фактические данные как нельзя лучше осветят положение.

Возьмем, например, одну из основных отраслей промышленности Великобритании — горное дело. Здесь в течение четверти века, предшествовавшего империалистической войне, имели место только два крупных столкновения. В 1893 году 400.000 английских углекопов четыре месяца бастовали, не желая принять требования предпринимателей о понижении заработной платы. Стачка кончилась поражением рабочих. Следующее крупное столкновение разыгралось уже только в 1912 году (подробнее о нем ниже), т. е. через 19 лет после первого. На протяжении почти целого поколения в английской горнопромышленности господствовал социальный мир, и все спорные вопросы разрешались путем длительных переговоров между трудом и капиталом в порядке компромисса.

Примерно такое же положение наблюдалось и в металлической промышленности. В 1897 году разыгралась большая стачка

локаут машиностроителей в связи с борьбой за восьмичасовой рабочий день. Стачка тянулась около восьми месяцев и закончилась поражением рабочих. Следующее крупное столкновение в промышленности по обработке металла имело место только в 1910 году среди котельщиков, на котором мы еще остановимся подробнее. Стало быть, в металлопромышленности полоса социального мира тянулась 13 лет.

Не иначе было и в текстильной промышленности. В 1893 г. хлопчато-бумажные рабочие Англии бастовали в течение пяти месяцев, отражая попытку предпринимателей понизить заработную плату. Эта борьба увенчалась лишь частичным успехом. Вторично крупная борьба в хлопчатобумажной промышленности разыгралась уже только в 1908 году, вылившись в форму семинедельной стачки рабочих в связи с вопросом о заработной плате. И тут полтора десятилетия в промышленности господствовал социальный мир.

Аналогичные условия наблюдались и в других отраслях производства. Так, в строительной промышленности за весь интересующий нас период не было ни одного сколько-нибудь крупного конфликта между трудом и капиталом. Так же обстояло дело и на железных дорогах (первая большая стачка железнодорожников имела место только в 1911 г.), в области транспорта, в сфере пищевкусовой промышленности и т. д. Эта длительная эпоха «социальной гармонии» вырабатывала в трэд-юнионах, особенно же в их руководящих кругах, привычку к миру, к добрососедским отношениям с предпринимателями, к разрешению всякого рода спорных вопросов через примирительные камеры, третейские суды, коллективные договоры. Она создавала в них психологию не классового бойца, а благодушного обывателя, которому всякие волнения, стачки, демонстрации и прочие проявления «беспорядка» кажутся каким-то дьявольским наваждением. Отсюда вытекало одно важное практическое последствие: *трэд-юнионы все больше переносили свое главное внимание с вопросов борьбы на вопросы взаимопомощи.* Доказательством этого могут быть данные о количестве стачек и о строении союзного бюджета за первое десятилетие нынешнего века.

Число стачек и участвующих в них рабочих изменялось в течение этого десятилетия следующим образом:

Год.	Число стачек.	Число лиц, вовлеченных в стачку.
1900	648	186.000
1901	642	180.000
1902	442	257.000
1903	387	117.000
1904	354	87.000
1905	358	94.000
1906	486	218.000
1907	601	147.000
1908	389	293.000
1909	422	298.000
1910	521	514.000

Как видим, число лиц, участвовавших в промышленных конфликтах, колебалось от 87 до 514 тысяч в год, составляя в среднем 218 тыс. Если считать, что в указанный период общее число пролетариев в промышленности и транспорте достигало 10 милл. человек, то придется притти к выводу, что ежегодно участвовал в стачках один из каждых 46 рабочих. Это очень немного. При том весьма характерно, что размеры стачек, как общее правило, были довольно скромны: на один промышленный конфликт в среднем приходилось 457 рабочих.

Еще характернее строение союзного бюджета. За период 1901—10 г.г. ста крупнейшими английскими союзами было израсходовано:

на борьбу	2,3 милл. фунт.	10,7% всех расходов.
на взаимопомощь . .	15,1 „ „	68,5% „ „

Итак, расходы на взаимопомощь в шесть с лишним раз превышали расходы на борьбу. Это с несомненностью свидетельствует о том, что английские трэд-юнионы в начале XX века гораздо больше являлись мирными кассами взаимопомощи, чем органами классовой борьбы пролетариата. Именно данным обстоя-

тельством об'ясняется тот упоминавшийся уже выше факт, что многие профессиональные союзы вкладывали свои капиталы в различные капиталистические предприятия, в том числе и такие, против которых по об'ективным условиям они должны были вести борьбу. Нисколько не удивительно, поэтому, что накануне войны трэд-юнионы являлись уже не вполне пригодными для боевых целей организациями, и что при возникновении крупных промышленных конфликтов они подчас попадали в самое нелепое положение. Приведу один весьма характерный пример.

Конец 1910 года ознаменовался в Англии большой стачкой котельщиков, которую можно рассматривать, как важную историческую веху в развитии британского трэд-юнионизма: с этой именно стачки датирует новая полоса в истории английского профессионального движения, полоса, характеризующаяся колоссальным расширением поля профессиональной борьбы и ломкой старых традиций «социального мира». Стачка котельщиков возникла в связи с вопросами соблюдения коллективного договора. Она быстро охватила всех котельщиков страны и привлекла к себе всеобщее внимание прессы и населения. «Союз котельщиков», руководивший борьбой, принадлежал к числу богатейших трэд-юнионов Англии. Из ежегодно публикуемых им финансовых отчетов всем было известно, что в распоряжении Союза имеются крупные суммы, которых должно было хватить для выплаты стачечного пособия в течение целого ряда месяцев. Считаясь с этим, рабочий мир Англии с бодрой уверенностью смотрел на исход разыгравшегося конфликта. Каково же было всеобщее удивление, когда спустя несколько недель после начала стачки центральное правление союза довело до сведения своих членов, что оно больше не в состоянии выплачивать им причитающейся стачечной помощи. Среди забастовщиков, естественно, вспыхнула буря негодования, и они потребовали к ответу генерального секретаря союза Роберта Найта. Что же оказалось в действительности? Оказалось, что все те огромные суммы, которые значились в ежегодных отчетах союза, не миф, а подлинная реальность. Беда заключалась только в том, что большая часть этих капиталов была вложена в различные промышленные и транспорт-

ные предприятия, так что «свободных» денег в распоряжении центрального правления было очень мало. При этом замечательная подробность: крупные суммы Робертом Найтом были вложены как раз в те самые предприятия Армстронга и Виккерса, с которыми союз в данный момент вел главную борьбу. В результате союз не только нес убытки от организованной им стачки, но и натыкался на самое упорное сопротивление со стороны Армстронга и К° при попытках извлечь из предприятия столь нужные ему в тот момент деньги. Получился неслыханный скандал, из которого надо было найти какой-нибудь выход. Временный выход найден был в том, что часть союзных средств, вложенных в другие предприятия, была спешно реализована с большими потерями для организации. Из полученных таким образом сумм центральное правление еще в течение нескольких недель выплачивало стачечное пособие. Но затем и эти суммы истощились, и правлению, на бумаге располагавшему еще очень крупными капиталами, пришлось об'явить бастующим рабочим, что больше им ни копейки не может быть дано. Положение было возмутительное и вместе с тем трагическое. Но котельщики не хотели сдаваться. Они решили продолжать борьбу, не получая денег из союзной кассы. Еще целый месяц они упорствовали в стачке, дойдя до крайней степени нищеты и страданий (детей стачечников кормили на общественный счет), но, в конце концов, героизм рабочих одержал победу: предприниматели должны были пойти на уступки.

Рассказанная история в высшей степени любопытна. Она свидетельствует одновременно о блестящих боевых качествах рядового английского рабочего и о полной негодности его вождей на роль руководителей классовой борьбы. О той же негодности трэд-юнионистской бюрократии громко говорят и некоторые другие факты совершенно вопиющего характера. Кто бы мог, в самом деле, поверить, что бывают случаи, когда одни трэд-юнионы выступают штрейкбрехерами по отношению к другим. А между тем такие явления время от времени наблюдаются. Так, например, в 1898 году небольшое местное «Общество кузнецов в Гейтгоде» устроило стачку в нескольких промышленных пред-

приятиях. Места забастовщиков были заняты членами «Об'единенного общества машиностроителей», с ведома и благословения союзных инстанций. Чем об'ясняется это вопиющее преступление против самых элементарных принципов пролетарской солидарности? Оно об'ясняется только тем, что между «Об'единенным обществом машиностроителей» и «Обществом кузнецов в Гейтсгоде» с давних пор шла борьба на почве «размежевания», и первое, воспользовавшись удобным стечением обстоятельств, решило подсидеть другое. Совершенно аналогичный случай произошел в 1902 году, когда члены «Об'единенного общества кузнецов» заняли места бастующих членов «Об'единенного общества кузнецов и молотобойцев Соединенного Королевства». И здесь причины были такие же, как и в первом случае. Подобные истории в предвоенную эпоху в мире трэд-юнионов происходили не так уже редко. И главной виновницей столь безобразных явлений была профессионалистская бюрократия, систематически разжигавшая борьбу между отдельными союзами на почве «размежевания».

Новая эпоха (после 1910—1911 г.г.).

Оппортунистическое перерождение английского профессионального движения не могло однако продолжаться бесконечно. К началу XX века создался ряд условий, которые заставили широкие массы английского пролетариата выйти из состояния относительного покоя, в котором они находились в предшествующие десятилетия. В основном дело сводилось к тому, что экономическое могущество британского капитализма несколько пошатнулось. В течение почти всего XIX столетия Англия являлась единственной мировой фабрикой. Во всех остальных странах промышленность находилась еще в зачаточном состоянии, и капитализм делал там лишь первые робкие шаги. Англия фактически являлась монополистом в снабжении мирового рынка индустриальными продуктами. И, как монополист, она могла диктовать цены. В результате английская буржуазия собирала богатую жатву во всех концах земного шага как в свои собственных колониях, так и в больших и малых государствах Европы, Азии и Америки. Ее прибыли были колоссальны, и она больше всего была

заинтересована в нормальном функционировании промышленной машины своей страны. Чтобы обеспечить это нормальное функционирование, необходимо было хотя бы в минимальной степени приручить пролетариат, обломать острые углы его классовой борьбы как в экономической, так и в политической областях. И английская буржуазия решила этот вопрос в стиле своих вековых исторических традиций: она пошла по пути подкупа пролетариата мелкими материальными подачками. Из своей огромной сверхприбыли, получаемой от монопольной эксплоатации мирового рынка в особенности британских колоний, капитаны британской промышленности и торговли уделяли известную (в общем, очень незначительную) часть рабочим в форме обеспечения им сравнительно сносной заработной платы и приличных условий труда. Именно на этом основном экономическом факте покоилась вся та система «социального мира», которая пользовалась таким сочувствием у английских трэд-юнионистов, прежде всего у их оппортунистических вождей.

Но к началу XX века положение существенно изменилось. К этому моменту в целом ряде европейских и внеевропейских стран под защитой таможенных пошлин возник и развился собственный капитализм. Капитализм двух стран — Германии и Соединенных Штатов — достиг таких гигантских размеров, что превратился в опасного соперника английского капитализма на мировом рынке. Во Франции, Италии, Австрии, России, Японии и других государствах местная промышленность была недостаточна сильна для того, чтобы тягаться с британской в условиях свободной конкуренции, но у себя дома она все-таки господствовала на рынке. Ввоз же иностранных, в частности английских продуктов сильно затруднялся таможенными тарифами. В итоге Англия потеряла монопольное положение на мировом рынке, а вместе с этим потеряла и добрую долю той сверхприбыли, которую она получала от эксплоатации чужих владений и государств. Осталась лишь сверхприбыль, которую она получала из собственных колоний. Да и здесь все больше начинала сказываться немецкая и американская конкуренция. Прямым последствием всех указанных перемен явилось значительное сокращение прибылей

английской буржуазии. У ней меньше стало денег, и ей труднее теперь было продолжать ту систему подкупа пролетариата экономическими подачками, которую она практиковала в течение более чем полустолетие. Тем самым рушилась база «социального мира». Не только дальнейшее улучшение положения пролетариата, но даже сохранение достигнутого уже им уровня жизни становилось отныне возможным лишь в порядке ожесточенной борьбы с капиталом. А это прежде всего означало колоссальный рост стачечного движения и превращение трэд-юнионов из касс взаимопомощи в органы классовой борьбы.

Данный перелом начался, как я уже упоминал выше, с описанной стачки котельщиков. В дальнейшем он пошел быстрыми шагами вперед. В 1911 году в Англии разыгрался целый ряд крупнейших конфликтов. В июне вспыхнуло стихийное движение транспортных рабочих, требовавших повышения заработной платы и введения единообразных условий труда во всей стране. Бастовали моряки, докеры, газовые рабочие, угольщики, машинисты, грузчики и целый ряд других родственных категорий труда. Стачка сопровождалась массовыми митингами и демонстрациями, при чем в Лондоне на Тоуэр-Хилл ежедневно собиралось до ста тысяч человек, пред которыми выступали социалистические ораторы. Борьба охватила все крупнейшие порты Англии и закончилась победой рабочих. В августе произошла забастовка двухсот тысяч человек на железных дорогах. Железнодорожники категорически требовали признания своего союза и целого ряда экономических улучшений. Правительство вынуждено было вмешаться в конфликт, и в конечном счете победа также осталась за рабочими. В 1912 году страна была потрясена колоссальной стачкой горнорабочих, охватившей свыше миллиона человек. Рабочие настаивали на введении минимальной заработной платы, и палата общин, в конце концов, должна была санкционировать это требование путем издания специального закона. Победа и здесь осталась на стороне пролетариата. В 1913—1914 г.г. Ирландия пережила всеобщую стачку транспортных рабочих, во главе которых стоял знаменитый Джим Ларкин. Стачка эта сопровождалась весьма драматическими событиями и вызвала горячее

сочувствие к себе в среде английских рабочих. Британские трэд-юнионы поддерживали ее деньгами и посылкой продовольственных продуктов. Кончилась она, однако, поражением стачечников.

Характерной чертой упомянутых забастовочных движений был их стихийно-революционный характер. Они возникали, по общему правилу, снизу, волна подымалась из самой гущи рабочих масс, трэд-юнионистская бюрократия стремилась всячески противодействовать этой волне, но, в конце концов, бывала захлестнута неудержимым порывом пролетариата. Сплошь да рядом происходили конфликты между массами и вождями. Вожди об'являли стачки «незаконными», потому что они возникали без соблюдения всех правил, изложенных в уставах трэд-юнионов [1]), а массы ничего не хотели знать о бумажных параграфах и громко требовали наступления на позиции капитала. В конечном итоге побеждали массы. Не менее замечательной чертой стачечного движения 1910—1914 г.г. было активное вмешательство в его течение со стороны правительства. Это вмешательство было, впрочем, подобно двуликому Янусу: с одной стороны, Ллойд-Джордж и Асквит выступали в роли примирителей и отчасти даже покровителей рабочих, а, с другой стороны, их коллега по кабинету Винстон Черчилль в качестве министра внутренних дел посылал против стачечников войска. Как бы то ни было, но для всех очевидно, что экономика все больше переходила в политику, и это в сильнейшей степени способствовало усилению политического движения среди английских профессионалистов, о чем речь еще будет ниже.

Какова же была успешность предвоенного стачечного движения?

Само собой разумеется, что в этом отношении один год не походил на другой: главную роль тут играла экономическая

---

[1]) По правилам трэд-юнионов, стачка может быть об'явлена только в том случае, если предварительно исчерпаны все мирные средства воздействия на предпринимателя (переговоры, примирительная камера, третейские суды и т. п.). И даже в этом случае для законности стачки требуется, чтобы было произведено специальное голосование членов, в котором не меньше $^2/_3$ голосующих высказались бы за прекращение работы.

кон'юнктура. В годы промышленного под'ема борьба рабочих давала больший результат, чем в годы промышленной депрессии Однако, если взять исход всех стачек, происходивших в течение 1900—13 г.г., то в итоге получим след. картину:

Стачки, окончившиеся полным успехом рабочих	26,6%
Стачки, окончившиеся компромиссом	39,5%
Стачки, окончившиеся поражением рабочих	33,6%
	100,0%

Как видим, около ⅔ всех столкновений имели положительный для рабочих результат и лишь ⅓ оказалась неблагоприятной. Это не так уж плохо.

Далее необходимо иметь в виду, что та же борьба рабочих способствовала чрезвычайно широкому применению в Англии системы коллективных договоров.

Война и послевоенный период.

Война прервала наметившийся ход развития. Патриотический угар, охвативший в годы войны широкие массы английских рабочих плюс законодательные мероприятия правительства, установившего принудительный арбитраж в предприятиях, работающих на оборону, не могли не сократить силы и размаха профессиональной борьбы пролетариата. И все-таки эта борьба продолжалась. И при том в довольно крупных размерах, о чем могут свидетельствовать следующие цифры:

Годы:	Число стачек.	Число лиц, вовлеченных в стачки.
1915	672	44?.000
1916	532	276.000
1917	730	871.000
1918	1.165	1.116.000

В среднем, таким образом, в год бастовало 678.000 рабочих, т. е. почти в 3 раза больше, чем в период 1900—1910 г.г. При этом два из имевших место за время войны конфликта (углекопы Южного Уэлльса и металлисты района Клайда) имели очень широкий характер.

По окончании же войны насильственно прерванная линия развития снова вступила в свои права, при чем искусственно сдерживаемое в течение четырех лет недовольство масс теперь сразу вырвалось на волю в форме целого ряда гигантских промышленных столкновений. Так, в 1919 году бастовали 250.000 углекопов, 450.000 хлопчато-бумажных рабочих, 500.000 железнодорожников и т. д. В 1920—22 г.г. разыгрались всеобщая стачка углекопов, новая громадная стачка хлопчатобумажных рабочих, ряд крупнейших столкновений в строительной промышленности, в транспорте, в типографском деле, в металлообрабатывающей промышленности. Более точное представление о размерах стачечной борьбы в послевоенные годы могут дать следующие цифры:

ГОДЫ:	Число стачек.	Число лиц, вовлеченных в стачки.
1919	1.352	2.591.000
1920	1.605	1.931.000
1921	763	1.801.000

В среднем в год бастовало 2.108.000 рабочих, т. е. почти в 10 раз больше, чем в первое десятилетие XX века.

В первые два года после окончания войны стачки рабочих обычно увенчивались крупным успехом, ибо в те дни английская промышленность переживала эпоху временного, но очень резкого под'ема. Однако, начиная с 1921 года положение изменилось. Под'ем сменился тяжелым и длительным кризисом, не изжитым вплоть до настоящего дня. Число безработных все время колебалось между 1—2 миллионами, т. е. примерно в 3—4 раза больше предвоенной «нормы». В такой обстановке борьба рабочих, конечно, не могла быть особенно успешной. С 1922 года началось совершенно определенное наступление капитала по всему фронту: заработная плата урезывалась, рабочий день удлинялся, условия труда ухудшались. Рабочие протестовали, не раз устраивали стачки, но в большинстве случаев терпели поражение. Особенно крупное значение имело столкновение в металлической промышленности, разыгравшееся в 1922 году. Оно

охватило около миллиона рабочих, тянулось несколько месяцев, но закончилось победой предпринимателей.

Послевоенная эпоха окончательно подтвердила то, о чем можно уже было догадываться в последние годы перед войной, а именно, что английское профессиональное движение после длительного периода «социального мира» вступило в полосу ожесточенной классовой борьбы. И одним из весьма ярких свидетельств данного поворота могут служить цифры расходов трэд-юнионов на стачки до и после войны. Мы уже знаем (см. стр. 90), что процент союзных расходов на дело борьбы с 12 в 1913 году поднялся до 25 в 1919 и 1920. В 1921 году он, правда, снова упал до 14%, но только потому, что громадные расходы на поддержку безработных больше чем вдвое увеличили расходный бюджет союзов по сравнению с предшествующим годом. По абсолютным же цифрам расход на стачки в 1921 году даже несколько превысил этот расход в 1920 г. Еще показательнее с интересующей нас точки зрения будет следующая небольшая таблица:

ГОДЫ:	Израсходовано союзами на стачки при расчете на 1 члена.
1913	2,8 шиллинга — 1 руб. 34 коп.
1919	6,5 „ — 3 „ 12 „
1920	9,2 „ — 4 „ 42 „
1921	12,5 „ — 6 „ — „

Как видим, стачечные расходы послевоенного времени далеко превышают расходы последнего предвоенного года, который ведь тоже относится к категории довольно беспокойных. В 1921 году эти расходы были больше в 4 с лишним раза. Недооценивать данного факта не приходится. Все, что мы знаем о современном английском профессиональном движении, неизбежно приводит нас к выводу, что старая тактика «социального мира» потерпела полное банкротство и что трэд-юнионы вопреки воле своих вождей должны стать и постепенно становятся действительно боевыми органами британского пролетариата.

б) Взаимопомощь.

Роль взаимопомощи в трэд-юнионах.

Взаимопомощь всегда играла и продолжает еще играть в английском профессиональном движении чрезвычайно крупную роль. Многие английские трэд-юнионы, особенно из более старых и аристократических, выросли из небольших обществ взаимопомощи, имевших целью оказывать поддержку своим членам в случае болезни, безработицы, несчастья и т. п. Взаимопомощь вообще является в условиях капиталистического общества одной из основных функций профессионального движения, и можно даже сомневаться, чтобы без широкого развития взаимопомощи мыслимо было создание прочных и устойчивых профессиональных организаций. Одни боевые задачи не в состоянии привязать к союзу крепкой нитью широкие массы пролетариата: промышленные конфликты и стачки случаются не каждый день, и средний рядовой рабочий по обычному человеческому легковерию склонен надеяться, что именно ему не придется принимать участие во всех треволнениях, связанных с забастовкой или локаутом. И чем реже происходят острые столкновения между трудом и капиталом, тем меньше чисто боевые задачи могут служить магнитом, притягивающим рабочего к профессиональной организации. Наоборот, болезнь,безработица, смерть и т. п. подстерегают пролетария каждый день, и помощь ему в этих, особенно близких и возможных невзгодах способна накрепко привязывать его к профессиональному союзу. Не случайность поэтому, что все действительно массовые профессиональные движения (английское, германское, американское и т. д.) имеют широко разветвленную систему взаимопомощи. Данная отрасль профессионально-союзной деятельности в Англии должна была получить тем более мощное развитие, что, как мы уже видели, в предвоенную эпоху крупные конфликты и столкновения в ее промышленности происходили сравнительно редко.

Действительно, взаимопомощь долгое время являлась настоящим фундаментом трэд-юнионистского движения. Выше (см

стр. 106) я уже приводил данные о строении союзного бюджета в первое десятилетие XX века. Сейчас напомню только, что расходы ста крупнейших трэд-юнионов на дело взаимопомощи в указанный период составляли 68,5% всех их расходов. Даже в последний предвоенный год—1913, когда стачечное движение среди английского пролетариата приняло уже очень широкий характер, расходы так называемых «зарегистрированных» союзов (об'единявших 78% всех профессионально-организованных рабочих) на взаимопомощь достигали 57% всего бюджета.

Однако, говоря о взаимопомощи в английском профессиональном движении, необходимо различать две группы союзов. В более молодых и массовых союзах чернорабочих и полуквалифицированных рабочих (транспортники, железнодорожники, чернорабочие и т. д.) взаимопомощь была и остается развитой сравнительно слабо. Названные союзы по общему правилу взимают низкие членские взносы, не располагают крупными капиталами и потому не в состоянии выплачивать многочисленных видов пособий, в случаях болезни, смерти, старости и т. п. Наоборот, в более старых и аристократических союзах, об'единяющих квалифицированых рабочих (плотники, котельщики, машиностроители, текстильщики и т. д.), где взносы высоки и накопленные капиталы значительны, а иногда даже громадны, взаимопомощь развита очень широко и является важнейшей функцией профессиональных организаций.

Виды взаимопомощи. Основных видов взаимопомощи в английских трэд-юнионах встречается девять:

1) *Пособие безработным* — оно имеется обычно во всех союзах (исключение составляют докеры и чернорабочие). Размер пособия зависит от размера членского взноса и продолжительности пребывания данного члена в рядах союза. Срок выдачи пособия в различных союзах весьма различен в зависимости от финансового положения организации и целого ряда других условий. В наиболее богатых союзах, как, напр., у текстильщиков, помощь безработным оказывается в течение 25 недель. Нередко для покрытия расходов по безработице трэд-юнионы взимают с своих членов специальные дополнительные взносы.

2) *Пособие на переезд* — также является одной из основных форм взаимопомощи, применяемой почти во всех союзах. Рабочий, не могущий найти занятия в данном городе, отправляется искать счастья в другом месте, и союз при этом оказывает ему поддержку в форме выплаты определенного пособия. Здесь тоже встречаются различные вариации: выдаются суточные, недельные или поверстные пособия, иногда не только на самого члена союза, но также и на его семью. В некоторых организациях пособия на переезд считаются ссудой, которую рабочий постепенно погашает, когда найдет себе занятие.

3) *Пособие на эмиграцию* — имеет тот же смысл, что и пособие на переезд, но выдается лишь тем членам союза, которые в поисках работы отправляются за океан, особенно в многочисленные английские колонии. Чаще всего подобные пособия встречаются в союзах рабочих металлической промышленности, имеющих свои отделения в Канаде, Австралии, Южной Африке и т. п. Впрочем, общее число организаций, выдающих пособие на эмиграцию, невелико. Оно не превышает 15—20.

4) *Пособие в случае болезни* — также относится к широко распространенным формам взаимопомощи. Выдается оно обычно еженедельно, при чем размер его, смотря по союзу, сильно варьирует. Срок выдачи тоже различный, от нескольких недель до полугода. Как общее правило, в течение определенного числа недель больничное пособие выдается в определенной сумме, а затем несколько понижается и в таком пониженном виде уже выплачивается до предельного срока. Лишь несколько наиболее богатых союзов выплачивают больничное пособие вплоть до выздоровления. Очень часто члены союза в дополнение к денежной помощи получают от организации еще бесплатную помощь лекарствами и врачебной консультацией. Ряд союзов имеет своих специальных врачей, выбираемых всеобщим голосованием членов.

5) *Пособие в несчастных случаях* — практикуется довольно многими союзами в форме единовременной выдачи известной денежной суммы (большею частью от 100—500 рублей).

6) *Пособие на приобретение орудий производства, одежды и проч., погибших при кораблекрушении, пожаре и т. п.* — суще-

ствует в сравнительно немногих союзах (главным образом среди транспортников и моряков) и выдается в зависимости от обстоятельств.

7) *Похоронное пособие* — очень широко распространено среди трэд-юнионов, так как в старое время рабочие придавали большое значение «достаточному христианскому погребению» своих членов. Эта традиция сильна и в настоящее время. Пособие выдается в определенной сумме (в среднем от 20—100 руб.) как на самого члена, так и на членов его семейства.

8) *Пенсия престарелым* — выплачивают только наиболее старые и богатые трэд-юнионы, главным образом в строительной, металлической и текстильной промышленности. В 1901 году из ста крупнейших союзов пенсию выдавали 38. Для этого союзы имели особые фонды, составлявшиеся из специальных взносов их членов и управляемые отдельно от других союзных средств. Размер пенсий весьма различен по отдельным союзам, а в каждом союзе зависит от количества лет, которые пробыл в рядах организации получающий пенсию.

9) *Пособие семьям умерших членов* — встречается лишь в очень немногих союзах, при чём сумма и срок пособия обычно устанавливаются в каждом данном случае.

Все дело взаимопомощи в английских трэд-юнионах централизовано, и все виды пособий по общему правилу выдаются из средств центральной кассы.

Тенденции развития.

Как, однако, ни велика роль взаимопомощи в английском профессиональном движении, необходимо все-таки отметить, что значение ее постепенно падает. И это неудивительно. В 1911 году по причинам, о которых речь будет ниже, Ллойд-Джордж провел закон о государственном страховании рабочих на случай увечья, болезни и безработицы. В течение последующих лет эта система страхования была дополнена и развита целым рядом законодательных актов и административных мероприятий. В настоящее время под действием государственного страхования находится около 12 миллионов служащих и рабочих Великобритании. Тем самым был нанесен удар делу взаимопомощи в профессиональных союзах

Правда, закон признает осуществление страхования также и через трэд-юнионы, но во всяком случае монопольное положение последних в деле оказания помощи рабочему в случае безработицы или болезни уничтожено. Сейчас профессиональные союзы могут выдавать и действительно выдают своим членам лишь пособия дополнительные к государственному [1]). Вот почему можно думать, что в исторической перспективе взаимопомощь относится к категории умирающих отраслей профессионально-союзной деятельности в Англии, хотя, конечно, умирать она будет еще очень долго.

Доказательством только что сказанного является тот факт, что в послевоенные годы процент расходов трэд-юнионов на взаимопомощь значительно понизился по сравнению с предвоенным периодом. Действительно, в 1919 году на эту отрасль профессионально-союзной деятельности было истрачено 39%, а в 1920 году—41% всего бюджета, против 57% в 1913 году. Правда, в 1921 году расходы на взаимопомощь сразу поднялись до 68% бюджета, т. е. до средней нормы, характерной для первого десятилетия XX века, однако, это об'яснялось той совершенно исключительной безработицей, которая поразила Англию, начиная с 1921 года. Действительно, в то время как в 1913 году процент безработных в стране не превышал 2,05%, а в военные годы он упал еще больше (1915 г.—1,1%, 1916—0,4%, 1917—0,7%, 1918—0,8%), в 1921 году число безработных вдруг поднялось до 15,3% и в 1922—до 15,4%. В 1923 году, правда, процент безработных упал до 11,8%, а в 1924 обнаружил дальнейшее сокращение (в мае этого года число безработных составляло

1) Страхование от болезни и безработицы организовано в Англии след. образом. Страхование на случай болезни производится через так наз. „утвержденные (правительством) общества", каковыми могут быть профсоюзы, кооперативы, коммерческие общества страхования и пр. От „утвержденных обществ" требуется только, чтобы операции по страхованию они производили บесприбыльно. Страхование от безработицы производится через биржи труда и „утвержденные общества". Фактически в числе „утвержденных обществ" очень часто фигурируют трэд-юнионы. Так, напр., в 1921 г. из 193 „утвержденных обществ", страховавших от безработицы, 171 были трэд-юнионы, обслуживавшие 2.110.000 членов.

9,5%), но все-таки жестокая безработица вплоть до настоящего дня является страшным бичем британского пролетариата. В соответствии с этим трэд-юнионам в последние годы приходилось затрачивать колоссальные усилия на поддержку безработных; всего ими истрачено на эту цель до 15 милл. фунтов. Однако, большая часть союзов уже в течение 1921—22 г.г. успела истощить непомерными расходами на безработных свою кассу и в дальнейшем вынуждена была сильно сократить размах своей деятельности в области взаимопомощи. В результате после стремительного под'ема расходов на взаимопомощь в 1921 году наступило падение, которое еще раз подтверждает высказанную мною мысль о том, что взаимопомощь в наши дни относится к умирающим отраслям профессиональной работы.

в) Культурно-просветительная работа.

Непонимание ее значения. Третьей отраслью профессионально-союзной деятельности обычно является культурно-просветительная работа. В этом отношении в Англии дело обстоит чрезвычайно неудовлетворительно. Самое плохое это то, что широкие массы трэд-юнионистов, в том числе и их вожди, до сих пор еще не осознали колоссальной важности культурного и политического воспитания пролетариата. Для иллюстрации обычных повсеместно распространенных среди профессионалистов взглядов на данный предмет я приведу следующий характерный пример. В 1913 году мне пришлось обследовать работу «Британской федерации горнорабочих». При этом я был чрезвычайно поражен тем обстоятельством, что громадная организация, насчитывавшая в тот момент в своих рядах свыше 800.000 членов, даже не имеет своего печатного органа. Я обратился за раз'яснениями к тогдашнему генеральному секретарю федерации, убеленному сединами и полному необычайного трэд-юнионистского величия Аштону. Ответ его на мой недоуменный вопрос был настолько характерен, что я приведу его здесь буквально:

— А к чему нам свой собственный печатный орган?—говорил Аштон.—Мы ведь чисто экономическая организация, мы не

преследуем никаких политических целей. Ну, скажите, к чему нужна была бы своя газета какому-нибудь акционерному обществу или какой-нибудь страховой компании?

Исходя именно из той мысли, что профессиональный союз есть не что иное, как своеобразная форма страхового общества на случай болезни, безработицы, стачки и т. п., британские трэд-юнионисты предвоенной эпохи вообще ничего не хотели знать о культурно-просветительной работе. В их годовых отчетах даже не было соответственной рубрики расходов. Правда, отдельные лица или отдельные организации в мире трэд-юнионов проявляли известный интерес к вопросам политического воспитания пролетариата, но это были лишь редкие исключения, которые только еще отчетливее подтверждали общее правило.

Изменилось ли положение в этом отношении в послевоенные годы?

Профессиональная печать. К сожалению, очень немного. Яснее всего, это сказывается в области прессы. Английские профессиональные союзы вплоть до настоящего дня не имеют сколько-нибудь заслуживающей внимания периодической печати. Справедливость требует сказать, что многие организации имеют свои органы. В 1923 году в Англии издавалось всего 83 профессиональных органа, из них 7 еженедельных, 4—двухнедельных, 58—ежемесячных и 14—трехмесячных. Но что это были за органы! Только 2—3 из них, как «Cotton Faetari Times» (орган текстильщиков), «Railway Review» (орган железнодорожников), «Post» (орган почтовиков), более или менее напоминают собой профессиональную газету. Подавляющее же большинство остальных — это сухие сборники циркуляров, распоряжений, инструкций, отчетов и т. п., публикуемых союзными центрами. В них не только не встретишь каких-нибудь статей на политические или общественные темы, но почти никогда не найдешь даже освещения наиболее животрепещущих вопросов союзной жизни. Недаром почти все органы английских трэд-юнионов носят казенное название: «Report» (отчет) или «Circular» (циркуляр) такого-то союза. Весьма характерно, что «Британская федерация горнорабочих», не имевшая никакого органа в 1913 году, не имеет его

и в настоящее время. Из всех 18 областных федераций горнорабочих месячные органы имеют только две—«Федерация Южного Уэлльса» (одна из самых революционных организаций в Англии) и «Федерация Нортумберланда». Можно не без основания утверждать, что могучее трэд-юнионистское движение, насчитывающее за собой свыше 200 лет исторического развития, до сих пор остается безгласным.

Школы и курсы.

Немногим лучше обстоит дело и с другими формами культработы. Наибольшего внимания заслуживают некоторые попытки создать что-то вроде профессионально-союзных школ для подготовки руководителей трэд-юнионистского движения. Однако, нижеследующие факты в достаточной мере осветят, какую роль в развитии этих школ играли профессиональные организации.

Старейшая из подобнмх школ—это «Labour College» (Рабочий Колледж), основанный в 1854 году в Лондоне Ф. Д. Морисом и группой христианских социалистов. Рабочий Колледж находится в контакте с некоторыми профессиональными союзами, устраивает для них вечерние курсы, организует кружки и т. п. Работа ведется в либерально-филантропическом духе и, конечно, ни в малой степени не способствует выработке классового самосознания среди своих питомцев. Примерно такого же рода деятельность развивает Тойнби-Холл — своего рода народный университет, основанный известным общественным деятелем Тойнби Еще одним крупным просветительным учреждением является «Worker's Educational Association» (Рабочая Образовательная Ассоциация), имеющая широкие разветвления по всей стране. Она организует в промышленных центрах курсы для рабочих, руководство которыми поручается особым паритетным комитетам из представителей профессиональных союзов и университетов. В 1913 году таких курсов было устроено 145, при чем группировались они около 11 университетов. В состав Ассоциации входит довольно большое количество трэд-юнионистов, но руководящая роль там принадлежит различным либеральным и радикальным филантропам, ярым сторонникам теорий о «гармонии классов» и «социальном мире». В 1920 году на курсах и в школах Ассоциа-

ции обучалось около 13.000 рабочих. Существует вся эта организация на частные средства — членские взносы и пожертвования

Несколько ближе к рабочему движению стоит основанный в 1899 году в Оксфорде «Ruskin College» (Колледж Рескина). Первоначально этот Колледж носил достаточно буржуазный характер, но затем в недрах его возникла резкая оппозиция, в результате чего часть студентов и работников Колледжа откололась и образовала в Лондоне «Центральный Рабочий Колледж», а в самом Колледже Рескина были произведены демократические реформы. В настоящее время Колледж Рескина управляется особым советом, в который входят представители «Генерального совета трэд-юнионов», «Об'единения рабочих клубов» и кооперативных обществ, а также три представителя от университета. Курс в Колледже двухлетний, преподаются экономические науки, государственное право, английский язык, литература, профессиональное движение, кооперация и т. д. В 1921 году в Колледже насчитывалось 75 студентов, содержимых за счет тех организаций, которые их командировали для обучения. В общем и целом в Колледже Рескина господствует дух соглашательского социализма, сильно разбавленный обыкновенным буржуазным радикализмом.

Гораздо более многообещающее учреждение представляет собой «Центральный Рабочий Колледж» в Лондоне, основанный в 1909 году оппозицией, ушедшей из Колледжа Рескина. Здесь с самого начала господствовал лево-социалистический дух, довольно сильно окрашенный в марксистские тона. Работники этого Колледжа определенно стояли на почве классовой борьбы и в предвоенные годы вели ожесточенную полемику против «Рабочей Образовательной Ассоциации», обвиняя ее в подсовывании пролетариату под флагом «нейтральности» архибуржуазных взглядов «Центральный Рабочий Колледж» содержится двумя крупными организациями: «Федерацией горнорабочих Южного Уэлльса» и «Национальным союзом железнодорожников», которые и руководят его работой. Целый ряд других союзов имеет в Колледже своих стипендиатов. В 1920 году Колледж имел 40 студентов. Курс в нем двухлетний, программа охватывает экономические

науки, литературу, английский, французский и немецкий языки. Преподавание ведется в марксистском духе. «Центральный Рабочий Колледж» имеет в Глазго свое шотландское отделение, поддерживаемое, главным образом, местной федерацией углекопов. Кроме того «Центральный Колледж» устраивает целый ряд вечерних курсов в Лондоне и провинции. В 1920 году через его вечерние курсы прошло около 11.000 человек. В связи с «Центральным Рабочим Колледжем» находятся «Плебейская Лига» («Plebs League)», «Рабочая Лига» («Labour League») и «Женская Рабочая Лига («Women's Labour League»), выполняющие функции пропагандистского и финансового характера.

Вот, в сущности говоря, почти все, что делается английским профессиональным движением в области культурно-просветительной работы. Это до смешного мало. Лишь в самые последние годы намечается некоторый сдвиг в благоприятную сторону. В 1920 г по инициативе рабочих железоделательной промышленности был создан особый «Профессионально-союзный комитет по образованию рабочих». Комитет этот в октябре того же года созвал конгресс по вопросам просветительной работы среди пролетариата, где было решено поставить вопрос о культурно-просветительной деятельности в порядок дня британского профессионального движения, тут же был избран Центральный Образовательный Комитет в составе представителей от 16-ти союзов для проведения в жизнь постановления конгресса. Центральный Комитет имеет 7 окружных комитетов, распространяющих свое влияние на всю территорию Великобритании, но собственных просветительных учреждений он по правилу не организует и ограничивается пока лишь поддержкой уже существующих — «Центрального Рабочего Колледжа», «Колледжа Рескина» и др. На Кардифском конгрессе трэд-юнионов в 1921 году «Центральному Образовательному Комитету» удалось провести резолюцию, рекомендующую профессиональным союзам обратить серьезное внимание на культурно-просветительную работу среди пролетариата. В начале 1922 г. в связи с этой резолюцией был организован «Национальный Совет Рабочих Колледжей», с которым вскоре после того слился Центральный Образовательный Комитет. Данные мероприятия

можно, конечно, только приветствовать, но не следует себе делать особенных иллюзий. Все процессы развития в Англии отличаются весьма медленным характером, и пройдут, вероятно, еще годы и годы прежде, чем британские трэд-юнионы возьмутся всерьез за культурно-просветительную работу. Пока же с сожалением приходится констатировать тот поразительный факт, что самое старинное из профессиональных движений мира является в то же время и самым «некультурным».

III. Профессиональные союзы и политика.

Эпоха либеральной рабочей политики. Принято считать, что после падения чартизма, т. е. примерно, с 1850 года, английское профессиональное движение перестало заниматься политикой, уйдя с головой в область чисто экономической борьбы. Такой взгляд несомненно грешит значительным преувеличением. Не подлежит, правда, сомнению, что во второй половине 19 века главные усилия британского пролетариата были направлены на повседневную экономическую борьбу. Повышение заработной платы, сокращение рабочего времени, создание сильных и крепких профессиональных союзов — вот что стало в центре всех его стремлений и забот. Однако, было бы ошибкой утверждать, что в описываемый период британский пролетариат и представляющее его профессиональное движение не занимались политикой. Нет, как увидим ниже, они политикой занимались, но только не классово-революционной а *либеральной*.

Чем об'яснялось такое поведение трэд-юнионов?

Оно об'яснялось несколькими причинами. Во-первых, руководящие круги рабочего движения, пережив тяжелое поражение чартизма, потеряли веру в методы классово-революционной политической борьбы. И по закону своеобразной психологической диалектики теперь естественно питали тяготение к методам либеральной политики, а еще больше — к методам экономическо-профессиональной борьбы.

Во-вторых, в том же направлении действовало еще одно обстоятельство. После 1850 г. в связи с быстрым расцветом ка-

питализма начал медленно, но неуклонно подыматься уровень экономического существования рабочего класса. Это происходило не без борьбы, но борьба во всяком случае систематически давала вполне ощутительные результаты. Так, например, прядильщик получал в среднем в 1850 году 18 шиллингов в неделю, а в 1860 г.—20 шиллингов; ткач за тот же период времени повысил свой заработок с 13 до 15 шиллингов; каменщики, получавшие в 1840 году 23 шиллинга, в 1860 г. дошли до 30 шиллингов; аналогичный рост заработной платы наблюдался и среди металлических рабочих, углекопов, плотников и т. д. Одновременно с этим в результате отмены хлебных пошлин, проведенных в 1846 году, стали падать цены на продукты продовольствия. В конечном итоге положение трудящихся масс сравнительно быстро улучшалось, и это, с одной стороны, питало в них более мирные настроения, а с другой, создавало мощные стимулы для растущего увлечения методами экономической борьбы.

Наконец, свою долю влияния оказывали и политические причины. Вторая половина 19 века была эпохой окончательного утверждения в Англии начал буржуазной демократии. Вместе с ней рабочий получал некоторую (правда, довольно скромную) возможность легального воздействия на государственную власть. Дальновидность английской буржуазии зашла так далеко, что в 1867 году она предоставила избирательное право в парламент более аристократической части городского рабочего класса, а в 1885 году она распространила избирательное право и на лучше зарабатывающую часть рабочих, живущую вне городов (выиграли от этого, главным образом, углекопы). В результате в сознании английского рабочего начали крепнуть конституционные иллюзии. Они пьянили ему голову и вырабатывали убеждение, что с помощью избирательного бюллетеня можно добиться в случае надобности всех потребных пролетариату законодательных мероприятий. Буржуазия же, с своей стороны, была настолько умна, чтобы путем маленьких, но своевременных уступок поддерживать в массах пролетариата конституционные иллюзии.

Все это, вместе взятое, произвело крутой перелом в мыслях и чувствах британского пролетария. Из революционера он пре-

вратился в реформиста. Он забыл великие революционные битвы первой половины 19 века. В течение почти целого полу-столетия он являл подлинное чудо в мире международного рабочего движения: представляя собой гигантскую социальную силу, способную в любой момент опрокинуть капиталистический порядок, он спокойно позволял царствовать буржуазии. Это был в подлинном смысле слова скованный титан, окованный притом не цепями (сухопутная армия в Англии, как мы знаем, была очень невелика), а собственным неразумием и обманом своего хозяина.

В области политики данная ситуация сказывалась весьма своеобразными чертами. Собственной политической партии, которая стояла бы на страже его интересов, британский пролетариат не имел. Вожди трэд-юнионов даже вообще находили, что в такой партии нет никакой надобности, ибо систематическое занятие политической деятельностью отнюдь не входит в задачи профессионального движения. Широко распространенная в те годы проповедь либерального «манчестерства» — экономического учения, которое доказывало, что государство само по себе, а хозяйственная жизнь сама по себе, и что чем меньше правительство вмешивается в область экономики, тем лучше, эта проповедь еще больше укрепляла профессионально-союзные круги в указанном убеждении. Когда же жизнь вынуждала их все-таки обращаться к области политики, они для достижения своих целей прибегали к методу своеобразной политической торговли.

Трэд-юнионы давали консерваторам или либералам свои голоса, а консерваторы или либералы давали за это трэд-юнионам потребные им законы. И нельзя отрицать, что в течение ряда десятилетий подобная тактика обеспечивала рабочим известные завоевания. Так, путем соглашения с либералами трэд-юнионам удалось в 1871 году провести закон, формально гарантировавший свободу союзов и стачек. Равным образом путем соглашения с консерваторами трэд-юнионы в 1874—76 г.г. добились издания парламентом законов об уравнении рабочих и предпринимателей в правах пред судом, о законодательном ограничении рабочего времени бумагопрядильщиков, о дальнейшем расширении прав трэд-юнионов и т. д.

Потребности политической борьбы, хотя бы и в той несовершенной форме, в какой она практиковалась английскими трэд-юнионами, вызывали необходимость в создании специальных органов, ведающих вопросами политики. Так возник в 1868 г. уже описанный выше конгресс трэд-юнионов. Так же возникла в том же году упоминавшаяся выше «Об'единенная ассоциация текстильных рабочих», ставившая себе целью защиту интересов своей отрасли труда путем законодательных мероприятий. В целях той же политической борьбы трэд-юнионам пришлось подумать о посылке своих представителей в парламент. На втором конгрессе профессиональных союзов в Бирмингаме, созванном в 1869 году, была образована «Лига рабочего представительства», которая в 1870 году на дополнительных выборах в Соусворте выставила первого в истории Англии *рабочего кандидата*, талантливого вождя профессионалистов Георга Оджера, который впрочем потерпел поражение (он получил 4.382 голоса против 4.686 голосов консерваторов и 2.951 голосов либералов).

На общих выборах 1874 г. «Лига рабочего представительства выставила 14 своих кандидатов, из которых избранными оказались двое — Александр Макдональд и Томас Барт. Это были первые рабочие депутаты в английском парламенте, люди, пришедшие на скамьи палаты общин от фабричного станка. На следующих выборах 1880 года кроме двух только что упомянутых был избран еще третий—рабочий депутат Генри Бродхерст. На выборах 1885 года количество рабочих депутатов увеличилось уже до 11. Это был несомненный успех, но это еще не было классово-сознательное политическое выступление пролетариата. Ибо рабочие депутаты в 70—80 годах прошлого века, проходившие в палату общин, не имели никакой самостоятельной политической программы и не образовывали в парламенте самостоятельной рабочей фракции. Английская буржуазия с своей обычной ловкостью сумела сразу нейтрализовать первые попытки пролетариата к классовой самодеятельности. Либеральная партия взяла под свое покровительство рабочих депутатов: она оплачивала их избирательные расходы и снабжала их готовыми политическими взглядами. Действительно, рабочие депутаты той

эпохи в парламенте обычно входили в состав либеральной фракции и в смысле идеологическом мало чем отличались от чистокровных либералов.

Первые социалистические организации.

Однако, жизнь не стоит на месте. К концу XIX века по причинам, указанным выше, господствующее положение британского капитализма стало колебаться. Об'ективные условия, обеспечивавшие пролетариату в течение ряда десятилетий возможность крупных экономических успехов, начали постепенно исчезать. Естественным результатом происшедшей перемены было обострение классовой борьбы между трудом и капиталом и постепенное нарождение в широких массах английского рабочего класса революционных настроений. Эти массы начинали как бы пробуждаться от длительного сна, в котором находились после падения чартизма, и с трудом вспоминать великие социальные и политические битвы прошлого.

Первые симптомы нарастающего перелома обнаружились уже в 80-х г.г. XIX века. Действительно, в 1881 году возникла «Демократическая федерация», об'единившая социалистов и представителей радикальной буржуазии. В 1884 году «Демократическая федерация» была переименована в «Социал-демократическую федерацию», и вскоре после того в ней произошел раскол: большинство во главе с Гайндманом стало целиком на почву марксизма, меньшинство же во главе с Вильямом Моррисом образовало «Социалистическую Лигу» с сильным анти-парламентским уклоном. Впрочем, позднее Вильям Моррис вернулся в «Социал-демократическую федерацию», а «Социалистическая Лига» распалась. Забегая несколько вперед, отметим здесь же, что в 1911 году «Социал-демократическая федерация» вместе с несколькими другими социалистическими группами об'единилась в «Британскую Социалистическую Партию», расколовшуюся во время империалистической войны. Из левого крыла «Британской Социалистической Партии» вышла нынешняя «Коммунистическая Партия Великобритании», основанная в 1920 г.

Марксистское крыло английского социализма не стяжало себе особенно пышных лавров в истории британского рабочего

движения. В до-коммунистический период оно всегда отличалось крайним догматизмом, носило сектантский характер и совершенно не умело подойти к массам пролетариата. «Социал-демократическая федерация» насчитывала не больше 10—12 тыс. членов, «Британская Социалистическая Партия»—не свыше 20 тыс. Гайндману и его товарищам был совершенно чужд тот революционный реализм, который составляет истинную сущность марксизма и который с таким блеском сумели проявить Ленин и руководимый им большевизм. Поэтому английские социал-демократы остались в стороне от большой дороги, по которой медленно шли тяжелые колонны пролетариата. Их влияние в английском рабочем движении всегда было совершенно ничтожно, а во время войны часть их, руководимая Гайндманом, ударилась в самый пошлый социал-патриотизм.

Почти одновременно с «Социал-демократической Федерацией» в 1884 году группой английских социалистов-интеллигентов было основано «Фабианское Общество». Во главе его стояли известный драматург Бернард Шоу, Сидней Вебб, автор классических трудом о трэд-юнионизма, Эдуард Пиз и целый ряд других. Программа общества предусматривала уничтожение частной собственности на «землю и промышленный капитал» и в качестве средства для достижения этой цели рекомендовала «возможно более широкое распространение знаний об отношениях между обществом и индивидуумом с экономической, этической и политической точек зрения». Практически это означало, что фабианцы мечтают о постепенном превращении капиталистического общества в социалистическое, без крови и революции, с помощью длинного ряда частичных социальных реформ. Недаром они присвоили своей организации название «Фабианского Общества»—по имени римского полководца Фабия Кунктатора, который, если верить историкам, губил врага осторожностью и медлительностью. В политическом отношении роль Фабианского Общества», в лучшие свои времена насчитывавшего 3.000 членов, была ничтожна. Но идеологическое влияние его на пролетариат было громадно: выработанной им теорией жило и продолжает поныне жить массовое английское рабочее движение.

Социалистическая агитация и тяжелый экономический кризис конца 80-х г.г. внесли новую ноту в пролетарские настроения того периода. На конгрессе трэд-юнионов 1887 года в Сванси молодой шотландский углекоп Кейр-Гарди решительно выступил с требованием прекращения сожительства с либералами и проведения независимой рабочей политики. Конгресс не рискнул сделать столь радикального шага, но группа трэд-юнионов в следующем 1888 году выставила Кейр-Гарди на выборах в Мид-Ланарке в качестве независимого рабочего кандидата против консерваторов и либералов. Это было уже весьма угрожающим симптомом, и либералы сделали попытку «купить» опасного конкурента. Они предложили Кейр-Гарди парламентский мандат, покрытие избирательных расходов и три тысячи рублей ежегодного жалования, если он откажется от самостоятельного выступления и пойдет по списку либеральной партии. Кейр-Гарди ответил категорическим отказом. На выборах он получил 619 голосов и торжественно провалился. Тем не менее его выступление имело громадное значение: оно повело к образованию «Шотландской Рабочей Партии», в которой Кейр-Гарди занял место генерального секретаря.

На общих выборах 1892 года в палату общин попали 15 рабочих депутатов, и в числе их был уже Кейр-Гарди, попрежнему ярый проповедник независимой рабочей политики. В 1893 году был сделан дальнейший шаг: на конференции в Брадфорде, где были представлены рабочие группы, разделявшие точку зрения Кейр-Гарди, возникла «Независимая Рабочая Партия», в которую влилась, как часть, «Шотландская Рабочая Партия». «Независимая Рабочая Партия» приняла социалистическую программу и выдвинула те ближайшие требования, которые в прежние годы мы привыкли встречать у всех социалистических партий Европы (8-ми часовой рабочий день, минимальная заработная плата, пенсия для стариков, бесплатное светское обучение, переложение налогов на плечи богатых, всеобщее избирательное право и т. д.). Однако, идеология партии не носила марксистского характера, а гораздо более приближалась к идеологии фабианцев. «Независимая Рабочия Партия» всегда была и до сих пор осталась пар-

тией не революционной, а реформистской, которая верит в возможность перехода от капитализма к социализму вполне «законным» парламентским путем. Совсем недавно в телеграмме, отправленный 6 января 1924 года в Индию, нынешний вождь «Независимой Рабочей Партии» и нынешний глава английского правительства Рамзей Макдональд, между прочим, говорил:

„На основании опыта всей моей жизни я пришел к твердому убеждению, что прочный и разумный прогресс может быть достигнут только конституционными путями. Нынешнее поколение видело много различных революционных движений, порвавших связь с прошлым, движений, которые казались успешными, но, в конце концов, после великих потрясений и тяжелых страданий эти движения возвращались к исходному пункту, стремясь восстановить порванную связь с прошлым и признать те принципы, которые им были раньше отвергнуты".

В этих словах—вся идеология «Независимой Рабочей Партии», идеология принципиальной постепеновщины и нутряного реформизма.

Впрочем, «Независимая Рабочая Партия» в противоположность «Социал-демократической Федерации» сумела обнаружить гораздо больше гибкости и понимания в деле идеологического завоевания рабочих масс. Она сумела найти пути и средства для того, чтобы проникнуть в самую толщу трэд-юнионистского движения и оказать могущественное влияние на воззрения его членов, особенно же его руководителей. Мало-по-малу вся профессионалистская бюрократия, а также значительные круги более сознательных трэд-юнионистов подпали под влияние «Независимой Рабочей Партии» и стали считать ее своим политическим вождем. В конечном счете, эта сравнительно небольшая организация (в лучшие времена «Независимая Рабочая Партия» насчитывала не больше 60 тысяч членов) повела за собой на политической арене тяжелые колонны профессионального движения. Однако, совершилось это не сразу, и вплоть до конца прошлого столетия и «Независимая Рабочая Партия», и «С.-Д. Федерация», и «Фабианское Общество» представляли собой лишь маленькие группы передовых элементов пролетариата (и интеллигенции). Широкие его массы еще продолжали политически безмолвствовать.

Рабочая партия. Новая и весьма серьезная перемена наметилась только на рубеже XX столетия. Корни ее, конечно, лежали в об'ективных условиях действительности, и прежде всего в сфере мировой экономики. К концу XIX века, как мы уже знаем, монопольное положение британского капитализма исчезло. В связи с этим сократились гигантские прибыли британской буржуазии и усилился ее нажим на широкие массы пролетариата. Одним из наиболее ярких фактов данного рода, фактом, сыгравшим во-истину историческую роль, явилось так называемое «дело в долине Тафф», разыгравшееся в 1899—1902 годах. Суть его вкратце сводилась к следующему. В долине Тафф произошла стачка железнодорожников. Во время стачки союз железнодорожников выставлял обычные пикеты, имевшие целью отговаривать штрейкбрехеров от замены бастующих рабочих. Стачка кончилась неудачею, но владельцы железной дороги этим не удовлетворились. На основании одного старинного закона, давно уже вышедшего из употребления, но формально не отмененного, железнодорожная компания потребовала от союза в судебном порядке возмещения понесенных ею во время стачки убытков. В первой инстанции суд решил дело в пользу железной дороги; вторая инстанция встала на сторону рабочих, но третья и последняя инстанция — палата лордов — вновь присудила дело в пользу железной дороги. В результате союз железнодорожников должен был уплатить компании 270.000 руб. золотом.

Это знаменитое дело сразу поставило на ноги весь трэдюнионистский мир, увидавший себя пред угрозой полного разгрома. Так как судебный путь для борьбы с притязаниями предпринимателей был исчерпан и не дал никаких результатов, то теперь оставался только один путь — путь политической борьбы. На него именно и стал английский пролетариат. На конгрессе трэд-юнионов 1899 года в Плимуте, по предложению союза железнодорожников, большинством 546 против 434 голосов было постановлено созвать специальную конференцию из представителей профессиональных союзов, социалистических, кооперативных и всяких иных рабочих организаций для выработки мер по

проведению на ближайших выборах большего количества рабочих депутатов в парламент. Действительно, 27 февраля 1900 г. в Лондоне состоялась такая конференция, на которой присутствовали представители от целого ряда трэд-юнионов, от «Независимой Рабочей Партии», от «С.-Д. Федерации» и от «Фабианского Общества». Всего было 129 делегатов от 568.000 организованных рабочих. Конференция избрала особый «Комитет Рабочего Представительства» из 12 членов и назначила секретарем его нынешнего британского премьера Рамзея Макдональда. Она установила также, что средства «Комитета Рабочего Представительства» должны составляться из взносов примыкающих к нему организаций (10 шиллингов, т. е. около 5 рублей с каждой тысячи членов в год), но не наметила никакой определенной политической программы. В принятой конференцией по этому поводу резолюции было сказано только следующее:

„Конференция считает необходимым, чтобы взгляды рабочего класса были представлены в палате общин людьми, симпатизирующими целям и стремлениям рабочего движения... Конференция высказывается в пользу образования в парламенте особой рабочей группы и считает, что эта группа должна сотрудничать с любой партией, готовой проводить меры, полезные для рабочих, или бороться с мерами, вредными для них".

Как видим, достаточно неопределенно. Впрочем, эта неопределенность дала возможность об'единить вокруг «Комитета Рабочего Представительства» весьма различные организации, начиная от наиболее умеренных трэд-юнионов и кончая сравнительно левой «Социал-Демократической Федерацией». Об'единение было построено на федеративных началах, и каждой входящей в его состав организации была предоставлена возможность выступать на выборах и в агитации с собственной политической физиономией.

Развитие новой партии, официально принявшей название «Рабочей Партии» лишь в 1906 году, шло на первых порах сравнительно медленно. В 1900—1901 годах общее число ее членов достигало всего лишь 376 тысяч, из которых 353 тыс. были членами примыкавших к партии трэд-юнионов и только 23 тыс. —

членами социалистических организаций. К 1905 году количество членов «Рабочей Партии» поднялось до 921 тыс. в том числе 904 тыс. членов трэд-юнионов и 17 тыс.—членов социалистических организаций («Социал-Демократическая Федерация» в 1901 году вышла из «Рабочей Партии», а «Британская Социалистическая Партия» только в 1915 году вновь вошла в нее).

Медленны были и избирательные успехи партии. На общих выборах 1900 года ей удалось собрать только 63.000 голосов и провести 2 своих депутатов—Кейр-Гарди и Бэлла против 13 рабочих депутатов, прошедших по списку либеральной партии. В 1902 году на дополнительных выборах в Векфильде партией был выставлен нынешний министр финансов Филипп Сноуден, однако, он был побит своим консервативным соперником. Зато партии удалось в том же 1902 году провести в другом месте своего кандитата Шекльтона, а в 1903 году—Вильяма Крукса и Артура Гендерсона. Борьба партии чрезвычайно затруднялась скудостью средств и недостаточной твердостью в проведении линии независимой политики. Поэтому, на конференции партии 1903 года в Ньюкэстле было постановлено образовать особый «парламентский фонд», пополняемый взносами в размере уже не 5, а 50 рублей в год с каждой тысячи членов. Из этого фонда должны были покрываться расходы по выборам, а также выдаваться депутатам партии ежегодно жалованье в размере 2.000 рублей. Последнее решение было отменено только в 1911 году, когда, по предложению Ллойд-Джорджа, парламентом было введено жалованье всем вообще депутатам в размере 4.000 рублей в год [1]). Что же касается общего направления деятельности партии, то на той же Ньюкэстльской конференции в особой резолюции было вновь подчеркнуто, что «рабочие представители в парламенте и вне его должны проводить свою собственную политику» и отнюдь не смешиваться с либеральной или консервативной партиями.

Первым крупным успехом «Рабочей Партии» были общие выборы 1906 года. Партии удалось на этот раз собрать 323.000 го-

[1]) Доходы Рабочей Партии составляли: в 1900-01 г.г.—343 ф. ст., в 1901-02 г.г.—343 ф., в 1902-03 г.г.—800 ф.; в 1903-04 г.г. они сразу поднялись до 3.634 ф., а в 1910 г. дошли до 32.500 ф.

лосов и провести в палату 29 депутатов, образовавших в ней особую рабочую фракцию. Момент был несомненно исторический, и это сумела прекрасно понять и учесть умная и ловкая английская буржуазия.

Либеральное правительство Кемпбелль-Баннермана, ставшее у власти в 1906 году, не только не обнаружило какой-либо враждебности к Рабочей Партии, но, наоборот, открыто пошло ей навстречу. Понимая, что предупредить самостоятельное политическое выступление пролетариата на парламентской арене уже невозможно, оно задалось целью освоить и «приручить» рабочую фракцию, а через нее и все вообще передовые слои пролетариата. Поэтому либеральное правительство взялось не за плетку, а за пряник. Как мы уже знаем, в том же 1906 году по закону, внесенному членом Рабочей Партии Гедсоном, было уничтожено знаменитое судебное решение по «делу в долине Тафф». А затем оно выдвинуло пресловутый «революционный бюджет» Ллойд-Джорджа, ограничение прав палаты лордов, государственное страхование — меры, которые теперь в свете исторической перспективы отчетливо выступают, как блестящий шахматный ход со стороны английской буржуазии. И не приходится сомневаться, что этот ход, по крайней мере, на целый десяток лет задержал развитие классового сознания британского пролетариата [1]).

При таких условиях не удивительно, что рост и оформление Рабочей Партии происходили лишь мало-по-малу, с большими

[1]) Впрочем, выдерживая по отношению к Рабочей Партии политику пряника, английская буржуазия пыталась временами обращаться и к помощи плетки. Очень любопытно с этой точки зрения разыгравшееся в 1908 г. „дело Осборна". Железнодорожный служащий Осборн подал в суд жалобу, в которой требовал возвращения ему взноса, взимавшегося с него его профсоюзом в пользу Рабочей Партии. Конечно, дело тут было не в Осборне и не в его взносе. За спиной Осборна стояла влиятельная группа консерваторов, которая желала путем судебного решения лишить Рабочую Партию денежных средств. Суд в первой инстанции отказал Осборну, но вторая и третья (палата лордов) инстанции высказались в его пользу. Над головой Рабочей Партии нависла новая угроза. Последовала упорная борьба в парламенте и вне парламента, которая в 1913 г., наконец, привела к изданию закона, анулировавшего наиболее вредные последствия „дела Осборна".

медлительностью и постепенностью. В самом деле, количество ее членов к 1910 году поднялось до 1.430.000 (в том числе 1.394.000 членов трэд-юнионов) и к 1914 году—до 1.612.000 (в том числе 1.572.000 членов трэд-юнионов). В то же время на парламентских выборах 1910 года Рабочая Партия получила 506.000 голосов и провела 40 депутатов. На вторичных выборах того же года число голосов упало до 317.000, а число депутатов повысилось до 42. Из приведенных цифр явствует, что едва лишь одна треть всего числа членов Рабочей Партии голосовала за нее на выборах в парламент. Остальные две трети голосовали за буржуазные партии, главным образом, за либералов. Так слабо было классовое сознание даже в рядах самой Рабочей Партии

Затем пришла война, и тут буржуазия пожала плоды своей хитрой политики по отношению к пробуждавшемуся от долголетней спячки пролетариату. Рабочая Партия в своей подавляющей массе высказалась за войну. Только «Независимая Рабочая Партия», в которой сильны были чисто пацифистские элементы, оказалась в оппозиции к правительству, за что ее вожди во главе с Рамзеем Макдональдом подверглись ожесточенной травле со стороны буржуазной печати. Остальная Рабочая Партия, ее тяжелая трэд-юнионистская пехота, уверовав в «демократические цели» войны, решила драться «до победного конца» во славу британского империализма. В течение всей войны она оставалась верной идолу английского капитала.

Что случилось дальше?

Послевоенная эпоха.

Окидывая сейчас ретроспективным взглядом всю послевоенную эпоху, можно с полной несомненностью установить, что минувшие 6 лет дали могучий толчок дальнейшему революционизированию английских рабочих масс. Процесс, который отчетливо наметился еще в начале XX века и был лишь временно прерван четырехлетней войной, теперь пошел ускоренным темпом. Причины для того были двоякого рода: экономические и политические.

Экономические причины в основном сводились к следующему. После кратковременного под'ема промышленности в 1919 и первой половине 1920 года в Англии разразился тяжелый хозяй-

ственный кризис, принявший хронический характер. Фабрики и заводы закрывались или сокращали свое производство, рабочие массами выбрасывались на улицу. Так, в октябре 1919 года общее число безработных в стране составляло 554.000, к началу 1921 г. оно поднялось до 1 миллиона, а к началу 1922 года — до 2 миллионов. В течение последующих двух лет количество безработных в известных пределах колебалось, но в среднем держалось на уровне около 1—1½ миллионов. О том же тяжелом кризисе свидетельствовали и изменения в численности членов трэд-юнионов. Как мы уже знаем, в 1914 г. эта численность достигала 4,2 милл., в 1920 году она поднялась до 8,5 миллиона, т. е. больше, чем вдвое, а в конце 1923 года она вновь опустилась до 4,5 миллиона или почти до предвоенного уровня.

Корни тяжелого кризиса, поразившего народное хозяйство Англии, лежали в сильном сокращении ее внешней торговли. Действительно, если сопоставить размеры этой торговли в 1913 и 1919—22 годах, переводя послевоенные цены на цены 1913 года, то получим следующую картину (в миллионах фунтов):

	1913	1919—22 (средняя годовая).	Меньше 1913 г. на
Ввоз	769	646	— 16%
Вывоз английских продуктов	525	321	— 39%
Вывоз иностранных продуктов	110	90	— 18%
	1404	1057	— 25%

Как видим, общий размер английской внешней торговли после войны сократился на 25%, причем особенно пострадал вывоз английских продуктов в чужие страны: он уменьшился почти на 40%. Чем вызывалось это крупное нарушение в нормальном кровообращении британского хозяйственного организма?

Здесь мы уже невольно подходим ко второму ряду причин, вызывавших революционизирование английских рабочих масс после войны, к ряду причин политического характера. В самом деле, ни для кого не секрет, что громадное сокращение британской внешней торговли является тяжелым наследием только что закончившейся империалистической войны. Европа, в прежние времена игравшая крупнейшую роль в английском товарообороте,

теперь сильно обеднела и уже не может столько продавать и покупать, как до 1914 года. Мало того, вопреки обещаниям и предсказаниям британских государственных мужей, послевоенная Европа не только не представляет собою рая земного, но скорее походит на самый подлинный ад. В ней идет дикая борьба наций и государств, и призрак новой грандиозной войны не уходит с ее потемневшего политического горизонта. Германия стонет под пятой Версальского договора. Советская Россия блокадой и интервенцией была долгое время выведена из строя мирового хозяйства. Между Англией и Францией идет систематическая борьба за европейскую гегемонию, борьба, предвещающая тяжкие и кровавые потрясения в будущем. При таких условиях не только экономическое настоящее Европы крайне печально, но и ее будущее заволакивается темными тучами. Возрождение английской торговли возможно лишь при условии возрождения европейского хозяйства, а возрождение европейского хозяйства натыкается на тысячи препятствий, коренящихся в самой природе послевоенного капитализма. Получается тупик, из которого не видно выхода. Пред широкими массами пролетариата, с одной стороны, все отчетливее выступает полное политическое банкротство буржуазии, а, с другой, все яснее вырисовывается торжество социалистической революции в России. Здесь мрак, разложение, безнадежная кровавая потасовка,—там свет, надежда на будущее, бодрящие выходы на пути освобождения человечества. Надо ли удивляться, что в такой обстановке английские рабочие массы стали стихийно поварачивать влево?

Симптомов этого поворота было очень много. Прежде всего в 1918 году Рабочая Партия, не имевшая до того, как мы знаем, никакой политической программы, увидала себя вынужденной принять следующую платформу:

«Рабочая Партия имеет своей целью:

«1. Организовать и поддерживать в парламенте и в стране политическую Рабочую Партию, а также озаботиться созданием местных Рабочих Партий в каждом избирательном округе, городском и сельским, с соответственными органами в городских округах, разделенных на особые избирательные участки.

«2. Выступать совместно с Генеральным Советом конгресса трэд-юнионов или другими подобными организациями в политических и иных действиях, поскольку это совместимо с партийной конституцией и решениями партии.

«3. Осуществлять в меру практической возможности принципы, от времени до времени устанавливаемые партийной конференцией.

«4. Обеспечить работникам, физическим и умственным, полный продукт их труда и наиболее равномерное распределение его на базисе общественной собственности на орудия производства, а также создать наиболее совершенную систему народного управления и контроля в каждой отрасли промышленности и общественной службы.

«5. Вообще содействовать политическому, социальному и экономическому освобождению народа, в особенности же трудящихся классов.

«6. Действовать совместно с рабочими и социалистическими организациями в колониях и доминионах (самоуправляющихся колониях) в интересах осуществления целей партии и совместно с ними содействовать повышению экономического и социального уровня существования рабочего класса названных стран.

«7. Действовать вместе с рабочими и социалистическими организациями в других странах в интересах создания федерации народов для поддержания мира и свободы, для установления органов, способных сглаживать и разрешать международные столкновения в порядке соглашения и судебного арбитража, и для развития практически осуществимого международного законодательства».

Это было не очень много, если судить на континентально-европейский масштаб, но это было все-таки крупным шагом вперед в условиях английской действительности.

Одновременно усилилось доверие рабочих масс к Рабочей Партии. Число членов ее, накануне войны достигавшее 1.612.000, в 1918 году поднялось до 3.013.000 и в 1920—до 4.360.000. Точно также на парламентских выборах 1918 года Рабочая Партия собрала 2.245.000 голосов и провела в палату 61 депутата.

Рабочая Партия об'единила вокруг себя ¼ всех избирателей, несмотря на то, что выборы происходили непосредственно после окончания войны в атмосфере национального торжества и патриотического угара. Когда в августе 1920 года Ллойд-Джордж предполагал об'явить войну Советской России с целью защиты белой Польши, по всей Англии прокатилась бурная волна рабочих митингов и манифестаций. Везде были созданы «Комитеты действия». Образовалось Общество «Руки прочь от России!». Состоялась экстренная конференция всех политических и профессиональных организаций пролетариата, представлявшая 6½ миллионов рабочих, и на ней единодушно было постановлено об'явить всеобщую стачку в случае нападения Англии на Советскую Республику. Планы Ллойд-Джорджа об интервенции по разного рода причинам не осуществились, и одной из самых главных среди них было бурное выступление английского пролетариата, свидетельствовавшее о наростании в его среде революционных настроений. В том же августе 1920 года состоялось и формальное образование «Коммунистической партии Великобритании», которое также приходится рассматривать, как один из симптомов стихийного революционизирования масс. Если мы к этому прибавим, что в течение 1918—22 годов британский пролетариат дал ряд крупнейших битв капиталу на экономическом фронте, то мы получим достаточно полное представление о тех глубоких революционных процессах, которые в послевоенные годы происходили в трудящихся массах Великобритании.

Да, рабочий класс совершенно определенно переходил в наступление. Это наступление развивалось сравнительно медленно, не теряя пока конституционных путей, но оно принимало все более широкий и неотвратимый характер. И пред господствующими классами Англии естественно вставал роковой вопрос: «что же делать?».

В ответе на этот вопрос различные группы господствующих классов сильно расходились. Либеральная партия, наиболее ярким представителем которой является Ллойд-Джордж, в качестве рецепта спасения предлагала восстановление европейского мира и возрождение на этой почве европейского хозяйства. В теории

это было совершенно правильно, но на практике это оказывалось чистой утопией. Генуэзская конференция 1922 г. с полной очевидностью демонстрировала перед всем миром банкротство Ллойд-Джорджа, а вместе с ним и всей либеральной партии в вопросах внешней политики, т. е. в основном вопросе жизни и смерти для английской буржуазии.

Ллойд-Джорджу пришлось уйти, и к власти в конце 1922 года пришла другая группа господствующих классов — консерваторы. У нее рецепт спасения был несколько иной. В возможность восстановления в близком будущем европейского мира и европейского хозяйства она не верила. Поэтому основной линией ее политики стал лозунг: «Как можно дальше от Европы!» Европу она хотела заместить Британской Империей, т. е. тем огромным колониальным царством, разбросанным по всем морям и океанам, которое нынешним вождям английской буржуазии перешло в наследство от их дедов и отцов. Консерваторы выдвинули старую программу своего покойного вождя Джозефа Чемберлена, формулированную им в начале XX века следующим образом:

„Интересы метрополии требуют дальнейшего расширения обмена производимых ею индустриальных продуктов на сырье и пищевые припасы.

„Интересы колоний требуют отдания предпочтения британским фабрикатам, дабы метрополия, являющаяся величайшим в мире импортером с.-х. продуктов, могла, в свою очередь, способствовать развитию колониального производства.

„Целость и неприкосновенность империи требуют, чтобы она удовлетворяла свои потребности по возможности собственными силами.

„Проблема имперского могущества есть проблема имперского хозяйства, и единственным путем, ведущим к целостности линии нашей политической защиты, при гарантии полной свободы управления и экономического развития для всех частей империи, является система взаимного торгового благоприятствования.

„Коротко говоря, все наше будущее, как народа, если мы желаем удержать занимаемые нами сейчас позиции, зависит от того, сумеем ли мы создать большой внутренний рынок, являющийся центром независимой самодовлеющей империи“ [1]).

---

[1]) „Economics of Empire“—статья в сентябрьской книжке „The National Review“ за 1909 г.

Итак, Англия должна была строить свое будущее в расчете на свои колонии. Она должна была замкнуться от всего мира в своей пестрой империи и отсиживаться в ней, если не до скончания века, то, по крайней мере, до наступления в Европе «лучших времен». И так как консерваторы чувствовали себя в седле не очень прочно [1]), то правительство Болдуина решило распустить парламент и пойти на выборы с лозунгом: «Империя и тарифная реформа!».

Но консервативный рецепт спасения был не меньшей утопией, чем либеральный. И это станет совершенно ясным, если мы обратим внимание на то, как английская внешняя торговля распределялась по странам в довоенную эпоху. Вот цифры 1913 года:

	Ввоз.	Вывоз.	Вся внешняя торговля в целом.
Европа	47,2%	44,0%	45,6%
Колонии.	27,7%	38,1%	32,9%
Прочие страны. . . .	25,9%	17,9%	21,5%

Как видим, на долю Европы приходилась львиная часть всего внешнего товарооборота Великобритании, и, разумеется, колониям в ближайшем будущем совершенно не под силу в сколько-нибудь серьезной степени заменить собой Европу. Ясно, таким образом, что весь рецепт консерваторов по существу был не чем иным, как только «пленной мысли раздражением» партии, попавшей в безвыходное положение. И так как вдобавок рабочие боялись вздорожания жизни, как результата введения таможен-

[1]) На выборах 1922 года распределение голосов и мандатов представляло из себя следующую картину:

	Голоса.		Мандаты.	
Консерваторы . . .	5.381.000	(38%)	344	(56%)
Рабочая Партия. . .	4.233.000	(30%)	142	(23%)
Либералы	4.206.000	(30%)	117	(19%)
Прочие.	337.000	(2%)	12	(2%)
	14.158.000	(100%)	615	(100%)

Как видно из этой таблицы, консерваторы имели за собою лишь меньшинство избирателей, и их большинство в парламенте было чисто искусственным продуктом дефектов английской избирательной системы.

ных тарифов, а колонии боялись уничтожающей конкуренции английских продуктов для своей собственной промышленности при осуществлении программы Чемберлена, то декабрьские выборы 1923 года закончились поражением консерваторов. Конечные результаты выборов определились следующим образом:

	Голоса.		Мандаты.	
Консерваторы. . . .	5.360.000	(38%)	258	(42%)
Рабочая Партия . .	4.348.000	(31%)	191	(31%)
Либералы.	4.252.000	(30%)	159	(26%)
Прочие.	227.000	(1%)	7	(1%)
	14.186 000	(100%	615	(100%)

Выборы 1923 года не выявили никаких существенных перемен в настроении избирателей: цифры полученных различными партиями голосов по сравнению с выборами 1922 года обнаружили лишь самое ничтожное колебание. И если соотношение сил в парламенте сейчас представляет иную картину, чем раньше, то это является до известной степени случайностью, вытекающей из несовершенств английского избирательного права. По существу же дело обстоит так: в данный момент английское население разбивается на три приблизительно равносильные устойчивые группировки: консерваторов, либералов и рабочих. Тем самым рушатся основы традиционного британского парламентаризма, в течение двухсот слишком лет базировавшегося на существовании двух партий — консерваторов и либералов, которые поочередно сменяются у власти. Теперь в конституционной жизни Англии наступила новая эпоха, и ее господствующим классам необходимо было найти выход из созданного непредвиденными обстоятельствами положения.

Мы уже видели, что этот выход они нашли в добровольном предоставлении власти Рабочей Партии. Мы знаем также мотивы, которые побудили их к этому шагу (см. стр. 41). Не станем сейчас гадать о дальнейшей судьбе кабинета Макдональда. Остановимся лучше на другом вопросе, на вопросе о том, что означает для английского профессионального движения приход к власти хотя бы этого ручного, насквозь пропитанного соглашательством рабочего правительства.

Если мы захотим дать должную оценку настоящему факту, то должны будем сказать: приход к власти правительства Макдональда знаменует собой громадный рост классового сознания в рядах британских трэд-юнионов. До 1900 года они принципиально отрицали необходимость самостоятельной политической партии для пролетариата и покорно плелись в хвосте английских либералов. На рубеже XX века, умудренные горьким опытом, они признали целесообразность независимого политического представительства рабочих масс, но в течение полутора десятка лет после того еще колебались и сомневались, с величайшим трудом изживая традиции предшествовавшего полустолетия. Только сдвиги, вызванные войной, положили конец этой неуверенности и создали прочный фундамент под существованием Рабочей Партии. Теперь она действительно стала массовой партией британского пролетариата. Вместе с тем она впервые, правда, в довольно туманной форме, определила свои конечные цели, как партии социалистической. Послевоенная эпоха в необычайной степени усилила численную мощь Рабочей Партии и отточила ее классовое самоопределение. Приход к власти даст Партии еще в большей мере почувствовать свою особность от остального буржуазного мира и в конечном счете будет способствовать ее дальнейшему созреванию, как классовой организации пролетариата. Конечно, если мерить британскую Рабочую Партию нашими масштабами, она и сейчас является глубоко оппортунистической, не столько *рабочей* партией, сколько «третьей партией» буржуазии. Но если сравнить нынешнюю Рабочую Партию с Конгрессом трэд-юнионов конца прошлого века, бывшим в то время единственным суррогатом политического представительства пролетариата, то прогресс станет совершенно очевидным.

Каким путем пойдет дальнейшая эволюция Рабочей Партии?

Трудно гадать о будущем, но ряд весьма важных признаков заставляет думать о том, что радикализирование английских трэд-юнионов в области политики пойдет довольно сложным и зигзагообразным путем. Едва ли можно себе представить, чтобы непосредственно после падения правительства Макдональда рабочие массы круто взяли курс влево. Наоборот, гораздо вероят-

нее, что опыт нынешнего «рабочего» кабинета еще не рассеет реформистских иллюзий, которыми переполнен вплоть до настоящего дня британский пролетариат. Уже сейчас Макдональд и К° в об'яснение своего бессилия сделать что-либо существенное для рабочих неизменно указывают на то, что они не располагают в парламенте собственным большинством. Этот аргумент сильно действует на воспитанного в преклонении перед парламентаризмом английского рабочего. И если правительство Макдональда падет, так-таки и не оставив никаких серьезных завоеваний британским пролетариям, последние едва ли поставят ему это в укор. «Что ж,—скажут они,—рабочее правительство не виновато, оно находилось в палате в меньшинстве». И отсюда сделают тот практический вывод, что на ближайших выборах надо дать рабочему правительству собственное рабочее большинство. Вот почему представляется весьма вероятной перспектива дальнейшего усиления в ближайшие годы нынешней реформистской Рабочей Партии. Только когда второе или даже третье правительство английских соглашателей, опирающееся уже на послушную ему палату, не сможет и не захочет вывести пролетариат из условий капиталистического рабства (ибо соглашатели не способны на это по самой своей природе), — только тогда завеса, так долго скрывавшая истину от глаз британского пролетариата, начнет быстро спадать, и он твердым и уверенным шагом пойдет по пути революции.

Таковы общие перспективы. Возвращаясь же более непосредственно к области профессионального движения, приходится констатировать тот громадной важности факт, что политическая партия британского пролетариата возникла почти на 200 лет позднее появления первых трэд-юнионов. Союзы строились и развивались вне всякого влияния классово-политической рабочей партии. В этом кроется одна из главных причин тех организационных, тактических и идеологических дефектов, которыми страдает мир английского профессионального движения.

ГЕРМАНИЯ

Экономика.

Быстрота экономического развития Германии.

Если, как мы видели, темп экономического развития Англии в течение полувека, предшествовавшего войне, отличается сравнительной медленностью, то, наоборот, темп экономического развития Германии за тот же период характеризовался необычайными быстротой и стремительностью. До 1870 г. Германия представляла собой мелко-буржуазную страну с первыми зачатками современного капитализма. На протяжении сорока пяти лет, отделяющих создание Германской Империи от великой катастрофы 1914 г., Германия успела превратиться в одну из величайших капиталистических держав мира, смело бросавшую вызов матери капитализма—Англии. После окончания войны в экономическом развитии Германии наступил новый период: жизненные нервы ее могучего капитализма были подрезаны Версальским договором, он был насильственно обескровлен и начал чахнуть. Вместе с тем страна стала все больше превращаться в колонию Антанты (решения Лондонской межсоюзной конференции 1924 г. поставили официальный штамп на это превращение), а в связи с данным обстоятельством и все хозяйство Германии впало в состояние длительной вялости и оскудения. Однако, немецкое профессиональное движение сложилось и выросло в то блестящее предвоенное полустолетие, которое видело стремительный расцвет немецкой экономики. Поэтому для нас представляет особенный интерес народное хозяйство Германии в период 1870—1914 г.г. А весь этот-то период и прошел под знаком исполински

быстрого развития капитализма, наложившего, как увидим в дальнейшем, неизгладимую печать на физиономию немецкого профессионального движения.

Приведу несколько данных и цифр, характеризующих пережитую Германией в 1870—1914 г.г. эволюцию.

В середине 19 века около ⅔ населения страны были заняты в сельском хозяйстве и лишь ⅓ в промышленности, торговле и других городских профессиях и производствах. А по последней предвоенной переписи 1907 г. в сельском хозяйстве было занято уже только 28,6% населения, остальные 71,4% приходились на долю промышленности, транспорта, торговли и др. недеревенских занятий. Точно также в 1871 г. городское население Германии составляло 36% против 64% сельского. Наоборот, в 1910 г. городское население достигало уже 60%, а сельское упало до 40%. Для полноты картины добавим, что в 1921 г. городское население возросло до 62,5%, а сельское упало до 37,5%.

В 1871 г. добывание угля в Германии исчислялось всего лишь в 38.000.000 тонн, а в 1913 г. оно составляло 274.000.000 тонн, т. е. за 44 года увеличилось на 623%. Выплавка чугуна за тот же период возросла с 1,7 до 16,7 милл. тонн или на 882%. Выплавка стали за период 1880—1913 г.г. возросла с 0,7 до 17,6 милл. тонн или на 2144%. Торговый флот Германии в 1871 г. равнялся 982 т. тонн, а в 1914 г.—уже 5.712.000, что дает увеличение на 485%. Длина железнодорожной сети Германии в 1870 г. составляла 19.575 километров, а в 1913 г. уже 64 тыс. килом. (220%). Внешняя торговля страны, составлявшая в 1872 г. 6 миллиардов марок, возросла в 1913 г. до 20,9 миллиардов марок или на 253%.

Параллельно с развитием капитализма шло также быстрое увеличение числа рабочих и национального богатства страны. Так, за период 1882—1907 г.г. количество пролетариата, занятого в промышленности, горном деле и транспорте, поднялось с 7,2 миллиона до 14,1 милл. или почти вдвое. Равным образом общая сумма национального богатства Германии, определявшаяся в 1872 г. примерно в 70 миллиардов марок, к 1913 г. достигла 350 миллиардов марок, т. е. упятерилась.

Все эти данные, число которых легко можно было бы увеличить, с несомненностью свидетельствуют о том, что в период 1870—1914 г.г. Германия переживала совершенно беспримерный темп экономического развития, шла с бешеной скоростью от одного блестящего капиталистического успеха к другому. И накануне мировой войны она действительно являла собой одну из самых могущественных капиталистических держав на земном шаре. Вот некоторые наиболее яркие тому доказательства.

Высота капиталистич. развития. *Профессиональный состав населения* накануне войны представлял собой следующую картину (данные 1907 г.):

Из общего количества самодеятельного (т. е., имеющего какую-либо самостоятельную профессию) населения было

Занято в сельском и лесном хозяйстве . . .	9.888.000	35,2%
„ в промышленности, горном деле . .	11.256.000	40%
„ в торговле и транспорте	3.478.000	12,4%
„ в свободных профессиях и проч. . . .	1.087.000	3,9%
„ личными услугами	1.265.000	4,5%
Прочие	1.123.000	4%
	28.092.000	100%

Как видим, подавляющее большинство населения накануне мировой войны жило от фабрики, паровоза и прилавка, а не от сельского хозяйства. Это один из вернейших признаков могущества капиталистического развития. В частности в промышленности, транспорте и торговле в Германии были заняты 52% самодеятельного населения против 70% в Англии. Германия, таким образом, несколько уступала Великобритании, но отставала от нее не так уже много.

Соотношение городского и сельского населения в Германии также довольно близко подходило к соответственному соотношению в Англии. Действительно, в 1910 г. из общего количества населения страны в 63 милл. приходилось

на долю городского	37,8 милл.	60%
на долю сельского	25,2 милл.	40%

И здесь совершенно очевиден крупно-капиталистический характер страны.

Сельское хозяйство. В отношении сельского хозяйства Германия представляла собой картину несколько иную, чем Англия. В самом деле, в 1909—1913 г.г. ее посевная площадь под важнейшими злаками (пшеница, рожь, овес, ячмень, картофель, свекловица, табак и виноград) составляла 18,1 милл. гектаров (после Версальского договора осталось только 13,1 милл. гектаров) против 5,7 милл. гектаров в Англии. Однако, реальная роль сельского хозяйства в жизни народного хозяйства Германии станет более ясна, если мы вспомним таблицу, приведенную на стр. 15, где указан размер посевной площади при расчете на одну душу населения. Для большей наглядности мы повторим здесь эту таблицу:

Название страны.	Приходится посевной площади на 1 душу населения.
Англия (1920 г.)	0,12 гектара
Германия (1921 г.)	0,22 „
Франция (1920 г.)	0,33 „
Россия (1909—1913 г.г.)	0,53 „
Соединенные Штаты (1921 г.)	1,04 „

Из этих данных с ясностью вытекает, что Германия в сельско-хозяйственном отношении представляла и представляет одну из наименее развитых стран, что легко об'ясняется ее необыкновенно мощным индустриальным развитием. Но все-таки немецкое сельское хозяйство давало своей стране около 80% всего потребного ей продовольствия, так что ввозить ежегодно приходилось лишь около 20%. Соотношение, сильно отличающееся от того, которое мы знаем в Англии (⅓ своего и ⅔ привозного продовольствия).

Чрезвычайно важна социальная структура германского сельского хозяйства. По переписи 1907 г. насчитывалось:

	Число хозяйств.	Принадлежащ. хоз-вам площадь в %%
до 2 гкт.	3.379.000	5,4
от 2 до 5 гкт.	1.006.000	10,4
от 5 до 20 гкт.	1.065.000	32,7
от 20 до 100 гкт.	262.000	29,3
Свыше 100 гкт.	24.000	22,2
	5.736.000	100%

Из приведенной таблицы вытекает следующее: 76% всех хозяйств с площадью до 5 гкт., т. е. мелких, бедняцких хозяйств, располагали 16% всей площади. Наоборот, 24 тыс. помещиков, т. е. 0,4% всех хозяйств, имели в своем распоряжении свыше 22% всей обрабатываемой площади. В распоряжении хозяйств кулацкого типа было не меньше 30% всей площади, так что помещики совместно с кулаками эксплоатировали более половины всей сельско-хозяйственной площади Германии. Из этого экономического факта проистекали весьма важные политические последствия, с которыми мы столкнемся в дальнейшем изложении.

Уголь и железо. Мы уже знаем, что в 1913 г. сумма добываемого Германией угля достигала 274 милл. тонн. В этом отношении Германия оказывалась на третьем месте в мире (впереди были Соединенные Штаты и Англия). Зато по части выплавки чугуна и стали Германия стояла на втором месте в мире, т. е впереди Англии и непосредственно после Соединенных Штатов. Действительно, в 1913 г. в Германии было выплавлено чугуна 16,7 милл. тонн и стали 16,9 милл. тонн, в то время, как соответственные цифры для Англии были: 9,4 милл. тонн и 7,8 милл. тонн. В послевоенные годы германская тяжелая индустрия сильно пострадала. Так, в 1922 г. в Германии было добыто угля—256 миллионов тонн, чугуна 6,5 и стали 9 милл. тонн. Однако, даже и сейчас Германия по размерам своего угольно-железного производства занимает третье место в мире.

Транспорт. Как уже выше упоминалось, общая длина железнодорожных линий Германии в 1913 г. составляла 64 тыс. клм. Это дает в среднем на 10 тыс. населения 10 клм. рельсового пути против 8,1 клм. в Англии и 4,2 клм. в России.

Что касается торгового флота, то со своими 5,7 милл. тонн водоизместимости Германия перед войной занимала второе место в мире, уступая только Англии. После Версальского договора Германия потеряла почти весь свой коммерческий флот, но затем занялась усиленной покупкой и постройкой новых судов. В 1923 г. водоизместимость ее морского флота составляла уже 2,5 милл. тонн, т. е. немногим меньше половины довоенной. Сей-

час Германия занимает по размерам своего флота шестое место в мире.

Внешняя торговля. В 1913 г. внешняя торговля Германии иллюстрировалась следующими цифрами: ввоз — 10,8 миллиард. марок, вывоз — 10,1 миллиард. марок, а общий оборот — 20,9 миллиард. марок. Торговый баланс Германии, как видим, был несколько пассивен, но эта пассивность с лихвой компенсировалась доходами с вложенных Германией заграницей капиталов. Так что в конечном счете платежный баланс страны отличался несомненной активностью.

В высшей степени характерно было строение внешней торговли Германии. Так, напр., в 1910 г. оно представляло следующую картину:

	Ввоз.	Вывоз.
Сырье	56,9%	25,7%
Пищевые продукты	27,8%	10,1%
Готовые фабрикаты	15,3%	64,2%

Иными словами, ввоз сырья и пищевых продуктов составлял почти 85% всего ввоза, а вывоз готовых фабрикатов—свыше 64% всего вывоза. Картина, характерная для страны высокого капиталистического развития, качественно почти не отличающаяся от аналогичной картины строения внешней торговли Великобритании. О громадной роли внешнего товарооборота для Германии с необыкновенной яркостью свидетельствует приведенная выше (стр. 18) таблица о размерах этого оборота при расчете на душу населения. Напомним, что размеры его для Германии составляли 163 р. зол. в год против 293 руб. для Великобритании и 17—для России.

Из всех приведенных выше фактов явствует с полной очевидностью, что предвоенная Германия была великой капиталистической страной, лишь немногим уступавшей в степени капиталистического развития Англии. Остатки этого былого капиталистического могущества Германия сохраняет еще и по сейчас, несмотря на все превратности судьбы, испытанные ею в последние годы.

Структура германской промышленности. Мы уже знаем, что для формирования профессионального движения очень большое значение имеет структура промышленности. Как обстоит в этом отношении дело в Германии?

В противоположность Англии, являющейся страной среднеконцентрированной промышленности, Германия представляет собой тип страны с сильно концентрированной промышленностью. Данный факт об'яснялся целым рядом обстоятельств. Первое и самое важное из них — это относительная молодость немецкой промышленности: почти вся она создалась после 1870 г. Она строилась уже на основе учета английского опыта и всех тех технических завоеваний, которые были сделаны за 1½ века развития британского капитализма. Вполне естественно поэтому, что немецкие предприниматели, не стесняемые никакими традициями и наследством прошлого, возводили сразу гигантские корпуса, поглощавшие тысячи и десятки тысяч рабочих. Другим обстоятельством, способствовавшим быстрой концентрации немецкой промышленности, была крупная роль банков в ее судьбах: банки финансировали промышленность и позволяли ей всегда стоять на уровне последнего слова техники. Далее, весьма важное значение имело наличие в Германии таможенных тарифов: под защитой этих тарифов создавались могущественные тресты и синдикаты, естественно стремившиеся к концентрации производства. Наконец, известную роль играла и «немецкая психология»: вся обстановка новой Германии, возникшей после 1870 г., воспитывала в массах населения и в первую очередь в рядах буржуазии культ централизма, культ могущественной концентрации сил. Эта идущая, главным образом, из политического мира тенденция находила сильное отражение и в сфере экономики. В конечном итоге выросла гигантская промышленность, построенная по крупно-капиталистическому образцу, где тон задавало многотысячное предприятие, оборудованное наиболее усовершенствованными машинами. Несколько цифр иллюстрируют высказанную мысль.

Согласно промысловой переписи 1907 г., все промышленные предприятия Германии по количеству занятых рабочих распадались на следующие основные группы:

	Предприятия.	Рабочие.	В среднем на 1 предприятие рабочих.
до 5 рабоч.	2.976.000 (91%)	5.236.000 (36%)	1,7
„ 50 „	259.000 (8%)	3.516.000 (24%)	13,6
свыше 50 рабоч.	31.000 (1%)	5.684.000 (40%)	183,4
	3.266.000 (100%)	14.436.000 (100%)	4,4

Таким образом, оказывается, что $^1/_{100}$ всех предприятий с количеством рабочих свыше 50 занимает 40% всего пролетариата, причем в среднем на одно предприятие в этой группе приходится 183 человека. Однако, приведенные средние цифры, касающиеся всех видов и отраслей промышленности, еще не дают достаточно ясного представления о степени концентрированности производства. Гораздо ярче ее иллюстрируют следующие факты. Накануне войны в угольной промышленности Рура имелось всего 42 фирмы, располагавшие 232 шахтами и 358 тыс. рабочих. В среднем это дает на одну фирму свыше 8 тыс. рабочих. Однако, из 42 рурских фирм одиннадцать было особенно крупных, и вот чем они располагали [1]):

	Шахт.	Рабочих.
Фирма Вальдгаузен .	25	44.541
„ Ганиэль	20	42.440
„ Штиннес	26	38.367
Акционерн. О-во в Гельзенкирхене	21	36.609
„ „ в Гарпене	21	27.782
Фирма Функе	20	23.636
Акционерн. О-во Гиберния . .	11	20.400
„ „ Феникс	10	18.707
Фирма Тиссен	5	16.951
„ Крупп	6	12.716
Казна	7	9.563
	171	291.742

Здесь перед нами настоящие капиталистические феодалы, насчитывающие своих подданных десятками тысяч. Аналогичное по-

*) Майский, По рабочей Германии (Петроград, 1918), стр. 133.

ложение наблюдалось и в металлургической промышленности и в области обработки металла, где сплошь да рядом встречались громадные предприятия, занимающие пять, десять, пятнадцать и более тысяч человек. Во главе всех стоял знаменитый Крупп в Эссене, который на своих пушечных заводах и в целом ряде других предприятий командовал армией в 40 тысяч человек. Очень велика была концентрация капитала в области морского транспорта, несколько меньше в текстильной промышленности и в изготовлении химических продуктов. Как бы то ни было, но в предвоенные годы Германия являлась страной наиболее концентрированной промышленности в Западной Европе, далеко превосходя в этом отношении Англию.

Послевоенные годы не только не ослабили, но наоборот еще чрезвычайно усилили этот концентрационный процесс. В борьбе с тяжкими экономическими последствиями Версальского договора немецкие промышленники пришли к организации совершенно чудовищных трестов, об'единяющих под господством одной руки в буквальном смысле слова сотни тысяч рабочих (тресты Стиннеса, Клекнера, Тиссена, Ганиэля и других). Самым крупным из этих замечательных промышленных новообразований, конечно, является трест, созданный ныне покойным Гуго Стиннесом. Он об'единяет уголь, железо, электрическое производство, корабельные верфи в Германии и Швеции, морское и речное судоходство, торговлю, изготовление целлюлозы, выработку бумаги и, наконец,—через бумагу—периодическую прессу. Действительно, тресту Стиннеса фактически принадлежат 60 немецких газет, в том числе известная „Deutsche Allg. Zeitung". В 1921 г. трест Стиннеса охватывал 1.340 различных предприятий с 600 тыс. рабочих и служащих.

По части концентрации производства, куда же дальше?

Прямым последствием громадной концентрированности германской промышленности является необыкновенно мощное развитие предпринимательских об'единений, как экономического, так и боевого характера. В предвоенные годы в стране существовало несколько сот так назыв. «картелей» всех возможных типов и отраслей производства, основной целью которых было взвинчивать цены на продукты промышленности и обдирать в максималь-

ной степени потребителя. По части создания подобных картелей Германия занимала тогда первое место в мире. Не иначе было и с боевыми об'единениями капитала. Так, в 1913 году в стране насчитывалось 3.431 местных, областных и имперских союзов предпринимателей с 145.000 членов. У этих «организованных» заводчиков было занято 4,6 милл. рабочих, т. е. примерно вдвое больше, чем было в то время членов в «свободных» профессиональных союзах. Большая часть союзов предпринимателей была, в свою очередь, об'единена в некую центральную организацию („Verein der deutschen Arbeitgeberverbände"), у членов которой работало свыше 2-х милл. пролетариев. Война и послевоенные годы дали могучий толчок предпринимательскому движению, и в 1922 году мы видим в Германии уже 215 самостоятельных союзов предпринимателей, занимающих около 8 милл. рабочих. Большая часть из них об'единена «Центральным Комитетом предпринимательских союзов», властно направляющим все их действия по отношению к профессиональным союзам.

Важнейшие отрасли производства. По данным промысловой переписи 1907 г. важнейшие отрасли немецкого народного хозяйства по количеству занятых в них лиц (рабочих и нерабочих) располагались следующим образом:

Сельск. и лесн. хозяйство и рыболовство	9.883.000
Металлургия и обработка металлов	2.093.000
Строительная промышленность	1.905.000
Торговля	1.740.000
Горное дело, каменоломни и проч.	1.678.000
Изготовление одежды	1.421.000
Пищевкусовая промышленность	1.128.000
Текстильная промышленность	1.057.000
Транспорт	1.026.000
Деревообделочная промышленность	788.000
Прочие	1.877.000
Всего	24.596.000

Впрочем, с точки зрения развития профессионального движения наибольшего внимания из перечисленных заслуживают:

металлургия и обработка металлов, горное дело, строительное, текстильная и деревообделочная промышленности и, наконец, транспорт.

Географическое размещение промышленности по стране довольно неравномерно. Важнейшим промышленным районом Германии, ее настоящим индустриальным сердцем, является Рурская область, с ее знаменитыми залежами превосходного каменного угля. Далее весьма важную роль играют Саксония, с ее текстильной и металлообрабатывающей промышленностями, Верхняя Силезия с ее угольными копями и Берлин с его машиностроительными и электро-механическими предприятиями. На особом месте стоят Гамбург и Бремен, как центры германской внешней торговли.

Таковы важнейшие данные по экономике Германии, которые необходимы для понимания ее профессионального движения.

Политика.

Государственный строй. Политические условия, в которых приходилось расти и развиваться германскому профессиональному движению, также сильно отличались от политических условий Англии. Великобритания является классической страной буржуазной демократии. Германия, наоборот, вплоть до революции 1918 г. менее всего напоминала демократию. Она представляла совершенно своеобразный государственный тип, занимающий середину между самодержавной Россией на востоке и буржуазно-демократическими Англией и Францией на Западе. Германия предвоенной эпохи, несмотря на буйное развитие своего капитализма, в политическом отношении была *полуавтократией, в которой господствующим классом был класс крупного землевладения, так называемое юнкерство.* В связи с теми данными об экономическом развитии Германии, которые приводились на предыдущих страницах, невольно возникает вопрос: как это могло случиться, что в стране необычайно мощного развития капитализма, где государственная власть, казалось бы, должна была находиться в руках буржуазии, она фактически находилась в руках небольшой группы помещиков? Как это могло случиться, что политические формы страны, всем характером своей социальной структуры как бы предназначенной быть ярким воплощением буржуазной демократии, на самом деле были глубоко пропитаны духом старо-феодального абсолютизма?

Юнкерство и буржуазия. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо иметь в виду некоторые особенности исторического прошлого Германии. С самого начала 19 столетия основной, наиболее жгучей и неотложной потребностью страны

было ее национально-политическое об'единение. Интересы развивающегося капитализма властно требовали ликвидации той государственной раздробленности Германии, которая в первой половине прошлого столетия обусловливала существование четырех десятков самостоятельных немецких государств. Развивающийся капитализм нуждался в большом внутреннем рынке, в едином сильном государстве, которое могло бы облегчить его укрепление в пределах своей страны и отвоевать для него выгодные позиции на международной арене. Вот почему вплоть до 1848 г. все общественно-революционные движения различных слоев немецкой буржуазии были ярко окрашены в национальные цвета. В 1848 г немецкая буржуазия попыталась осуществить своими силами столь необходимое стране национально-государственное об'единение, но потерпела в этом отношении жестокую неудачу. Буржуазия оказалась еще слишком слабой и неопытной, феодальное дворянство еще слишком сильным и партикуляристским, — в результате из революции 1848 г. Германия вышла почти столь же раздробленной, какой она была и до тех пор. Тем самым политическому авторитету буржуазии был нанесен очень тяжелый удар.

Однако, тенденции капиталистического развития продолжали действовать. Потребность в об'единении становилась все сильней, захватывая все новые и новые слои населения. К началу 60-х годов прошлого столетия эта потребность стала явственно ощущаться даже более передовой частью феодального дворянства, успевшего к этому времени уже в значительной степени втянуться в процессы капиталистического товарооборота. И вот прусское юнкерство под главенством князя Бисмарка взялось за разрешение той же задачи, которую ставили себе буржуазные демократы 1848 г., — за создание единой Германии. В соответствии с своей социальной и политической сущностью, юнкерство осуществляло и, в конце концов, осуществило об'единение страны иными путями и в иных формах, чем это рисовалось буржуазным революционерам середины прошлого века. Единая Германия была создана не снизу, в порядке демократического волеиз'явления широких масс населения, а сверху в порядке «крови и железа», собравших

обильную жатву в трех войнах — 1864 (с Данией), 1866 (с Австрией) и 1870—71 г.г. (с Францией). Ее политические формы также имели мало общего с чертежами буржуазных демократов Запада: единая Германия носила не республиканский и даже не парламентарно-монархический, а полу-абсолютистский императорский костюм. Но как бы то ни было, юнкерство разрешило важнейшую задачу, выдвинутую в тот период перед Германией ходом исторического развития. Это подняло политический авторитет его в глазах немецкой буржуазии и, даже шире, в глазах всего немецкого народа, на совершенно беспримерную высоту. Создалось всеобщее представление, что юнкерство как бы самой судьбой предназначено для руководства политическими делами страны, что оно обладает особыми государственными и военными талантами. Конечно, в процессе дальнейшего развития буржуазия несомненно попыталась бы занять роль «первенствующего сословия» в государстве, но для этого необходима была борьба с юнкерством. Пожалуй, у буржуазии нашлись бы для этого даже достаточные силы. Беда была только в том, что за спиной растущей германской буржуазии, как зловещая тень, все грознее подымался растущий германский пролетариат. Буржуазия оказалась между юнкерством и пролетариатом. И она избрала «благую часть»: она пошла вместе с юнкерством, удовлетворившись ролью второй скрипки в политическом оркестре. В результате сложилось своеобразное разделение труда между двумя господствующими классами Германии: крупное землевладение держало в своих руках аппарат политической, буржуазия — аппарат экономической власти. Конечно, оба класса друг друга поддерживали и делали друг другу в необходимых случаях известные уступки, например, в налоговой области, в сфере таможенной политики и т. п. Однако, в общем и целом данное соотношение сил сохранялось в полной неприкосновенности до 1914 г., почти даже до самой революции 9 ноября.

Полуабсолютизм Германской Империи. Выросший в таких условиях государственный строй предвоенной Германии отличался целым рядом весьма своеобразных черт. Во главе страны стоял император германский (он же прусский король), располагавший весьма широкими полномочиями. Император был главнокомандующим всеми вооруженными силами страны, имел право самостоятельного об'явления войны и заключения международных договоров, назначал ответственное только перед ним правительство и в последней инстанции направлял всю внутреннюю и внешнюю политику государства. Рейхстаг (парламент), состоявший из 397 депутатов, выбирался, правда, с помощью всеобщего, равного, прямого и тайного голосования мужчин, но, во-первых, благодаря особому делению страны на избирательные округа, он являлся довольно кривым зеркалом для господствующих среди широких масс настроений, а, во-вторых, он был по существу совершенно бесправен. Правительство не им формировалось и перед ним не было ответственно, а это означало, что рейхстаг может влиять на его работу лишь косвенно, путем запросов, путем критики, путем бюджетного давления. Так как, однако, благодаря только что упомянутой избирательной геометрии большинство в рейхстаге было обеспечено правым партиям, то и это косвенное влияние на правительство использовывалось лишь крайне недостаточно и нерегулярно. Вдобавок германской конституцией предусмотрено было еще одно учреждение — государственный совет (рейхсрат), составленный из представителей правительств отдельных немецких государств, входивших в германскую империю. Этот государственный совет, бывший чисто-бюрократическим учреждением, играл роль второй палаты, согласие которой требовалось по всем законам и мероприятиям, принимаемым рейхстагом. Тем самым удельный вес последнего еще более понижался.

На этом дело, однако, не кончалось. Германская империя представляла собой федерацию, в состав которой входили 26 государств, обладавшие очень большой долей автономии в своих внутренних делах. Политическое устройство названных государств являло собой весьма пеструю картину, но все-таки 23 го-

сударства из 26 были монархиями и притом, большей частью, довольно реакционного свойства. Только вольные города Гамбург, Бремен и Любек имели республиканскую форму правления. Самое скверное, однако, было то, что крупнейшее из союзных государств, Пруссия, насчитывавшая 40 милл. жителей из общего количества 65 и оказывавшая, поэтому, громадное влияние на всю жизнь германской федерации, управлялась наиболее черносотенными элементами юнкерства и имела наиболее отсталые политические учреждения. Достаточно сказать, что избирательное право в прусский парламент (ландтаг) было хуже, чем избирательное право в нашу государственную думу. Германский партикуляризм, сильно окрашенный в реакционно-прусские цвета, являлся еще одним — и очень крупным — тормозом для реализации тех небольших запасов демократических возможностей, которые заключались в факте существования рейхстага. Всякое доброе намерение рейхстага, овеществленное им в форме того или иного закона, легко могло разбиться и, действительно, очень часто разбивалось на практике благодаря явному или скрытому саботажу, с которым оно встречалось правительствами отдельных немецких государств.

В довершение всего предвоенная Германия была страной необыкновенно мощного развития милитаризма. Большая постоянная армия являлась здесь традицией с незапамятных времен. Первый прусский король Фридрих Вильгельм I (1713—1741 г.г.) был так экономен, что его дети нередко вставали полуголодными из-за стола, но зато, насчитывая всего 2¼ милл. подданных, он ухитрялся содержать постоянную армию в 80 тыс. человек. Его наследники продолжали ту же политику, а после 1870 г. об'единенная Германия со всем пылом бросилась в горячку вооружений. Так в 1875 г. численность германской армии равнялась 402 тыс., а в 1913 г. она поднялась уже до 791 тыс. или почти вдвое. Данный факт имел чрезвычайно важные политические последствия. Мы видели, как отсутствие большой постоянной армии вынуждало английскую буржуазию к политике компромисса в отношении народных масс. Наличие большой постоянной армии в Германии естественно создавало базу для совсем иной политики господ-

ствующих классов по отношению к трудящимся,—для политики кулака и голого насилия. Сверх того, чрезвычайное могущество военщины в государственном аппарате и в придворных кругах накладывало ярко-реакционный отпечаток на все вообще стороны немецкой жизни.

При таких условиях нисколько неудивительно, что мера гражданских свобод, отпущенных немецкому населению его господами, была очень ограничена. Здесь не было ничего похожего на те широкие демократические вольности, которые составляли такую характерную черту Англии. Свобода слова и печати, свобода собраний и союзов, право стачек, неприкосновенность личности —все это в предвоенной Германии было сильно ограничено. Так, напр., уличные манифестации рабочих, как общее правило, были запрещены. Политические об'единения пролетариата подвергались различным мелким преследованиям, сильно тормозившим их нормальную работу. Партийные собрания были поставлены под придирчивый контроль полиции, которая, пользуясь малейшим поводом, их распускала. Дело доходило до того, что немецким социал-демократам, официально пользовавшимся перед войной всеми благами легальности, приходилось устраивать свои собрания где-нибудь за городом, в лесу, под покровом ночной тайны. Социал-демократическая пресса существовала и пользовалась большим влиянием, но ее редакторы не переставали наполнять немецкие тюрьмы. Стачки устраивались, но нередко их финалом бывали весьма жестокие судебные процессы. Так, после большой борьбы рабочих в 1912 г. в Рурской области, во время которой весь угольный район был наводнен полицией и войсками, несколько тысяч забастовщиков были привлечены к суду по обвинению в «терроризировании» штрейхбрехеров и на многие годы брошены в тюрьмы. Да, мера гражданской свободы, которой пользовались широкие массы германского населения, была крайне минимальна. И рабочее движение постоянно чувствовало, что оно только поневоле терпится властями, готовыми в любой момент его окончательно раздавить. А эпоха исключительного закона против социалистов (1878—90 г.г.), которая загнала социал-демократию, а отчасти и профессиональ-

ные союзы в подполье и которую хорошо помнили еще в начале XX века, давала достаточно яркую иллюстрацию того, как государственная власть расправляется со своими пролетарскими врагами. Не подлежит сомнению, что данное обстоятельство оказало сильнейшее влияние на дух и характер германского профессионального движения.

Еще один момент в политическом механизме Германии заслуживает быть отмеченным. Это сильно развитой централизм. Правда, как мы знаем, предвоенная Германия распадалась на 26 автономных государств. Однако, внутри каждого из этих государств политический механизм строился весьма централистически. И даже в обще-германском масштабе идеи централизма находили себе очень яркое и все усиливающееся отражение. Вооруженные силы, транспорт, экономика в германской империи представляли весьма централизованный аппарат. Эта централизация достигалась тем легче и полнее, что Пруссия фактически являлась решающей силой в Федерации. Прусская государственная машина была образцом централизации, но она постепенно протягивала свои щупальцы все дальше за пределы своей территории, втягивая в свой кругооборот другие более мелкие государственные образования. Так рос и укреплялся общий германский централизм. В дальнейшем мы не раз встретимся с влиянием этих государственно-централизаторских тенденций и в мире профессионального движения. Здесь Германия резко отличалась от Англии, где вплоть до настоящего дня такую крупную роль играет *местный* элемент. Она отличалась также от нее и в своем отношении к прошлому, к традициям. Германия никогда не знала того почти мистического культа традиций, которым до сих пор живет Великобритания. В жизни предвоенной Германии вообще было мало места для какой бы то ни было мистики. Вся она была проникнута духом чистейшего рационализма. Вся она строилась по принципу наибольшей целесообразности и практической полезности. Вот почему, как увидим ниже, немецким рабочим удалось с гораздо большей легкостью, чем их английским собратьям, найти наиболее правильные формы профессионально-союзной архитектуры.

Германская республика. Революция 1918 г., превратившая Германию из монархии в республику, внесла очень существенные перемены в государственный строй страны. Послевоенная Германия — это формально почти полный идеал буржуазной демократии с выборным президентом, всеобщим избирательным правом для мужчин и женщин, ответственным перед парламентом правительством, референдумом и инициативой. По такому самоновейшему демократическому образцу сейчас построена не только федеральная власть, но и местная власть в каждом из союзных немецких государств, число которых с 26 сократилось до 18. Равным образом сильно увеличилась формально мера гражданских свобод, отпущенных немецкому населению. Однако, с интересующей нас точки зрения данное обстоятельство не имеет особенно большого значения. Во-первых, потому, что германское профессиональное движение, как тип, сложилось до 1918 г., а, во-вторых, потому, что даже и ныне господство демократии в Германии является больше формальным, чем фактическим. Степень демократичности государственного строя определяется ведь не его отношением к своим друзьям, а его отношением к своим врагам. И если вспомнить о тех жестоких преследованиях, которым в доброй республике г. Эберта подвергается коммунистическая партия, то станет совершенно ясно, что о господстве демократии в нынешней Германии приходится говорить лишь в очень относительном и условном смысле.

Политические партии. В отличие от Англии, где в течение свыше двух веков существовали только две больших политических партий, Германия представляет собой страну чрезвычайного дробления политических сил. Так, на выборах 1924 г. выступало целых 23 партии. Однако, если отвлечься от мелких, мало-влиятельных группировок, существовавших как до, так и после революции 1918 г., в Германии можно насчитать не менее полудюжины серьезных политических партий. Перед революцией это были: консерваторы, свободные консерваторы, национал-либералы, прогрессисты, центр и социал-демократы. После революции это есть: националисты, народная партия, демократы, центр, баварская народная партия, социал-демократы и комму-

нисты. Каковы же важнейшие отличительные черты основных политических группировок Германии?

Буржуазные партии.

Начнем с крайнего правого фланга.

Националисты это бывшие консерваторы и свободные консерваторы, лишь пополненные некоторым количеством антисемитов, христианских социалистов, правых национал-либералов и других реакционных элементов. Социальную базу партии составляет прусское юнкерство, поддерживаемое деревенскими кулаками, офицерством и частью чиновничеством. Националисты, самые откровенные монархисты, мечтающие о восстановлении династии Гогенцоллернов и того старо-прусского режима, который пропитывал собой всю жизнь предвоенной Германии. В области экономической они безусловно стоят на почве частной собственности, требуют мер по охране крупного землевладения и с бешеной ненавистью борются против социализма. По их мнению, отношения между рабочими и предпринимателями должны регулироваться не классовой борьбой, а «патриархальным единением» между теми и другими. Националисты всемерно поддерживают власть церкви, поют панегирики старой семье домостроевского типа и не скрывают острого антисемитизма. В области внешней политики они являются противниками Версальского мира и сторонниками разрыва с Антантой. На рабочее движение ни националисты, ни их предшественники консерваторы никогда не имели сколько-нибудь значительного влияния.

Народная партия — это перелицованные национал-либералы, к которым присоединились более правые элементы бывших прогрессистов. Народная партия — представительница крупного германского капитала, особенно тяжелой индустрии. Огромную роль в ней играл покойный Стиннес. В политике народная партия высказывается за монархию, но в отличие от националистов расчитывает на конституционные пути для ее достижения. В экономике она твердо стоит на принципе частной собственности и ведет решительную борьбу с социализмом, проповедуя социальный мир в отношениях между рабочими и предпринимателями. В области международных отношений народная партия стоит за

политику выполнения Версальского мира и стремится к соглашению с французским капиталом, что ей отчасти уже и удалось достигнуть. На рабочее движение и эта партия никогда не оказывала почти никакого влияния.

Демократы являются наследниками бывших прогрессистов. Это левое крыло либерализма, опирающееся главным образом на легкую индустрию, на интеллигенцию, на среднюю и мелкую городскую буржуазию. По своим стремлениям и программе демократы стоят значительно левее народной партии. В области политики они являются чистыми республиканцами и даже высказываются (по крайней мере, на бумаге) за создание милиционной армии. В экономике они стоят на почве частной собственности, однако допускают ограничение свободы частных монополий и даже национализацию общественно-необходимых предприятий. Точно также они считают желательным выкуп «по справедливой оценке» помещичьих земель и раздел их на мелкие участки для увеличения и укрепления крестьянства. В области международных отношений, демократы являются сторонниками выполнения Версальского мира, но стремятся к его пересмотру с помощью Лиги Наций. Характернейшей чертой партии является ее беспозвоночность: нынешние демократы в массе своей относятся к категории политических болтунов, которые не скупятся на громкие слова, а на деле бледнеют при необходимости сделать хоть самый маленький шаг вперед. Демократы, вернее их предшественники прогрессисты в прежние десятилетия пользовались известной популярностью среди рабочих и, как увидим ниже, оставили свой след в истории профессионального движения. Кое-какое влияние они имеют и сейчас.

Центр представляет собой несколько своеобразное явление в мире политических партий Германии: он построен не столько на социальной, сколько на религиозной основе. Центр, возникший в 1870 г., олицетворяет собой католицизм в политике. По социальному составу это, главным образом, партия католической мелкой буржуазии, при том по преимуществу сельской и мелкогородской. Впрочем, к нему примыкают и известные круги католической средней и крупной буржуазии. В политике центр до

1918 г. был сторонником монархии, сейчас — он исповедует республиканские убеждения. В области экономики центр при энергичном выдвигании принципа частной собственности ставит своей особой задачей поддержку крестьянского хозяйства, ремесла и всего вообще «среднего сословия». Он решительно выступает за «справедливое распределение налоговых тяжестей» и находит необходимым особенно сильное обложение крупного капитала. В области международных отношений центр стоит за выполнение Версальского договора, но требует создания подлинной Лиги Наций и полного равноправия народов в мировой экономической конкуренции. Центр в прошлом играл очень видную роль в германском рабочем движении, он сохраняет за собой сильные позиции в мире пролетариата и сейчас.

Баварская Народная Партия является частью центра, выделившейся из него в январе 1920 г. Причиной выделения явился рост сепаратизма в отдельных немецких государствах, отчетливо обнаруживавшийся в послевоенные годы. Баварская Народная Партия опирается, главным образом, на баварское крестьянство и городскую мелкую буржуазию. По общему своему миросозерцанию она мало чем отличается от центра, лишь резче подчеркивая баварско-сепаратистский момент. На рабочее движение Баварии имеет несомненно довольно сильное влияние.

Социал-демократия. Крайний левый фланг немецкой общественности в предвоенные годы занимала социал-демократия. Так как эта партия играла совершенно исключительную роль в истории германского рабочего движения, в частности, профессионального движения, то на характеристике ее нам придется остановиться более внимательно.

Прежде всего несколько важнейших данных из истории социал-демократии. При своем образовании она имела два истока. Один — это основанный в 1863 г. Фердинандом Лассалем «Всеобщий Германский Рабочий Союз», ставивший себе целью социалистическое преобразование общества с помощью захвата политической власти пролетариатом. Однако, захват этот мыслился Лассалем не столько в форме революции, сколько в форме постепенного завоевания рабочим классом большинства в предста-

вительных учреждениях страны, для чего необходимо было введение всеобщего избирательного права. Поэтому главная агитация Лассаля заострялась как раз на требовании такого избирательного права. Второй исток германской социал-демократии— это основанная в 1869 г. Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом «Социал-Демократическая Рабочая Партия», стоявшая на базе марксистского мировоззрения. Обе фракции германского социализма в течение ряда лет вели между собой ожесточенную борьбу и только в 1875 году на конгрессе в Готе пришли, в конце концов, к об'единению, образовав «Социалистическую Рабочую Партию Германии» с программой, представлявшей известный компромисс между марксистскими и лассальянскими взглядами. В 1878 г. на партию обрушился тяжелый удар: Бисмарком был проведен так называемый «исключительный закон против социалистов», ставивший партию в нелегальное положение. Закон этот продержался двенадцать лет, но не смог убить социалистического рабочего движения. Наоборот, под грозой правительственных репрессий германская социал-демократия получила недостававшую ей революционную закалку и сложилась в действительно массовую политическую партию пролетариата. В 1890 г. «исключительный закон против социалистов» пал, и германская социал-демократия вступила на широкую дорогу легального развития, обнаружив необычайно быстрый количественный рост. К началу XX столетия она превратилась в крупнейшую политическую силу предвоенной Германии. На выборах в рейхстаг в 1871 г. обе фракции социал-демократии получили 124 тыс. голосов, на выборах 1877 г.—493 тыс., на выборах 1890 г.—последних выборах под действием исключительного закона—1.427 тыс. голосов и на выборах 1912 г.—последних выборах перед войной—4.250 тыс. Этими цифрами измеряются этапы развития германской социал-демократии в предвоенную эпоху.

Впрочем, партию германского пролетариата характеризовал не только ее стремительный количественный рост, но также и ясность ее классовой позиции и выдержанность ее социалистической идеологии. Если готская программа 1875 г. представляла собой еще некоторый компромисс между марксизмом и лассальян-

ством, то принятая партией на конгрессе в Эрфурте в 1891 г. новая, так называемая «Эрфуртская программа», принадлежавшая перу Каутского, была уже чисто марксистской программой.

В течение 90-х годов пр. столетия в рядах германской партии обнаружился явно реформистский уклон в лице Эдуарда Бернштейна и его сторонников, пытавшихся произвести «ревизию» (пересмотр) взглядов Маркса. Однако, большинство партии с Бебелем, Каутским и Вильгельмом Либкнехтом во главе решительно выступили против Э. Бернштейна, и на Дрезденском конгрессе социал-демократии в 1903 г. революционный марксизм (по крайней мере, на словах) одержал над ревизионизмом полную победу. Впрочем, справедливость требует сказать, что дрезденская победа была последней победой левого крыла германской социал-демократии. В последующие годы партия под влиянием целого ряда причин, на которых мы здесь не можем останавливаться, все больше подвергалась оппортунистическому перерождению, с ослепительной яркостью выявившемуся в момент об'явления мировой войны. Как известно, германская социал-демократия в этот полный величайшего исторического значения момент повернулась спиной ко всему своему революционному прошлому и открыто протянула руку буржуазии, заключив с ней «гражданский мир» в целях повышения обороноспособности страны. С 4 августа 1914 г. (день первого голосования социал-демократии в рейхстаге за военные кредиты) политическая партия германского пролетариата быстро покатилась по наклонной плоскости вниз. В эпоху мировой войны она своим влиянием обеспечивала германскому империализму надежный тыл в рабочих кварталах; в бурные дни германской революции она не без успеха стремилась к введению мощного пролетарского движения в рамки скромной буржуазной легальности; в дальнейшем она жестоко усмирила восстание революционной части германского пролетариата, спасши тем самым основы капиталистического режима; наконец, в послевоенные годы она неизменно поддерживала господство буржуазии, прямо или косвенно участвуя во власти, и с усердием, достойным лучшей участи, бешено боролась против коммунистических влияний. Осенью 1923 г. в дни рабочих правительств в Саксонии

и Тюрингии социал-демократия дошла до последних ступеней падения, совместно с генералом Сектом расстреливая революционных рабочих на гамбургских баррикадах.

В области профессионального движения роль социал-демократии громадна. Под ее непосредственным влиянием в 60-х годах прошлого столетия возникли первые немецкие профессиональные союзы. В течение всего последующего полустолетия социал-демократия неизменно стояла у руля профессионального движения, давая ему идеологию, снабжая работниками, вырабатывая наиболее совершенные формы организации и тактики. Можно с полным правом утверждать, что германское профессиональное движение является детищем германской социал-демократии. Так было до войны,—так в значительной степени остается и вплоть до настоящего времени. Какое влияние данный факт имел на судьбы профессионального движения, увидим ниже.

Коммунисты. Наконец, еще одной крупной политической партией, которой предстоит сыграть исполинскую роль в будущем, являются *коммунисты*. Корни этой партии уходят еще в предвоенные годы. Именно тогда (в 1910—14 г.г.) в старой социал-демократической партии под руководством Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Клары Цеткин, Франца Меринга и некоторых других образовалась левая группа, поведшая решительную борьбу с реформизмом. После начала войны, когда большинство социал-демократии открыто вступило на путь национализма, эта группа сделала попытку в апреле 1915 г. выпустить журнал «Интернационал». Выпустить, однако, удалось только один номер. В 1915—16 г.г. представители левой группы участвовали на международных конференциях в Циммервальде и Кинтале, которые можно считать зародышем III Интернационала. Около этого же времени левая группа оформилась как «Союз Спартака» (по имени вождя восставших рабов древности) и начала энергичную анти-военную агитацию — устную и печатную. Власти усиленно преследовали спартаковцев, сажали их вождей в тюрьму, но движение постепенно ширилось и росло. Германская революция открыла перед спартаковцами широкие возможности: они стали во главе революционной части германского пролетариата

и выдвинули требование осуществления в Германии диктатуры пролетариата. Карл Либкнехт и Роза Люксембург стояли во главе берлинского восстания рабочих в январе 1919 г. За несколько дней перед тем, в конце декабря 1918 г., спартаковцы основали «Коммунистическую Партию Германии». В 1919—20 г.г. немецкие коммунисты, несмотря на разгром революции и все усиливающуюся буржуазную реакцию, вели усиленную работу по организации коммунистической партии и укреплению ее влияния в массах. В декабре 1920 г. они слились с левой частью «независимой социал-демократии», признавшей принципы III Интернационала. В последующие годы «Коммунистическая партия Германии» переживала ряд внутренних кризисов, вызванных процессом естественной консолидации в ее рядах, и одновременно все решительнее завоевывала симпатии широких кругов пролетариата. Постепенно она превратилась в крупную политическую силу, выступающую грозным конкурентом социал-демократии.

В области профессионального движения коммунисты придерживаются следующей основной линии: ведя борьбу не на живот, а на смерть с засилием реформистской бюрократии в профессиональных организациях, они, однако, решительно высказываются против раскола нынешних профессиональных союзов и образования новых профессиональных союзов коммунистического направления. Наоборот, коммунисты стремятся к завоеванию изнутри реформистских профессиональных союзов. Вместе с тем в процессе борьбы с реакционной верхушкой профессионального движения, держащей в своих руках весь его могущественный организационый, административный и агитационный аппарат, коммунисты обращали и обращают особенное внимание на укрепление и использование фабрично-заводских комитетов, как низовой опоры в своем поединке с пережившими себя вождями германского профессионального движения. Справедливость требует сказать, что данная линия не всегда выдерживалась коммунистами достаточно четко и последовательно, однако, чем ближе к настоящему времени, тем определеннее в своей тактике по отношению к профессиональным союзам они руководятся указанными выше принципами.

Соотношение сил и тенденции развития. Таковы важнейшие политические партии Германии. Об их нынешней силе и значении можно лучше всего судить по данным последних выборов в рейхстаг, происходивших в мае 1924 г. На этих выборах поданные голоса распределились следующим образом:

Националисты с примыкающими к ним партиями (тевтонская партия, союз аграриев и др.)	8.570.000 (30%)
Народная Партия	2.642.000 (10%)
Демократы	1.657.000 (6%)
Центр	3.400.000 (12%)
Баварская Народная Партия	1.142.000 (4%)
Социал-демократы	6.210.000 (22%)
Коммунисты	3.712.000 (13%)
Прочие партии	1.000.000 (3%)
	28.341.000 (100%)

Отсюда ясно, что наиболее сильную партию представляют националисты, за ними следуют социал-демократы и на третьем месте стоят коммунисты. Значительную величину представляет центр и уже гораздо меньшую величину либералы, правого и левого толка (народная партия и демократы). Если же разбить все наличные партии Германии на три основные группы: правая, левая и центр, то получится следующая картина:

Правая (националисты и проч.)	8.578.000 (30%)
Центр (народная партия, демократы, центр, баварская народн. парт. и социал-демократы).	15.051.000 (54%)
Левая (коммунисты)	3.712.000 (13%)

Как видим, средние партии об'единяют несколько больше половины всех германских избирателей, а правый фланг в два с лишним раза превосходит левый. Для правильной оценки существующего политического положения важно, однако, не только нынешнее положение, но и намечающаяся тенденция развития. Тенденция же эта такова:

Средние партии имели голосов: в 1919 г.—88%, в 1920 г.—80% и в 1924 г.—54%.

Правая имела голосов: в 1919 г.—10%, в 1920 г.—15% и в 1924 г.—30%.

Левая имела голосов: в 1919 г.—20 (коммунисты не участвовали в выборах 1919 г. в Национальное Собрание), в 1920 г.—2% и в 1924 г.—13%.

Итак, средние партии с стремительной быстротой теряют своих сторонников, а оба крайние фланга не менее стремительно растут. При этом темп роста левого фланга примерно в шесть с лишним раз превышает темп роста правого фланга. Итоги послевоенного политического развития Германии, таким образом, указывали до сих пор не на ослабление, а на усиление классовых противоречий. Стрелка исторического барометра, очевидно, довольно быстро передвигается в сторону бури.

На этом можно покончить с областью политических отношений Германии. Перейдем теперь непосредственно к профессиональному движению.

Профессиональное движение.

1. Организационная структура.

Немногочисленность германских союзов. Когда начинаешь сравнивать мир германского профессионального движения с миром английского трэд-юнионизма, то прежде всего невольно обращаешь внимание на крайнюю немногочисленность немецких профессиональных союзов. Мы знаем, что в Великобритании насчитывается свыше 1.000 самостоятельных профессиональных организаций, из которых, примерно, 200 являются крупными и влиятельными единицами. Совсем иную картину встречаем мы в Германии. Так, в 1921 г. здесь имелись налицо следующие профессиональные организации:

	Число союзов.	Число членов.	В среднем на 1 союз приходится членов.
Свободные союзы	49	7.568.000	154.000
Христианск. союзы	19	986.000	52.000
Гиршдункеровск. союзы	19	225.000	12.000
	87[1]	8.779.000	101.000

[1]) Указанные союзы, впрочем, не исчерпывают собой всего профдвижения Германии. Сверх того, можно отметить еще следующие группы: а) „Унион работников физического и умственного труда", возникший в 1919 г. среди горнорабочих Рейнской области и слившийся впоследствии с родственными организациями сельско-хозяйственных и умственных работников. Этот „Унион", насчитывающий около 160.000 чл., первоначально был настроен лево-коммунистически и долгое время настаивал на полном разрушении „свободных" союзов. Теперь он примыкает к Профинтерну и работает

Политическое дробление. В пояснение приведенной таблицы необходимо сделать несколько замечаний. Прежде всего относительно дробления германского профессионального движения на три группы. Из предыдущего мы уже знаем, что социал-демократия стояла у колыбели первых немецких профессиональных союзов. И не только социал-демократия. В начале 60-х г.г. прошлого столетия, когда широкие массы пролетариата еще шли за либеральной партией, последняя способствовала созданию сначала рабочих образовательных ферейнов (союзов), а затем и профессиональных организаций, построенных по образцу английских трэд-юнионов. Известные либеральные вожди той эпохи Гирш и Дункер в 1869 г. положили основание либеральным профессиональным союзам, находившимся всецело под идеологическим влиянием буржуазии. Значительно позднее к организации своих профессиональных союзов приступил и католический центр, боявшийся массового отхода к социал-демократии более отсталых рабочих слоев в западной и южной Германии. Как видим, здесь, в противоположность Англии, политические партии принимали активное участие в создании и развитии профессионального движения, и это наложило на него особый отпечаток: профессиональное движение с самого начала было расколото на группы по политическому признаку. Роль политического момента в германском профессиональном движении заходила так далеко, что в годы, когда шла жестокая борьба между лассальянцами и марксистами, даже профессиональные союзы,

---

в тесном контакте с компартией. б) „Свободный Рабочий Унион" анархо-синдикалистского направления, имеющий 20—25 тыс. чл. Он играет крайне реакционную роль, резко нападая на российскую революцию и стремясь сорвать работу Профинтерна. „Свободный Унион" хочет создать вместо Профинтерна свой собственный анархо-синдикалистский Интернационал.

Кроме того, необходимо особо указать на необыкновенно мощное развитие в послевоенные годы различных союзов служащих. На первом месте среди них стоит „Allgemeiner Freier Angestelltenbund" (Всеобщее Своб. Об'единение Служащих), насчитывающее около 800.000 чл. Оно примыкает к „свободным" союзам и играет большую роль в герм. профдвижении. Имеются также крупные об'единения служащих христианского и либерального направлений.

примыкающие к социалистическому движению, делились на два лагеря: одни были с лассальянцами, другие с марксистами.

В чем же состоит разница между различными группами германских профессиональных союзов?

Отнюдь не в формах организационного строительства. Как увидим ниже, формы эти у профессиональных союзов всех направлений совершенно одинаковы. Разница между различными группами профессиональных союзов выражается, главным образом, в их политической идеологии и в вытекающих отсюда методах действия.

Свободные, то-есть примыкающие к социал-демократии профессиональные союзы в предвоенные годы стояли на точке зрения классовой борьбы и исповедывали принципы марксизма. Все их работники вербовались из рядов социал-демократии, и влияние последней в них было всемогущим. В послевоенные годы, в связи с разложением социал-демократии, изменилась и физиономия свободных профессиональных союзов. Правда, на словах они попрежнему клянутся именем классовой борьбы и социализма, но на практике все больше превращаются в социал-реформаторские организации, по духу и настроениям довольно близко подходящие к английским трэд-юнионам. Впрочем, я не стану здесь слишком подробно останавливаться на характеристике физиономии свободных союзов, так как этому будут посвящены дальнейшие страницы.

Либеральные союзы с самого начала отрицали принцип классовой борьбы и подчеркивали свою формальную независимость от политических партий. На этой точке зрения они продолжают стоять вплоть до настоящего дня. Так, в программе, принятой с'ездом гиршдункеровских союзов в 1919 г., между прочим говорится, что они

„становятся на почву новообразованной республиканской государственности и готовы, отрицая всякого рода диктатуру и насилие, сотрудничать в деле планомерного строительства этой государственной формы... Соблюдая полнейшую терпимость в религиозных и партийно-политических вопросах, немецкие профессиональные ферейны стремятся поднять рабочих к духовной свободе, повышенной экономической мощи, развитому чувству ответственности, в качестве

равноправных граждан, и максимальному благосостоянию. От свободных профессиональных союзов немецкие профессиональные ферейны отличаются своей независимостью в партийно-политическом смысле и своим отрицанием социал-демократической идеи классовой борьбы. Они отличаются от христианских профессиональных союзов своим принципом неизменной религиозной нейтральности. Они отличаются от желтых об'единений признанием того, что предприниматели, с одной стороны, и рабочие, с другой, должны организовываться отдельно друг от друга в особых об'единениях. Немецкие профессиональные ферейны держатся того взгляда, что рабочее движение должно опираться на великие идеалы нашего времени, пробуждение которых в каждом рабочем является долгом организации. В силу этого выступают за: 1) национальный идеал, 2) социальную справедливость в обществе и защиту слабых против сильных, 3) духовную и политическую свободу и самоуправление и 4) нравственное воспитание и возвышение отдельного индивидуума к радостному и полезному сотрудничеству с обществом [1]).

Вся эта не слишком вразумительная программа прикрывает собой ту простую практическую истину, что гиршдункеровские союзы не хотят революции и социализма, а стремятся лишь к частичным улучшениям в рамках капиталистического общества, и что свою главную задачу они усматривают в развитии широкой взаимопомощи и всемерном уклонении от методов стачечной борьбы. Последнее им не всегда удается (обстоятельства порой бывают сильнее желания людей), но в принципе они все-таки являются противниками забастовок.

Что касается христианских союзов, примыкающих к католическому центру, то цели их в новейшем уставе (1919 г.) характеризуются следующим образом:

1) „Выявлять совместно экономические, профессиональные и социальные интересы в соответствии с потребностями новейшего развития.

2) Способствовать осуществлению специальных интересов отдельных групп, усилиями всех организаций, охватываемых „Германским об'единением профессиональных союзов" (так называется об'единение христианских союзов).

3) Служить преодолению разлагающего наш народ материализма путем культивирования общенравственной, христианской и национальной идей" [2]).

[1]) К. Цвинг, Германские професс. союзы (1923), стр. III.

[2]) Там же, стр. III.

На практике христианские союзы точно также являются противниками социализма и революции и сторонниками социального реформизма весьма скромной марки. Подобно гиршдункеровским союзам, они обращают большое внимание на взаимопомощь и стремятся всякого рода разногласия с предпринимателями разрешать в порядке мирных переговоров и соглашений. Стачку они считают величайшим злом. Так как, однако, христианские союзы охватывают довольно широкие круги пролетариата — пусть отсталого, но не лишенного чисто-инстинктивного классового чутья, — то им еще чаще, чем гиршдункеровцам, приходится под давлением масс вовлекаться в открытые столкновения с капиталом. Впрочем, это уже дело факта, а не принципа.

Широта организационного захвата. От дробления перейдем к формам организации. При всей разнице политических настроений, господствующих в каждой из трех указанных групп профессионального движения в области организационной структуры, они,—повторяю еще раз,—обнаруживают поразительное единство взглядов. Все немецкие профессиональные союзы — свободные, христианские, гиршдункеровские — построены совершенно иначе, чем английские. На британских островах, как мы видели, профессиональные союзы строятся в *узко-профессиональном,* иногда даже просто в *цеховом масштабе.* В Германии профессиональные союзы, как общее правило, строятся в масштабе *производственном* или, в худшем случае, *широко-профессиональном.* И в этом несомненно сказывается влияние того факта, что германское профессиональное движение было создано социал-демократией. Она заложила основу свободному профессиональному движению, являющемуся наиболее полным и ярким воплощением германского профессионального движения вообще. Либеральное же и христианское профессиональные движения вынуждены были в своем строительстве приспособляться к формам, созданным социал-демократией.

Что же касается последней, то она естественно подходила к строительству профессиональных союзов, исходя из общих классовых интересов пролетариата. Ей поэтому были чужды те цеховые навыки, чувства и воззрения, которые сыграли такую

громадную роль в развитии трэд-юнионизма. Социал-демократия всегда подчеркивала в пролетариате не то, что разбивает его на отдельные, изолированные группы, а, наоборот, то, что об'единяет его в монолитный общественный класс. Отсюда и ее позиция в области строительства профессиональных союзов, являвшаяся полной противоположностью цеховщине и подчас ударявшаяся даже слишком далеко в противоположную крайность.

Так, на всеобщем рабочем конгрессе 1868 года в Гамбурге тогдашний вождь лассальянцев Швейцер провел весьма своеобразную систему организации профессиональных союзов. На этом конгрессе рабочие различных производств были разбиты на 32 профессиональные группы, так называемые «арбейтершафты», каждая из которых должна была послужить зародышем профессионального союза. Правления отдельных «арбейтершафтов» выделили из своей среды особое центральное правление под именем «Всеобщий Германский Профессиональный Союз» с Швейцером и Фрицше во главе. Так как те же самые лица стояли во главе и «Всеобщего Германского Рабочего Союза», т. е. лассальянской политической партии, то с самого начала лассальянские профессиональные организации находились в самом тесном контакте с политической партией. Как видим, лассальянцы в 1868 году по существу стояли на точке зрения *производственного* принципа в строительстве профессиональных союзов, ибо уместить все разнообразие рабочих профессий в рамках 32 организаций можно было только об'единяя последние в группы, близкие к производственным.

Марксисты, которые занимались созданием профессиональных союзов одновременно с лассальянцами, не шли так далеко, как последние, но и они строили профессиональные организации очень широкого захвата, частью чисто производственного типа. Так, ими были основаны: «Международное товарищество мануфактурных рабочих», «Саксонское товарищество горно- и металлургических рабочих» и т. д.

Даже те из рабочих вождей, которые в описываемую эпоху носились с мыслью изолировать профессиональное движение от влияния политических партий и сделать его «нейтральным» на

подобие английского, в области организационного строительства обнаруживали явное отвращение к цеховщине. Так, например, столяр Иорк, выступивший около 1870 года с проектом нейтрализации профессионального движения, предполагал об'единить существующие профессиональные союзы всех направлений в централизованные союзы широкого захвата и затем слить их в едином центре «Унионе». При этом Иорк защищал свою идею таким образом, что у многих являлось предположение, не хочет ли он просто смешать рабочих различных профессий и производств в одном союзе на подобие, скажем, ныне существующей в Америке анархо-синдикалистской организации «Индустриальные Рабочие Мира». По крайней мере, Бебель прочитал ему печатно нотацию, заявив, что «Унион» ни в коем случае не должен явиться какой-то «всеобщей кашей».

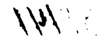
Из предыдущего ясно, что в первый период развития германского профессионального движения оно страдало не столько уклоном в сторону цеховщины, сколько пристрастием к излишне схематическому об'единению рабочих в группировки широкого охвата, подчас даже превосходящие группировки по производствам. В последующие годы, однако, особенно в тяжелую эпоху исключительного закона против социалистов, немецкие профессиональные союзы обнаружили известную склонность к восприятию, если не цеховых, то во всяком случае узко-профессиональных тенденций. Данное явление об'яснялось отчасти полицейскими преследованиями, не позволявшими создавать слишком крупные, могущие показаться «опасными» организации.

С падением исключительного закона и переходом на легальное положение, свободное профессиональное движение решительно стало на почву производственного принципа в строительстве союзов. На первом всегерманском конгрессе свободных профессиональных союзов 1892 года в Гальберштадте организационные вопросы подверглись весьма оживленному обсуждению, причем часть делегатов высказывалась против централизации и против образования крупных союзов производственного или близкого к производственному типа. Однако, большинство конгресса решительно стало на позицию создания крупных союзов, преиму-

шественно производственного типа, построенных при том на основах строгого централизма. Гальберштадтский конгресс указывал при этом на об'единение капитала, повелительно диктующее также об'единение сил труда, но он не нашел все-таки в себе достаточно решимости для того, чтобы потребовать от немецких профессиональных союзов перестройки исключительно по производственному принципу.

В результате этот принцип был проведен в организации немецких профессиональных союзов недостаточно полно, и наряду с союзами чисто производственного типа в нем остались и существуют вплоть до настоящего дня также несколько десятков союзов профессионального и даже чисто цехового характера. Решения X конгресса свободных профессиональных союзов в Нюренберге (1919 г.), также обсуждавшего организационные вопросы, ничего не меняют в сложившемся положении. Ибо § 4-й принятого на конгрессе Устава лишь гласит, что «профессионально - союзное развитие должно происходить в направлении слияния в большие дееспособные союзы и что развивающаяся техника обусловливает включение всех необученных и вспомогательных рабочих, а также работниц в соответствующий профессиональный или производственный союз той отрасли труда, где они работают». Итак, решительного и категорического признания производственного принципа в Нюренберге заявлено не было,— в результате на практике все осталось по-старому.

И, действительно, в настоящее время мы встречаем в рядах свободного профессионального движения Германии очень большое разнообразие организационных форм. Из числа 49-ти имевшихся в 1921 г. союзов 10 являлись союзами производственного типа (Союз металлистов — 1.562.000 членов, Союз фабричных чернорабочих — 653.000 членов, Союз сельско-хозяйственных рабочих — 636.000 чл., Союз текстильщиков — 587.000, Союз транспортников — 571.000, Союз горняков — 459.000, Союз железнодорожников—451.000, Союз деревообделочников—375.000, Союз коммунальных рабочих — 292.000 и Союз швейников — 134.000, всего 5.720.000 человек), которые в сумме об'единяли 76% всех «свободно» организованных рабочих Германии. Здесь

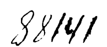

на 1 союз в среднем приходилось 572.000 членов против 154.000, получающихся, если брать все свободное движение в целом.

Однако, на ряду с вышеперечисленными производственными союзами имеется целый ряд профессиональных и даже чисто цеховых. Так, например, имеется особый союз рабочих по асфальту (2.011 членов), особый союз трубочистов (3.300 членов), особый союз кино-работников (5.015 членов), особый союз парикмахеров (8.744 чл.) и т. д. В некоторых отраслях промышленности не существует поэтому единой профессиональной организации. В печатном деле, например, имеется четыре союза (печатников, переплетчиков, литографов и вспомогательных рабочих), в строительном деле—6 союзов (строительных рабочих, плотников, маляров, кровельщиков, мостовщиков и рабочих по асфальту) и т. д.

Впрочем, несмотря на наличие профессиональных и цеховых союзов, необходимо признать, что главной и наиболее типичной для свободного профессионального движения формой организации является производственный союз вроде Союза металлистов, принимающего в свой состав рабочих 31 «металлической» профессии, вроде Союза деревообделочников, принимающего в свои ряды представителей 18-ти различных профессий, и т. д. За германским движением навсегда останется та громадная заслуга, что оно выдвинуло и в значительной мере осуществило строение профессиональных союзов по производственному принципу. Странам, позднее выступившим на арену профессионального движения, в особенности России, было уже гораздо легче, воспользовавшись немецким опытом, развить и довести до логического конца производственный принцип в строительстве своих профессиональных союзов [1]).

1) Процесс перестройки германского профдвижения, конечно, нельзя считать совершенно закончившимся. На протяжении последних 30 лет в мире германских профсоюзов постоянно наблюдались случаи слияния двух или нескольких родственных организаций, с конечной целью создания единого производственного союза для данной отрасли труда. В 1891 году всего насчитывалось 62 „свободных“ союза, к 1906 году число их, благодаря возникновению новых организаций, возросло до 66, затем оно начало падать

Внутреннее управление союзов. От описания внешних организационных форм перейдем к ознакомлению с внутренним управлением германских союзов. Для большей наглядности я приведу здесь один совершенно конкретный пример, именно опишу внутреннее управление величайшего из германских союзов — Союза металлистов, как оно было накануне войны. С тех пор кое-какие детали изменились, но в основном и существенном весь механизм остался в неприкосновенности.

Высшей законодательной инстанцией этого союза-великана является его общий с'езд, собирающийся раз в два года. С'езд металлистов, как и все вообще немецкие профессиональные с'езды, продолжается обычно неделю и в течение данного промежутка времени выполняет большую и ответственную работу: выслушивает и подвергает обсуждению отчет центрального правления и контрольного комитета, производит выборы должностных лиц и принимает те или иные решения, касающиеся самых разнообразных сторон жизни и деятельности организации. Решения эти носят окончательный характер и никакому голосованию членов не подлежат, так как референдум конституцией Союза металлистов вообще не предусмотрен. Не предусмотрен он и конституциями других немецких союзов.

В промежуток между двумя с'ездами верховным органом Союза является центральное правление, состоящее из 9 человек. Четверо из этих девяти выбираются союзным с'ездом, а остальные пять выбираются организацией того города, в котором правление имеет свои резиденции. Смешанный состав центрального

и в 1914 году дошло до 48. В послевоенные годы число профсоюзов опять несколько возросло, в 1919 году дойдя до 52-х, а в 1921 году вновь упало до 49. В дальнейшие 3 года процесс концентрации профсоюзов приостановился, что об'ясняется общим духом упадка и разложения, характеризующим сейчас (1924 г.) герм. профдвижение. 49 союзов, конечно, совсем не то, что 1000, имеющиеся в Англии, но это все ж таки совсем не то, что 22 союза, имеющиеся в СССР. Тем более, что в числе 22-х советских союзов имеются также и об'единения работников интеллигентного труда, а в числе германских 49 сосчитаны только организации физических рабочих. Интеллигентный труд имеет там целый ряд особых союзов.

правления, конечно, не является случайностью: здесь нашло свое выражение то инстинктивное недоверие, которое рабочая масса питает к профессионалистской «бюрократии». Засилие последней должно, по мысли составителя устава, находить свое противодействие в воле и стремлениях пятерых не оплачиваемых членов центрального правления, стоящих в гуще практической жизни. Справедливость, впрочем, требует сказать, что данная цель описанной конструкции союзного центра достигалась и достигается в весьма малой степени. Многолетний опыт показал, что фактическими вершителями дел в центральном правлении являются его четверо выбираемых с'ездом и оплачиваемых членов, посвящающих все свое время организационной работе,—пятеро же остальных, могущих отдавать последней лишь немногие часы, урываемые ими от своих текущих занятий, не играют в центральном механизме особенно значительной роли.

На обязанности центрального правления лежит общее руководство делами организации, издание союзного органа, созыв союзных с'ездов, хранение союзных денег и целый ряд других функций, о которых речь будет еще ниже. Деятельность центрального правления контролируется особым комитетом из 5 лиц, двое из которых выбираются с'ездом, а трое назначаются организацией того города, где комитет имеет свое местопребывание (комитет и правление не могут находиться в одном и том же городе).

В целях лучшей постановки агитации вся страна разделена на 11 областей, причем во главе каждой из них стоит пятичленная комиссия, состоящая из оплачиваемого центральным правлением председателя и четырех не оплачиваемых членов, выбираемых опять-таки организацией того города, где находится областное правление. На обязанности областных председателей, кроме агитационных задач, лежит еще руководство стачками в районе их деятельности, ревизия местных отделений союзов, улажение столкновений между отдельными членами и т. д. Выбираемые с'ездом члены центрального правления и наблюдательного комитета вместе с редактором союзного органа и областными председателями составляют так называемый «Совет союза», решаю-

щий в промежуток между двумя с'ездами все более крупные вопросы союзной жизни.

Каждая область распадается на большее или меньшее количество местных отделений союза, во главе которых стоят местные правления из 5-10 человек, выбираемые членами местного отделения. Часть членов местного правления является оплачиваемыми служащими организации, другая часть — жалованья не получает и выполняет, главным образом, ревизионные функции. Все члены подобного правления лично ответственны за целость доверенных им союзных денег. В круг обязанностей местного отделения входит: прием новых членов, сбор денежных взносов, ведение стачек, агитация среди рабочих и т. д.

Конечно, местное отделение, по существу дела, является основной единицей союзной организации. Однако, и оно, в свою очередь, в целях большего удобства работы подразделяется еще на дальнейшие мелкие и мельчайшие ячейки и именно в двух направлениях: 1) весь городской район распадается на ряд территориальных секций с своим особым секционным правлением и своими особыми секционными собраниями; задачи этих секций главным образом, агитационного характера; 2) каждая из 31 профессий, входящих в состав союза, образует внутри организации особую профессиональную группу (кузнецов, слесарей, монтеров и т. д.), точно также со своим особым правлением и со своими особыми собраниями. На обязанности профессиональных групп лежит, главным образом, наблюдение за выполнением тарифных договоров, забота о выборах представителей от отдельных предприятий, помощь правлению местного отделения при ведении стачек и т. п. [1]). Наконец, члены Союза на одном и том же заводе составляют последнюю и мельчайшую организационную

[1]) От времени до времени союзом устраиваются областные и даже общегерманские конференции представителей отдельных профессий, входящих в его состав. Конференции эти обсуждают различные вопросы, касающиеся интересов данной группы рабочих, и областные и центральное правления всегда внимательно прислушиваются к их голосу. Однако, никаких форм более тесного об'единения лиц отдельных профессий внутри союзной организации у металлистов не имеется.

клетку — заводскую группу, имеющую опять-таки свои собственные собрания и свой особый руководящий орган в виде одного или нескольких заводских делегатов.

Конечно, верховной инстанцией местного отделения союза является общее собрание его членов, созываемое минимум пять раз в год (одно годовое и четыре — четвертьгодовых собраний). Однако, собрания эти посещаются членами довольно плохо (не больше 10—15% всего состава организации), так что решающим органом местного отделения союза фактически является собрание делегатов, т. е. заводских представителей, председателей секций, профессиональных групп и т. д. Общее количество делегатов в местной организации обычно колеблется между 10—12% всего числа ее членов, так что каждое делегатское собрание большого местного отделения насчитывает 400—500 и больше участников.

Таков в общих чертах организационный механизм союза металлистов. Несомненно, самой характерной особенностью его является строгий централизм, проникающий собой всю его структуру и работу. В самом деле, взять, например, отношения, существующие между местным правлением и более мелкими ячейками местной организации, — они построены на принципе очень строгого централизма: заводские или секционные делегаты выбираются стоящими за ними группами членов, но для отправления своих обязанностей они нуждаются в утверждении правления; точно также в утверждении правления нуждается каждое мало-мальски значительное решение профессиональной группы или территориальной секции.

Не иначе обстоит дело и в сфере отношений между местными отделениями и центральным правлением союза. Так, члены местного правления выбираются местным общим собранием, но утверждаются центральным правлением; вся текущая деятельность местных работников строго регламентирована до мельчайших подробностей: союз металлистов, как и все другие большие союзы, имеет так называемые «Инструкции» (Verhaltungs-Reglement), которыми должны руководствоваться в своей работе его местные служащие и чиновники. Это об'емистая книга в 200

слишком страниц убористой печати, и там можно найти подробнейшие указания на всевозможные случаи союзной жизни. Из нее, из этой книги, вы узнаете, как нужно основывать новые отделения союза, как открывать и закрывать членские и публичные собрания, когда созывать заседания делегатов, как составлять трехмесячные отчеты для центрального правления, как вести стачки и заключать коллективные договоры с предпринимателями, как и когда выдавать пособия от безработицы и болезни и многое, многое другое. «Инструкции» — это целая энциклопедия правил практического поведения, которым подчиняется всякий, состоящий на службе организации.

Но союзная централизация не ограничивается только указами, она идет гораздо дальше: 83% всех получаемых на месте из «основных взносов» сумм отправляется в центральную кассу,— на местные же потребности остается только 17%. В соответствии с этим и все виды пособия (больничное, стачечное, от безработицы и т. д.) выплачиваются не местной, а центральной кассой. Каждая, даже самая маленькая стачка, до своего об'явления должна быть разрешена центральным правлением, а если бы какое-либо местное отделение вопреки воле центра вздумало все-таки начать борьбу, оно не получило бы никаких денег из центральной кассы. Аргумент достаточно серьезный для того, чтобы с ним приходилось очень и очень считаться. Далее все кассовые книги, формуляры, расчетные таблицы, членские карточки, уставы и т. д., все до последнего листочка местные отделения получают только из центра, и легко понять, как подобное однообразие кассового и канцелярского делопроизводства по всей стране нивеллирует работу местных отделений. Само собой разумеется, местные отделения обязаны строгой отчетностью центральному правлению — расчет между ними производится каждые 3 месяца,—и центральное правление имеет право в любое время назначить ревизию дел любой местной организации. Наконец, центральное правление издает еженедельный союзный орган «Metallarbeiter Zeitung» (Газета металлистов), с помощью которого оно может оказывать могущественное влияние на взгляды и настроения широкой массы членов.

Окидывая одним общим взглядом организацию союза металлистов, нельзя не притти к выводу, что она является почти идеальной формой централизованного профессионального союза. В довоенные годы эта система организации, принятая всем вообще германским профессиональным движением, оказывала большие услуги пролетариату, повышая боеспособность отдельных групп рабочих в борьбе с капиталом. Именно поэтому данная система так прочно утвердилась в Германии и послужила образцом для профессионального движения целого ряда других стран, в частности России. В то время германское профессиональное движение с его необыкновенно четкими, геометрически правильными и практически целесообразными организационными линиями возвышалось подобно недосягаемому образцу над пестрым и хаотичным миром британских трэд-юнионов. Однако, в настоящее время этот идеальный централизм превратился в величайшее зло немецкого профессионального движения. Сейчас, как и в предвоенные годы, во главе профессиональных союзов стоит насквозь реформистская бюрократия, не стесняющаяся никакими средствами борьбы для подавления коммунистических влияний в недрах профессионального движения. И тот законченно централистический организационный механизм, который описан на предыдущих страницах, дает ей сотни и тысячи возможностей для того, чтобы искусственно удерживать власть в своих руках и препятствовать завоеванию профессиональных союзов революционными элементами.

Фабзавкомы. Именно это обстоятельство послужило толчком для массового возникновения фабрично-заводских комитетов. В чисто стихийном порядке они росли, как грибы после дождя, после революции 1918 года. В них широкая рабочая масса, недовольная консерватизмом профессиональных союзов и трудностью перестройки последних, инстинктивно искала опорных пунктов новой революционной организации экономического характера. Первоначально функции фабрично-заводских комитетов никем не были определены, но затем законом 1920 года о так называемых «производственных советах» была сделана попытка ввести их в рамки существующих отношений. Согласно

закону, фабрично-заводские комитеты состоят из двух секций— секции рабочих и секции служащих—и имеют своей задачей контроль за приемом и увольнением персонала, содействие заводоуправлению при введении новых методов производства, предупреждение несчастных случаев, известное регулирование отношений между рабочими и предпринимателями и т. д.

Коротко говоря, по мысли законодателя, фабрично-заводские комитеты должны были служить целям превращения абсолютистской фабрики в фабрику конституционную. В 1920—21 г.г. с падением революционной волны фабрично-заводские комитеты перестали играть сколько-нибудь заметную роль. Коммунисты не обращали на них еще должного внимания, занятые, главным образом, политической борьбой, а профессионально-союзная бюрократия игнорировала их существование и вела все дела по-старинке. Только с 1922 года коммунисты начали энергично работать в фабрично-заводских комитетах и мало-по-малу сумели превратить их в чрезвычайно активные организации, выполняющие при том весьма разнообразные функции. Как известно, во время событий 1923 года фабрично-заводские комитеты являлись базой революционного движения, занимаясь фиксацией цен на продукты, организуя рабочие отряды, снабжая их оружием и т. д. После разгрома гамбургского восстания и рабочих правительств в Саксонии и Тюрингии фабрично-заводским комитетам пришлось сильно сократить размах своей деятельности, и в настоящее время они являются лишь очагами коммунистического влияния в профессиональном движении. Профессионалистская бюрократия ведет против них ожесточенную борьбу, но фабрично-заводские комитеты имеют слишком прочные корни для того, чтобы их можно было легко уничтожить.

Союзные финансы. Хотя германские профессиональные союзы никогда не были столь богаты, как английские трэд-юнионы, все-таки в годы, предшествовавшие мировой войне, они располагали весьма крупными денежными фондами. Так, например, в 1913 г. финансовое положение «свободных» союзов характеризовалось следующими цифрами:

годовые доходы . . . 80,2 милл. марок (38,5 м. р.).
годовые расходы. . . 75,0 милл. марок (35,3 м. р.).
имущество . . . . 88,1 милл. марок (41,4 м. р.).

Таким образом в среднем на одного члена приходилось 34 марки или 16 рублей имущества против 19 рублей, приходившихся в том же году на одного члена английских трэд-юнионов.

Как видим, финансовое положение немецких профессиональных союзов было достаточно солидно, причем особенно важно, что оно обнаруживало признаки несомненной устойчивости. Действительно, число членов свободных союзов за период 1891—1913 годов увеличилось с 277.000 до 2.574.000 или примерно в 9 раз, наоборот, годовые доходы союзов за тот же период поднялись с 1,1 до 82,2 милл. марок или в 80 слишком раз, а годовые расходы—с 1,6 до 75 милл. марок или в 47 раз, имущество же с 0,4 до 88,1 миллионов марок или в 220 раз [1]). Это значит, что профессиональные организации развивались не только в ширь, захватывая в свои ряды все более широкие массы, но также и в глубь, становясь все более мощными экономически.

[1]) Картина развития германских профсоюзов в годы, предшествовавшие войне, станет яснее из следующей таблицы:

Год.	Число членов в тысяч.	Доход. (в тыс. марок).	Расход.	Имущество (в тыс. марок).
1891	277,7	1.116	1.607	426
1895	259,2	3.037	2.488	1.640
1899	580,5	7.687	6.451	5.576
1900	680,4	9.454	8.088	7.746
1901	677,5	9.723	8.967	8.798
1902	733,2	11.098	10.006	10.254
1903	887,7	16.420	13.739	12.974
1904	1.052,1	20.191	17.739	16.110
1905	1.344,8	27.812	25.024	19.636
1906	1.689,7	41.603	36.963	25.313
1907	1.865,5	51.397	43.123	33.243
1908	1.831,7	48.544	42.058	40.840
1909	1.832,7	50.529	46.264	43.481
1910	2.017,3	64.372	57.927	52.576
1911	2.321,0	72.087	60.025	62.106
1912	2.530,4	80.234	61.106	80.798
1913	2.574,0	82.200	75.000	88.100

Откуда же брались у «свободных» союзов собираемые ими громадные суммы?

Главным и почти единственным источником их были членские взносы, вступительные и еженедельные (в Германии взносы обычно взимаются каждую неделю). Вступительные взносы по общему правилу отличались очень незначительными размерами и колебались между ½—1 маркой (25—50 копеек). В этом отношении немецкие союзы отличались гораздо большим демократизмом, чем английские, где, как мы знаем, вступительные взносы порой достигают десятков рублей. Но, конечно, главную массу союзных средств давали не вступительные, а регулярные еженедельные взносы. Размеры их в Германии были несколько скромнее, чем в Англии, несмотря на то, что в течение четверти века, предшествовавшей мировой войне, они систематически и довольно быстро повышались. В самом деле, вот что говорят цифры:

Размер взноса.	Число союзов, взимающих один из нижеслед. взносов: 1891 г.	1912 г.
до 20 пф. в неделю	44	—
21—30 „ „	3	2
31—40 „ „	1	7
41—50 „ „	2	14
св. 50 „ „		25

Таблица эта очень поучительна. Она показывает, что в то время, как в 1891 году еще 82% всех организаций взимали меньше 20 пф. в неделю,—в 1912 году не было ни одного союза, который удовлетворялся бы столь ничтожной суммой. И, наоборот, в то время, как в 1891 году ни один не решался требовать с своих членов больше 50 пф. в неделю,—в 1912 году целых 52% организаций, об'единяющих около половины всех профессионально-организованных рабочих, уже перешли указанную границу. При этом печатники, например, уплачивали по 1 мк. 10 пф. (52 копейки), а нотные рабочие даже по 1 мк. 40 пф. (65 коп.) в неделю.

При столь громадной роли членских взносов в области союзных финансов на аккуратность их сбора должно было быть обращено особое внимание. Действительно, сбор в довоенные годы был

поставлен превосходно. Дело обстояло обычно следующим образом. В каждой территориальной секции местного отделения профессионального союза имелся свой особый секционный кассир, который еженедельно обходил всех членов своей секции по квартирам, раздавал им текущий номер союзного органа и одновременно взимал членский взнос. За свою работу секционные кассиры вознаграждались известным процентом (обычно 4—5%) с собранной ими суммы. Расчет секционных кассиров с главным кассиром местного отделения происходил еженедельно. Данная система сбора вызывала довольно значительные расходы, но они с лихвой окупались аккуратностью поступления взносов.

Что касается распоряжения союзными финансами, то, как мы уже видели, оно было строго централизовано. По общему правилу из собираемых местными отделениями членских взносов 80% шло в центральную кассу и 20% оставалось на местные нужды. Довольно часто местные отделения, которые не укладывались в остающиеся им 20%, вводили в дополнение к общесоюзным взносам еще свои особые местные взносы. Они обычно не превышали 10—20 пф. в неделю, собирались теми же секционными кассирами и шли в кассу местной организации.

Свои денежные средства германские союзы держали по большей части в банках — частных и кооперативных—и при том на таких условиях, что могли их взять в любой момент. Некоторую, но сравнительно незначительную часть своих капиталов союзы помещали в различные партийные профессионально-союзные или кооперативные предприятия (типографии, газеты, в дома профессиональных союзов, квартиры для рабочих и т. п.). В конечном итоге германские союзы распоряжались своими деньгами гораздо разумнее, чем английские, и скандалы, подобные тому, который в 1910 году произошел с британским союзом котельщиков (см. выше), здесь были невозможны.

Не безынтересны данные о строении расходного бюджета германских союзов. За период 1891—1913 годов «свободное» профессиональное движение истратило всего 612,4 милл. марок, которые распределялись следующим образом:

	Милл. марок.	В %
Взаимопомощь	246,5	40,4
Борьба.	143,6	23,4
Управление и пр.	222,3	36,2
	612,4	100%

Как видим, на первом месте стоит взаимопомощь, поглотившая 2/5 всех расходов, затем идет управление — несколько больше трети всех расходов и, наконец, борьба, взявшая около четверти всех израсходованных сумм. Соотношение более благоприятное для борьбы, чем в Англии, но качественно не так уж сильно отличающееся от английского.

Война и послевоенные годы внесли крупные перемены в финансовое положение союзов: благодаря обесценению валюты они чрезвычайно ослабели. Достаточно приглядеться к следующей небольшой таблице:

	Доходы.	Расходы.	Имущество.
1913 г.	38,6	35,3	41,4
1919 „ . . .	33,1	27,0	17,8
1920 „	29,7	21,6	10,6
1921 „	35,7	25,8	14,6 [1])

Приведенные цифры станут особенно зловещими, если мы примем во внимание, что число членов «свободных» союзов, достигавшее в 1913 году 2.574.000, в 1919 году поднялось до 5.479.000, в 1920—до 7.890.000 и в 1921—держалось на уровне 7 568.000. Итак, в то время, как число членов за период 1913—1921 годов увеличилось примерно в 3 раза, доходы профессионального движения упали на 8%, расходы—на 27%, а имущество сократилось даже почти в 3 раза. Особенно катастрофично обстоит дело с имуществом: в то время, как в 1913 году в среднем на одного члена приходилось 16 рублей имущества, в 1921 году его приходилось не больше 2 рублей. Иными словами—богатство германских союзов упало за время войны и послевоенной эпохи в 8 раз. И в дальнейшем положение продолжало систематически ухудшаться. К концу 1923 года, благодаря исполинскому обесце-

[1]) Zweites statistisches Jahrbuch d. Internat. Gewerkschaftsbundes, Amsterdam, 1924, см. приложения.

нению немецкой валюты, германские союзы, взимавшие взносы в бумажных марках и державшие свои капиталы большей частью также в бумажных марках, оказались совершенно без средств. Будущее покажет, как они справятся с этим положением.

Женщины в професс. движении. В противоположность английским союзам, долгое время ставившим рогатки для вступления женщин в их ряды, германские союзы с самого начала относились весьма сочувственно к вступлению женщин в профессиональные организации. В новейшую эпоху уже первый конгресс профессиональных союзов 1892 года в Гальберштадте постановил принимать работниц в профессиональные союзы в качестве полноправных членов. Эта линия строго выдерживалась в последующие годы, и женщины все более широкой волной вливались в рамки профессионального движения, причем они не образовывали здесь никаких специально женских союзов, а распределялись по существующим профессиональным организациям в соответствии с принадлежностью к той или иной профессии. В целях более успешной организации женщин с октября 1905 г. при Генеральной Комиссии (центральный орган «свободного» профессионального движения) был образован особый женский секретариат, преследовавший цели агитации среди женщин-работниц и вовлечения их в ряды профессиональных союзов. Эти усилия не пропали даром, и число женщин в рядах германского профессионального движения систематически и очень быстро росло. Вот несколько цифр, характеризующих происходившие здесь процессы:

Год.	Число членов свободных союзов. Всего.	Из них женщин.
1892	237.000	4.355
1900	680.000	22.844
1910	2.017.000	161.512
1920	7.890.000	1.711.000

Как видим, женское профессиональное движение обнаружило поистине колоссальный рост. В то время как общее число членов союзов за период 1892—1920 увеличилось, примерно, в 33 раза, число профессионально - организованных женщин возросло в

427 раз. В настоящее время женщины составляют около 20% всех членов германских профессиональных союзов (в Англии 16%). Если принять во внимание, что в Германии насчитывается около 3 миллионов работниц в промышленности, транспорте и торговле (из общего количества пролетариев в 14 милл.), то станет очевидно, что женщины в деле профессиональной организации нисколько не отстают от мужчин.

В 1921 году среди «свободных» союзов насчитывалось 9 таких, в которых число женщин превышало число мужчин. Эти союзы были:

Профессии.	Число членов союзов. Всего.	Из них женщ.	Число женщин в %.
Швейники	143.590	85 731	59,7
Переплетчики	81.487	56.965	69,9
Хористы.	4.618	2.749	59,5
Вспомог. рабочие печатники .	39.571	26.605	67.2
Домашняя прислуга	24.541	24.255	98,9
Шляпочники	21.847	14.572	66,7
Скорняки	9.630	5.695	59,1
Табачники . .	98.451	76.263	77,5
Текстильщики	491.480	321.532	65,4

Об'единения по горизонтальной линии.

Кроме описанных профессиональных союзов, об'единяющих рабочих различных категорий по вертикальной линии, в Германии, как и в Англии, имеются особые организации, об'единяющие пролетариат и по горизонтальной линии. Такого рода об'единений в Германии имеется 2 (в Англии 3).

Картели. Первая форма горизонтального об'единения носит локальный характер и в общем и целом соответствует типу английских Советов Союзов, т. е. *городских* профессиональных советов. Называются они в Германии местными Картелями и, по общему правилу, об'единяют все имеющиеся на месте профессиональные союзы. Задачи Картелей мюнхенским конгрессом профессиональных союзов 1914 года были определены следующим образом:

1) культурно-просветительная работа среди пролетариата;

2) разработка статистических данных об экономическом положении рабочих;

3) наблюдение за проведением в жизнь государственных законов, ограждающих интересы рабочих;

4) подготовка выборов представителей рабочих в промысловые и торговые суды, больничные кассы, ремесленные палаты и учреждения, созданные на основе законов о страховании рабочих и служащих;

5) создание образовательных учреждений для юношества.

Революция 1918 года и последующее законодательство еще более расширили сферу компетенции Картелей, предоставив им известную долю участия в организации трудового посредничества, в учреждениях по разрешению промышленных конфликтов и т. д.

Конкретно деятельность местных Картелей сводится к следующему: они организуют выборы во все учреждения социального законодательства (больничные кассы, промысловые суды, ремесленные палаты и проч.), проводят денежные сборы в случае каких-либо крупных стачек, устраивают читальни, библиотеки, лекции и т. п., занимаются статистическим обследованием профессиональных союзов, условий труда рабочих и т. д., большую роль играют в области культурно-просветительной и юношеской работы (подробнее об этом будет ниже). Сверх того Картели содержат два важных учреждения. Во-первых, так называемые дома профессиональных союзов, в которых обычно помещаются все профессионально-союзные организации данного города, дешевый ресторан и гостиница для приезжающих рабочих, зал для общих собраний, кооперативная лавка и многое другое. Таких домов в 1920 году было 91. Далее, местные Картели широко развили еще институт «рабочих секретариатов», т. е. юридических справочных бюро, где члены союзов могут получать различные советы и указания по вопросам рабочего законодательства, гражданского и уголовного права, а также в известных случаях пользоваться защитой рабочих секретарей на суде. Первый подобный секретариат возник в 1894 году в Нюренберге,—в 1920 году их насчитывалось 143. Рабочие секретариаты пользуются громадной популярностью в рабочих массах и ведут весьма большую юри-

дическую работу. Достаточно сказать, что в том же 1920 году было зарегистрировано 9,5 милл. обращений к ним, причем рабочими секретариатами было дано свыше 10 милл. советов и написано около 2½ милл. различных бумаг.

Общее число местных Картелей в 1920 году достигло 1.138 с 6.090 тысяч примыкающих к ним рабочих. Существуют они на особые отчисления, производимые примыкающими к ним организациями. Не безынтересны данные о расходном бюджете Картелей. В том же 1920 году ими было израсходовано всего 8 761.000 марок (примерно, около полумиллиона золотых марок, распределявшихся по отдельным статьям следующим образом:

Агитация	713.000	марок	(8%)
Выборы в различные учреждения . . .	82.000	„	(1%)
Содержание домов, гостиниц и пр. . .	1.064.000	„	(12%)
Культработа	1.094.000	„	(12%)
Рабочие Секретариаты	3.900.000	„	(45%)
Управление.	1.908.000	„	(22%)
	8 061.000	марок	(100%)

Конгрессы профессиональных союзов. Другой формой горизонтального об'единения свободных профессиональных союзов, уже в общегосударственном масштабе, являются периодические конгрессы и выбираемый ими общепрофессиональный центр. Первый такой конгресс состоялся в 1892 году в Гальберштадте, следующие конгрессы происходили: 2-ой конгресс—в Берлине (1896 год), 3-й конгресс во Франкфурте на Майне (1899 г.), 4-й конгресс в Штуттгарте (1902 г.), 5-й конгресс в Кельне (1905 г.), 6-й конгресс—в Гамбурге (1908 г.), 7-й конгресс в Берлине (1910 г.), 8-й конгресс—в Дрездене (1911 г.), 9-й конгресс—в Мюнхене (1914 г.), 10-й конгресс—в Нюренберге (1919 г.) и 11-й конгресс в Лейпциге (1922 г.).

Общепрофессиональные конгрессы происходят обычно раз в 3 года и являются верховной инстанцией свободного профессионального движения. При этом в отличие от Англии на них непременно присутствуют представители *всех* профессиональных организаций, а их решения имеют *обязательную* для всего про-

фессионального движения силу. На общепрофессиональных конгрессах обсуждаются все важнейшие вопросы, так или иначе затрагивающие интересы профессиональных союзов, в особенности же вопросы организационные, экономические и социально-политические. Иногда ставятся и решаются вопросы и чисто политического характера.

Общепрофессиональный конгресс выбирает профессионально-союзный центр. Вплоть до 1919 года этот центр носил название «Генеральной Комиссии профессиональных союзов», в состав которой входило 13 человек. Бессменным председателем «Генеральной Комиссии» с момента ее возникновения (в 1892 году) был известный Карл Легин, умерший в 1920 году. Задачи генеральной комиссии первым конгрессом в Гальберштадте были определены следующим образом: 1) ведение агитации, 2) создание единообразной статистики профессионального движения, 3) организация статистики стачечного движения, 4) издание печатного органа для закрепления связи всех профессиональных союзов между собой и 5) развитие международных связей союзов

Фактически «Генеральная Комиссия» мало-по-малу превратилась в руководящий центр профессионального движения, представлявший это движение во вне и властно направлявший его внутри. Правда, в ведении экономической борьбы «Генеральная Комиссия» непосредственного участия не принимала—это было и осталось сферой компетенции отдельных профессиональных союзов, но «Генеральная Комиссия» все время являлась их духовным вождем как в области профессиональных дел, так и в области политики. «Генеральная Комиссия» издавала свой орган „Correspondenz-Blatt",по которому равнялись все прочие союзные органы. Существовала она на средства, ассигнуемые ей профессиональными организациями в размере около семи копеек на одного члена в год, так что в предвоенную эпоху она располагала, примерно, 200—300 тысяч рублей в год.

С 1903 года был поставлен особый «Комитет профессиональных союзов», состоявший из представителей центральных правлений всех «свободных» союзов и игравший роль совещательного представительства при «Генеральной Комиссии». Коми-

тет собирался каждые 3 месяца, заслушивал отчет «Генеральной Комиссии» и обсуждал все важнейшие вопросы ее деятельности. Комитет же выполнял и ревизионные функции. На X конгрессе 1919 года в Нюренберге «Генеральная Комиссия» была преобразована во «Всегерманскую федерацию профессиональных союзов» «Allgemeiner Deutscher Gewerkschafts-Bund»), но по существу никаких серьезных изменений ни в конституции профессионально-союзного центра, ни в его задачах не было произведено.

Характеризуя общепрофессиональный центр Германии, необходимо отметить крупную роль, которую он играл в предвоенные годы в деле создания профессионального Интернационала. Мы знаем, что английские трэд-юнионы долгое время относились ко всем заграничным профессиональным организациям с достаточной холодностью, лишь после войны они более близко подошли к проблемам международного профессионального движения. Германские союзы, напротив, с самого начала были проникнуты сильным интернационалистским духом (вспомним, что марксисты 60—70 годов первым союзам даже давали названия «международных товариществ» таких-то и таких-то производств), всегда живо откликались на нужды иностранных рабочих, и в соответствии с этим германский общепрофессиональный центр явился инициатором профессионального Интернационала. По его почину созывались международные с'езды профессиональных союзов, и в Берлине помещался перед войной секретариат профессионального Интернационала. Германские союзы продолжают и до сих пор играть крупную роль в этом Интернационале (ныне он называется Амстердамским), но теперь в связи с общим ослаблением мирового положения Германии они вынуждены уступить в нем руководящее место английским трэд-юнионам.

Таковы основные черты организационной структуры германского профессионального движения. В отличие от английского ему удалось за сравнительно короткий период своего существования (50—60 лет) выработать сравнительно очень совершенную форму профессиональной организации в лице производственного союза и создать сильный и единый руководящий центр движения. Иными

словами, германскому профессиональному движению удалось осуществить то, что до сих пор никак не дается британскому трэдюнионизму.

II. *Формы деятельности.*

а) Борьба.

Тенденции развития. В противоположность английским трэдюнионам свободные профессиональные союзы с момента своего возникновения принципиально стояли на точке зрения непримиримой классовой борьбы. Поэтому и в своих уставах, и в своих декларациях они на первое место выдвигали задачи борьбы с предпринимателями за лучшие условия труда, а в конечном счете и за социализм.

Как, однако, обстояло дело на практике?

Не подлежит сомнению, что в 70—80 годах прошлого столетия профессиональные союзы, примыкающие к социал-демократии, не занимались ничем иным, как только борьбой, по преимуществу стачечной борьбой. Функции взаимопомощи и культработы в тот период развиты в них были очень слабо. После падения исключительного закона положение, однако, стало меняться. Правда, экономическая борьба пролетариата все более расширялась, ибо рос германский капитализм и увеличивалось число эксплоатируемых им рабочих, но темп напряжения этой борьбы в предвоенные годы оставался сравнительно слабым. Доказательством тому могут служить следующие цифры: за период 1899—1913 годы в Германии в среднем ежегодно происходило 1.885 стачек с 406.000 участников. Так как численность германского пролетариата в указанную эпоху достигала, примерно, 14 миллионов человек, то это значит, что ежегодно из каждых 36 рабочих бастовал один. Как видим, не очень много, чуть-чуть побольше, чем в соответственную эпоху в Англии (1 из 46 рабочих). Параллельно с сравнительной слабостью стачечного движения шло громадное количество конфликтов, разрешавшихся мирным путем. В самом деле, например, за 1905—1913 годы участвовало рабочих:

в конфликтах без прекращения работ . . . . 5,4 милл.
в конфликтах с прекращением работ . . . . 2,8 „

Таким образом экономическая борьба в предвоенные годы сводилась не столько к открытым битвам труда и капитала, сколько к дипломатическим переговорам между рабочими и предпринимателями и к заключению между ними тех или иных соглашений. На словах оставаясь все теми же непримиримыми революционерами, немецкие профессионалисты на практике все больше превращались в реформистов и соглашателей. Разница между ними и английскими трэд-юнионистами год от году уменьшалась, и без особого труда можно было предвидеть время, когда она и совсем исчезнет.

Тот же процесс совершенно отчетливо характеризовался и эволюцией расходного бюджета «свободных» союзов. Действительно, если сопоставить суммы, истраченные «свободными» союзами за период 1891—1914 годов на борьбу и на взаимопомощь, то получится следующая поучительная таблица:

	Взаимопомощь.		Борьба.	
	в милл. марок	в %	в милл. марок	в %
1891—900 . .	11,7	33	9,2	26
1901—910 . .	109,0	36	82,2	27
1911—914 . .	125,8	46	52,2	59

Таким образом оказывается, что процент расходов на взаимопомощь за рассматриваемую четверть века увеличился с 33 до 46%, а процент расходов на борьбу упал с 26 до 19. Тенденция совершенно очевидна: борьба постепенно оттесняется на второй план взаимопомощью, которая принимает грандиозные размеры. Правда, накануне войны германские союзы все-таки носили значительно более боевой характер, чем английские (вспомним, что в 1901—1910 годах трэд-юнионами было истрачено на борьбу 10,7%, а на взаимопомощь—68,5% всех расходов), но и их все сильнее проникал профессионалистский оппортунизм.

Причины данного явления были двоякого рода. Во-первых, крупную роль играл рост профессиональной организованности рабочих. Чем сильнее становились профессиональные союзы, тем

меньше желания являлось у предпринимателей без крайней надобности доводить дело до открытого конфликта. В результате—громадный рост столкновений, ликвидируемых без прекращения работ, и относительно слабая напряженность стачечной борьбы. Во-вторых, еще более крупную роль играл блестящий расцвет германского капитализма. Прибыли, получаемые предпринимателями, были настолько велики, что для них представлялось выгоднее уступать рабочим в повышении заработной платы и улучшении условий труда, чем рисковать приостановкой производства на фабриках и заводах. Согласное действие обеих причин и вырабатывало тот дух соглашательства, которым были проникнуты германские профессиональные союзы перед войной, причем, как увидим ниже, этот дух касался не только вопросов экономической борьбы, но также и проблем политики и социализма

Боевая тактика перед войной. Обращаясь к самым формам профессионально-союзной борьбы, необходимо отметить две ее наиболее характерные особенности. Первая—это строгая организованность подавляющего большинства предвоенных промышленных конфликтов. Было время, когда стачки в Германии происходили чисто стихийно, разражаясь подчас в самый невыгодный для рабочих момент. Но с начала 90-х годов прошлого столетия стачечная стихия все более организуется железной волей союзов. Пятый профессионально-союзный конгресс в Кельне (1905 г.), специально занявшийся вопросами стачечной борьбы, принял по этому поводу особую резолюцию, в которой между прочим говорилось:

1. „Необходимо с полной ясностью и решительностью подтвердить принцип, что как проведение стачек, так и добывание денежных средств для их поддержки являются задачами каждого отдельного профессионального союза и что единственно правильный способ добывания этих средств есть взимание достаточно высоких членских взносов.

2. Вследствие этого конгресс обязывает все союзы, в которых данная мера еще не проведена, устанавливать членские взносы в таком размере, который обеспечил бы их финансовую самостоятельность и в случаях пред'явления к их платежеспособности больших требований. Равным образом отдельным союзам надлежит при принятии решений об об'явлении стачек исходить из учета собственной финансовой мощи".

Помощь бастующим рабочим со стороны путем пожертвований из средств других союзов, сборов среди широких масс пролетариата и т. п. кельнской резолюцией также допускается, но не, как правило, а как исключение, и при том под контролем «Генеральной Комиссии». Результатом указанных решений было то, что организация и проведение какого-либо промышленного конфликта в предвоенные годы превратились в дело большой сложности и ответственности.

Действительно, каждому такому конфликту обычно предшествовала большая подготовительная работа. Задумывая совершить нападение на позиции капитала, профессиональный союз прежде всего справлялся с силами соответственной предпринимательской организации, с общими условиями рынка, с характером кон'юнктуры в данной отрасли промышленности, с экономическим положением того предприятия, в котором предполагалось начать борьбу. Если собранные союзом сведения оказывались благоприятными, то он, взвесив всевозможные за и против, устанавливал сообща с делегатами данной фабрики или завода момент открытия военных действий. Далее, начиналась уже непосредственная подготовка атаки чаще всего созывом общего собрания рабочих данного предприятия или предприятий или же делегатов от рабочих, на котором и вырабатывались стачечные требования Как общее правило, выставлялись только такие требования, которые по состоянию рынка и по общему положению предприятия (или предприятий), хотя и не без борьбы, но все-таки могут быть достигнуты. Поэтому союз обычно настаивал на повышении заработной платы на 10—12%, на сокращении рабочего времени на полчаса, на отмене некоторых штрафов и т. п., редко больше, ибо лишь в отдельных исключительных случаях можно было с значительной степенью вероятности расчитывать на более крупные завоевания.

Когда боевая платформа бывала, таким образом, сформулирована и принята делегатами от рабочих, местное правление профессионального союза делало подробный доклад об условиях предполагаемой борьбы областному и центральному правлениям и просило у последнего разрешения на ведение этой борьбы. Если

доводы местного правления оказывались достаточно убедительными и союзу в целом не приходилось опасаться в ближайшем будущем каких-либо крупных столкновений, просимое разрешение из центра обычно давалось, и тогда местное правление, не откладывая дела в долгий ящик, приступало к последним боевым приготовлениям. Требования рабочих в сопровождении вежливо составленного письма посылались заинтересованной фирме (или фирмам) с просьбой дать свой ответ не позже определенного числа (обычно давался двухнедельный срок). Если предпринимательская сторона обнаруживала склонность пойти на уступки, не доводя дела до открытого столкновения, созывалось совещание представителей труда и капитала, на котором после продолжительных и горячих дебатов, в конце концов, заключалось соглашение сторон. Соглашение это подвергалось далее голосованию на собрании заинтересованных рабочих или их делегатов, и в случае принятия его последними вся борьба считалась законченной. Тогда имел место один из столь многочисленных «конфликтов без приостановки работ».

Если, однако, предпринимательская сторона отказывалась добровольно итти на уступки, профессиональный союз созывал общее собрание заинтересованных рабочих или их делегатов и ставил на обсуждение вопрос, что же делать дальше. Случалось иногда при этом, что по тщательном обсуждении создавшейся ситуации собрание приходило к выводу о необходимости отложить открытую борьбу до более благоприятного момента. Чаще, однако, собрание решало совсем иначе и постановляло с такого-то числа прекратить работу в предприятии (для действительности этого постановления, принимавшегося тайным голосованием, требовалось обычно большинство трех четвертей голосов присутствующих членов организации).

Постановление собрания в сопровождении соответственного комментария посылалось снова в центральное правление союза, и только по получении оттуда утвердительного ответа, наконец, начиналась стачка.

С первого же момента она попадала в твердые руки союзной организации, строго наблюдавшей за тем, чтобы ни один шаг бо-

рющейся массы не мог послужить к ослаблению ее боеспособности. В течение всего времени борьбы организация поддерживала строгую дисциплину среди стачечников, созывала их на регулярно происходящие собрания, контролировала их поведение и выдавала им денежное пособие, предписанное уставом союза. В большинстве германских профессиональных организаций предвоенного времени высота этого пособия колебалась в среднем между 12—15 марками (6—7 рублей) в неделю на человека, причем на каждого ребенка выдавалось обычно сверх того еще по одной марке еженедельно.

Если течение стачки оказывалось для рабочих благоприятным (местное правление обязано было еженедельно отсылать в центр подробный отчет о положении дел), то по прошествии некоторого времени во вражеском лагере начинали обнаруживаться довольно явственные колебания. Предпринимательская сторона постепенно приходила к выводу, что дальнейшее упорство становится для него нецелесообразным и что гораздо выгоднее пойти с рабочими на мировую. В этот момент на горизонте обычно появлялись так называемые «беспартийные» третьи лица (очень часто в качестве третьих лиц выступали председатели промысловых судов, бургомистры, видные муниципальные советники и т. д.) и созывали представителей обеих борющихся сторон на совместное совещание. После довольно продолжительных и горячих дебатов обе стороны делали некоторые взаимные уступки (кто больше—зависело, конечно, от общей боевой ситуации) и, в конце концов, вырабатывали проект мирного договора. Проект этот так же, как и при всяком «конфликте без приостановки работ», подвергался голосованию на собрании стачечников, и в случае принятия его последними борьба приходила к своему естественному концу.

Таков был нормальный метод проведения промышленного конфликта местного значения. В случаях конфликтов более крупного масштаба формы несколько менялись, но осторожность в решениях и тщательность в подготовке оставались. Вопрос о крупных конфликтах нередко обсуждался на экстренных с'ездах или конференциях соответственных союзов, а в непосредственном

проведении их принимали участие не только местные работники, но также и члены центрального правления. Строгая организованность — повторяю еще раз — составляла характернейшую черту всех предвоенных экономических конфликтов от самого маленького до самого большого. «Диких» стачек тогда почти не было.

Вторая особенность профессионально-союзной борьбы в предвоенной Германии состояла в чрезвычайной мелкости каждого отдельного экономического конфликта. Так, за период 1890—99 г.г. имели место 3.772 столкновения, в которых приняли участие 425.000 человек,—это дает в среднем 112 человек на один конфликт. В 1900—1912 г.г. разыгралось 27.000 конфликтов с 3.412.000 участников, что дает в среднем 126 человек на один конфликт. Само собой разумеется, что от времени до времени в Германии происходили и очень крупные битвы труда и капитала, охватывавшие многие десятки и сотни тысяч рабочих зараз. Так, например, в 1905 году в Рурской области вспыхнула стачка горнорабочих, в которой приняло участие свыше 200.000 человек; в 1910 году разыгралась крупная борьба в строительной промышленности, причем в приостановке работ участвовало до 150.000 человек; в 1912 году в Рурской области опять бастовали 250.000 рабочих и т. д. Но это были исключения. Как общее правило, немецкие промышленные конфликты отличались крайней незначительностью (они были в 3—4 раза меньше среднего английского конфликта). Данное обстоятельство отнюдь не являлось случайностью. Наоборот, стратеги немецких профессиональных союзов совершенно сознательно стремились поелику возможно локализовать каждое экономическое столкновение, считая, что врага легче бить по частям, чем скопом. Если стачка происходит лишь на одной какой-нибудь фабрике, то всему профессиональному союзу, стоящему за спиной бастующих рабочих, противостоит единичный предприниматель, и в этом случае соотношение сил складывается более благоприятно для рабочих. Предприниматели, с своей стороны, пытались парировать эту тактику профессиональных союзов созданием своих собственных боевых организаций, поддерживавших подвергшегося нападению со стороны рабочих товарища. Постепенно поэтому размах

стачечной борьбы все увеличивался. Однако, еще накануне мировой войны германским профессиональным союзам удавалось довольно последовательно выдерживать свою политику «партизанской» войны против капитала.

Тот же «партизанский» характер сказывался и в системе заключения профессиональными союзами коллективных договоров, начавших быстро распространяться в последнее десятилетие перед войной. Действительно, еще в 1905 году в Германии насчитывалось около трех тысяч коллективных договоров, распространявших свое действие на 500.000 рабочих, а уже в 1921 году число существующих договоров возросло до 12.437, число же затронутых ими рабочих—до 2 миллионов. Таким образом, в среднем на один коллективный договор в 1912 году приходился 161 человек. Немецкие профессионалисты совершенно сознательно стремились заключать мелкие, а не крупные коллективные договоры, потому что крупные договоры, охватывающие большое количество предприятий и многочисленные группы рабочих, естественно организуют и противопоставляют друг другу большие армии труда и капитала. И в случае разногласий между ними делают неизбежными крупные социальные битвы. Профессионалисты же считали для себя более выгодным ведение социальной войны в порядке частичных стычек с отдельными предпринимателями.

Что касается успешности профессионально-союзной борьбы в Германии, то она характеризуется следующими данными. За период 1890—1912 годы имели место всего 30.774 стачки, в которых приняли участие 3,4 милл. рабочих. По исходу своему названные стачки подразделялись так:

Стачки, окончившиеся полным успехом рабочих	52,6%
Стачки, окончившиеся компромиссом	21,6%
Стачки, окончившиеся поражением рабочих	22,7%
Исход неизвестен	3,1%
	100%

Итак, около 3/4 всех конфликтов закончились с известной выгодой для рабочих, причем более половины столкновений закончились даже их полным успехом. Результат крайне ободряющий. В пояснение данной таблицы необходимо заметить, что она

основана на статистике самих профессиональных союзов. Приведенные выше данные об успешности стачек в Англии и приводимые ниже аналогичные данные, касающиеся Франции, почерпнуты из официальных источников, ибо там нет соответственной статистики профессионально-союзного происхождения. Поэтому английские и французские цифры не вполне сравнимы с германскими.

Влияние войны и послевоенной эпохи. Война и послевоенные годы наложили свой отпечаток на область профессиональной борьбы. Начало войны характеризовалось громадным падением стачечного движения: в 1915 г. было зарегистрировано всего лишь 137 стачек с 47.000 участников. Но дальше движение быстро пошло в гору, как об этом свидетельствуют нижеследующие цифры:

Год.	Число стачек.	Число стачечников.
1915 . .	137	47.000
1916 . . .	240	422.000
1917 . . .	561	1.467.000
1918 . . .	531	716.000

В среднем за эпоху войны ежегодно происходило 367 конфликтов с числом участников 663.000. Иными словами, напряженность стачечной борьбы возросла, примерно, в полтора раза по сравнению с предвоенной эпохой, причем средний размер одного конфликта поднялся до 1.800 человек. Несмотря, однако, на обострение стачечной борьбы, расходы профессиональных союзов на поддержку бастующих рабочих колоссально сократились. Действительно, за 1915—1918 годы свободными союзами было истрачено: на взаимопомощь—58,3 милл. марок или 43% всех расходов и на борьбу—1,3 милл. марок или 1 % всех расходов. Цифра 1,3 милл. марок на поддержку стачечников говорит очень много. Она означает, что в годы войны верхи профессиональных союзов, целиком поддерживавшие империалистическую политику своего правительства, отказывались помогать союзными средствами борющимся рабочим. Многочисленные стачки военного времени — это все «дикие» стачки, устраивавшиеся широкими массами вопреки воле официальных руководителей союзов.

Послевоенная эпоха увидала совершенно беспримерное развитие стачечного движения. Действительно, вот что говорят статистические данные:

Год.	Число стачек.	Число стачечников.
1919 . .	3.682	2.724.000
1920	3.693	1.915.000
1921	4.093	1.817.000
1922 . . .	4.348	2.241.000

В среднем в этот период ежегодно происходило 3.954 стачки с 2.174.000 участников. Это дает напряжение стачечной борьбы, примерно, в 5 раз большее, чем в предвоенную эпоху. Средние размеры одного конфликта равняются 550 человек, т. е. в 4½ раза больше, чем до войны, но, примерно, в 3 раза меньше, чем во время войны. Несмотря, однако, на гигантский рост стачечного движения, расходы свободных союзов на борьбу теперь оказываются ниже, чем в эпоху 1891—1914 годов. Действительно, в 1919—1920 годах ими было истрачено: на взаимопомощь—150 милл. марок или 20% и на борьбу—154 милл. марок или 21%. А между тем, например, в 1901—1910 годах при тогдашнем сравнительно низком уровне стачечного движения союзные расходы на борьбу достигали 27%. Относительная скромность стачечных расходов после войны также свидетельствует о многом. Это несомненное доказательство того, что большое количество промышленных конфликтов теперь идет помимо и вопреки воле и благословения профессионально-союзной бюрократии. Та строгая организованность борьбы, о которой мне приходилось говорить выше, теперь разбита, нарушена, отошла в область преданий. Стихия снова властно ворвалась в мир пролетарской борьбы, и виной тому является прежде всего реакционно-соглашательская верхушка немецкого профессионального движения. Она не хочет борьбы, когда интересы рабочих настойчиво требуют борьбы, она хочет мира с капиталом во что бы то ни стало.

Коллективные договоры.

Несмотря, однако, на все эти неблагоприятные условия, экономическая борьба рабочих принесла и приносит им значительные завоевания. Только благодаря ей они в обстановке послевоенной Германии имеют возможность хоть как-нибудь влачить свое существование. Одним из внешних симптомов успешности пролетарской борьбы является колоссальный рост числа рабочих, пользующихся благами коллективного договора. Мы видели, что в 1912 году коллективные договоры охватывали около 2 миллионов рабочих, в 1921 году под действием 11.488 договоров находилось 12,9 миллиона рабочих [1]). За 10 лет сфера распространения коллективного договора увеличилась в 6½ раз, причем и средние размеры договора теперь значительно возрасли: 1 договор приходится на 1.033 человека. Чрезвычайно любопытна классификация всех наличных коллективных договоров по сфере их захвата. Вот какую картину она представляет:

Действие договора распространяется на:	Число договоров.	Число охватываемых ими лиц.	
одну фирму	4.909	1.206.000	(9%)
город.	3.326	967 000	(7%)
округ	3.167	8.610.000	(68%)
государство. . . .	86	2.100.000	(16%)
	11.488	12.883.000	(100%)

Как явствует из приведенной таблицы, в настоящее время наиболее распространенным типом коллективного договора является договор, охватывающий предприятия целого округа. На втором месте за ним стоят договоры общегосударственного типа Значение договоров, распространяющих свое действие только на один город или даже на одну фирму, отодвинулось на задний план. Таким образом, несмотря на всю хитроумную стратегию немецких профессионалистов, логика развития взяла все-таки свое. Борьба труда и капитала неизменно расширяется и принимает все более острый и всеоб'емлющий характер.

1) Statistisches Jahrbuch für d. Deutsche Reich, 1923, стр. 440.

б) Взаимопомощь.

Принципиальные споры. Вопрос о введении взаимопомощи в сферу деятельности профессиональных союзов был решен в Германии далеко не сразу. Правда, печатники и некоторые другие (но очень немногочисленные) отрасли труда с самого начала строили свои профессиональные организации в значительной степени на взаимопомощи. Однако, большинство союзов полагало, что их задачей является только экономическая борьба, взаимопомощь же способна совлечь их с единственно правильной классовой точки зрения. Еще на втором конгрессе профессиональных союзов 1896 года в Берлине между сторонниками и противниками взаимопомощи разыгрались большие дебаты в связи с предложением ввести в союзах пособие на случай безработицы. На одном полюсе стоял печатник Эйхлер, доказывавший целесообразность пособия от безработицы, так как оно прочно привязывает массу членов к организации и облегчает ей условия борьбы за более высокую заработную плату,—на другом полюсе стоял маляр Фрикке, который в своем докладе заявлял, что поддержка безработных противоречит принципам классовой борьбы и лишь отвлекает рабочих от задач окончательного освобождения пролетариата путем социализма. В конечном счете конгресс профессиональных союзов стал на точку зрения Эйхлера и принял следующую резолюцию:

„Имея в виду, что поддержка безработных, независимо от ее гуманитарного характера, обеспечивает отдельным организациям бо́льшую устойчивость состава их членов и что, выплачивая безработным пособие, профессиональные союзы получают возможность влиять на улучшение условий труда, так как этим путем удается если и не устранять совершенно предложение безработными своего труда на условиях оплаты ниже нормальной, то все же значительно сокращать таковое, —второй конгресс германских профсоюзов признает, что этот вид взаимопомощи является значительным, больше того, необходимым фактором развития профессиональных организаций, вместе с тем отнюдь не ведущим к затушевыванию классового и боевого характера этих организаций. Вследствие этого конгресс рекомендует германским профсоюзам везде, где введение пособий от безработицы не наталкивается на внешние препятствия, таковые ввести“.

Приведенная резолюция раз навсегда решила принципиальный вопрос о взаимопомощи, ибо для всякого было очевидно, что пособие на случай безработицы является лишь первым шагом на пути к созданию разветвленной сети и всяких иных пособий мирного характера. И, действительно, в последующие годы принципиальный вопрос о взаимопомощи больше не поднимался. Если на конгрессах 1899 и 1902 годов проблемы взаимопомощи подвергались известному обсуждению, то лишь в плоскости практического их осуществления, главным образом, по вопросу о том, желательно-ли и в какой мере привлечение государства и местного самоуправления к участию своими субсидиями в оказываемой профессиональными союзами помощи безработным.

Развитие взаимопомощи. Параллельно с принципиальным разрешением вопроса шло и его практическое разрешение. В 1892 году пособия при безработице выплачивали только 10 «свободных» союзов из общего количества 62. В 1913 году выплачивали уже 42 союза (из 49).

Но лиха беда начало. За пособием от безработицы постепенно стали вводиться и всякого рода иные пособия. Накануне войны германские профессиональные союзы выплачивали 7 видов различных пособий, относящихся к области взаимопомощи, а именно: от безработицы (42 союза из 49), на случай болезни (44 союза), в случае смерти (43 союза), дорожные деньги безработным (34 союза), помощь в случае переезда (31 союз), помощь в несчастных случаях (42 союза) и помощь в случае инвалидности (8 союзов). Что касается размера пособий, то они сильно различались по отдельным организациям. Для примера можно привести хотя бы союз металлистов, который в случае болезни и безработицы выдавал от 1—1,67 марки (46—80 копеек) в день, в случае переезда—20—40 марок (9—18 рублей), в случае смерти—30—100 марок (14—46 рублей) единовременно; так называемые дорожные деньги равнялись у металлистов одной марке (46 копеек) в день. Приблизительно таковы же были размеры пособий и в других крупных союзах, мелкие союзы платили своим членам несколько меньше. Резко выделялись из числа прочих организаций высотой своих пособий печатники.

О расходах германских союзов на взаимопомощь речь была уже выше (см. стр. 204). Здесь нам достаточно будет отметить что суммы, затрачиваемые «свободными» союзами на дело взаимопомощи, год от году постепенно росли, достигнув накануне войны почти половины (46%) всего их расходного бюджета. Правда, это было значительно ниже, чем в английских союзах, где, как мы знаем, в начале XX века взаимопомощь поглощала свыше ⅔ всех союзных расходов, но ведь надо принять также во внимание, что германские союзы были гораздо моложе британских и не обладали еще такими крупными капиталами, как последние. С полной уверенностью можно утверждать, что основная тенденция развития немецких союзов в предвоенные годы была та же самая, что и у английских, а именно — к постепенному превращению из боевой организации в кассу взаимопомощи Однако, эта тенденция не имела достаточного времени для своего полного выявления. Насколько сильна, однако, она была, может свидетельствовать тот факт, что в 1913 году профессиональные союзы совместно с кооперативами образовали в Гамбурге особое общество «Volksfürsorge» («Народное попечение»), которое задавалось целью страхования рабочих на случай смерти, несчастья, пожара и т. д. Названное общество было создано в целях конкуренции с частными страховыми компаниями («Victoria», «Friedich Wilhelm» и др.), безбожно эксплоатировавшими рабочие массы Задача была весьма почтенная, но она чрезвычайно расширяла сферу взаимопомощи и несомненно еще более притупляла боевой характер профессиональных союзов.

Война и послевоенные годы в связи с общим оппортунистическим перерождением германского профессионального движения способствовали еще более широкому развитию взаимопомощи. В настоящее время нет почти ни одного «свободного» союза, который не выплачивал бы пособий на случай безработицы, болезни и т. д. И так как нынешние вожди немецких профессиональных союзов и принципиально и практически все дальше отходят от линии классовой борьбы, превращаясь в типичных соглашателей-реформистов, то германские профессиональные организации все больше становятся мирными обществами взаимопомощи. В этом

отношении тенденция развития в Англии и Германии в течение послевоенных лет шла в противоположном направлении: в Англии трэд-юнионы все более левели и радикализировались, в Германии же профессиональные союзы все более правели и пропитывались духом оппортунизма. Есть много оснований думать, что процесс реформистского разложения германских союзов в ближайшем будущем не только приостановится, но и превратится в свою собственную противоположность, — но это будет только тогда, когда в них получат руководящее значение коммунисты.

в) Культурно-просветительная работа.

В этой сфере германские союзы всегда резко отличались от английских трэд-юнионов. Созданные социал-демократией и проникнутые духом социализма, они придавали большое значение классовому воспитанию своих членов и вообще рабочей массы. В устах германского профессионалиста совершенно немыслимы были те слова, которые мне пришлось услышать от генерального секретаря «Британской федерации горнорабочих» по вопросу о культурно-просветительной работе (см. выше). И это иное отношение к делу просвещения пролетариата в немецком профессиональном движении сказывалось и сказывается на каждом шагу.

Прежде всего профессиональная печать. В Англии ее почти нет,—в Германии, наоборот, она достигла необыкновенно широкого развития. Как общее правило, каждый союз выпускает свой особый орган, доставляемый бесплатно каждому члену. В 1920 г. из 49 союзных органов 1 выходил 3 раза в неделю (печатников), 32—раз в неделю, 15—раз в две недели и 1—раз в месяц (домашняя прислуга). Но важна не только количественная сторона. И по качеству своему немецкие профессиональные органы всегда стояли очень высоко. Это не просто сборники циркуляров и распоряжений центральных союзных инстанций, а большие и содержательные газеты, освещающие вопросы профессиональной жизни и экономики, но отводящие также достаточно места и политике. Средняя величина № профессионального органа—4—6 больших газетных полосы, но имеются и некоторые исключения. Так, на-

пример, у швейников в номере бывает от 4 до 12 страниц, у хористов—от 12 до 16 стр. и у строительных десятников даже до 20 стр. Кроме газет, издающихся отдельными союзами, имеются еще несколько органов центрального значения. Таков уже упоминавшийся выше «Correspondenz - Blatt», издаваемый «Всегерманской Федерацией германских профессиональных союзов», «Gewerkschaftl. Frauenzeitung» (Профессионально-союзная женск а газета) «Oswiata»—специальный орган на польском языке для польских рабочих и «Operajo Italiano» (Итальянский рабочий)—специальный орган для итальянских рабочих на итальянском языке. Общий тираж всей свободной профессиональной прессы Германии достигает, примерно, 7—8 миллионов экземпляров.

На ряду с прессой немецкие профессиональные союзы всегда обращали большое внимание на дело пропаганды и подготовки толковых работников для надобностей профессионального движения. Так, в предвоенные годы в Берлине ими была устроена центральная профессиональная школа, а во всех более крупных провинциальных центрах — местные профессиональные курсы, на которых проходили необходимую умственную тренировку будущие работники профессионального движения. С 1906 по 1914 г.г. через такие школы и курсы прошло около 1.400 участников, командированных различными профессиональными организациями.

В области пропаганды более широкого масштаба профессиональные союзы всегда действовали совместно с социал-демократической партией. В этих видах в предвоенные годы по всей стране был образован ряд так называемых «местных образовательных комитетов», составленных поровну из представителей партии и профессиональных союзов и совместно ими содержимых. В 1913 г. таких образовательных комитетов было 364, об'единенных «Центральным образовательным комитетом» в Берлине, построенным на тех же основаниях, что и местные. Эта густая сеть образовательных учреждений развила чрезвычайно широкую деятельность. Образовательные комитеты устраивали лекции, систематические пропагандистские курсы, литературные и музыкальные вечера, научно-популярные экскурсии, выставки стенных украшений и картин, библиотеки, клубы и т. п. Вместе

с тем они входили в соглашение с существующими в немецких городах театрами, откупали у последних специальные представления для рабочих или же гарантировали себе определенное количество билетов на обычных представлениях. Распространение театральных билетов шло обычно через профессионально-союзную организацию. Этого мало. В Берлине при энергичном содействии со стороны профессиональных союзов возникло особое рабочее общество «Neue Freie Volksbühne» (Новый свободный народный театр), которое накануне войны выстроило большой оборудованный по последнему слову техники театр и приступило к организации собственной труппы.

К сфере культурно-просветительной работы профессиональных союзов необходимо отнести также и их участие в юношеском движении. В предвоенные годы вся страна на ряду с образовательными комитетами была покрыта также и «Комитетами юношеского движения», в которых принимали участие представители партии, профессиональных союзов и рабочей молодежи. Юношеские комитеты развивали также весьма широкую политико-воспитательную работу, при том сильно окрашенную в анти-милитаристские цвета. И профессиональные союзы энергично ей содействовали деньгами, помещениями, предоставлением необходимых работников и т. д.

Описанная культурно-просветительная работа в основных чертах продолжается немецкими профессиональными союзами вплоть до настоящего дня, хотя справедливость требует сказать, что в послевоенные годы она значительно ослабела. Конечно, идеологическое содержание этой работы нас никак не может удовлетворить. Если в предвоенные годы реформистский уклон и в профессионально-союзной печати, и в деятельности школ, образовательных и юношеских комитетов сказывался еще не так резко, то в послевоенную эпоху реакционный характер той «культуры», которую немецкие профессиональные союзы сейчас прививают своим членам, не подлежит ни малейшему сомнению. Дело коммунистов, работающих в профессиональном движении, оказывать идеологическое противодействие этому развращению рабочих масс. С завоеванием коммунистами власти в профессио-

нальных союзах идеологическое содержание культурно-просветительной работы должно будет весьма радикально измениться. За всем тем все-таки необходимо констатировать, что германское профессиональное движение всегда выгодно отличалось от английского пониманием громадной важности политического и культурного воспитания своих членов и в меру своих материальных и идеологических возможностей осуществляло на практике эту задачу.

III. Профессиональные союзы и политика.

Тесная связь проф. союзов с партией.

Из предыдущего ясно, что вопрос об отношении профессиональных союзов к политике в Германии был гораздо проще, чем в Англии. Поскольку эти союзы являлись в большей части созданием различных политических партий, не могло быть непроходимой пропасти между ними и политикой. Даже те из немецких союзов, которые, подобно гиршдункеровским, особенно настойчиво подчеркивали свою политическую «нейтральность», на практике всегда поддерживали более близкую им политическую партию, в данном случае прогрессистов. Тем меньше какого-либо отвращения или недоверия к политике должны были обнаруживать «свободные» профессиональные союзы. И, действительно, на протяжении всей их более чем полувековой истории они всегда признавали принципиально необходимость участия в политике и всегда же осуществляли это принципиальное признание на практике. Попытка столяра Иорка, о которой говорилось выше, создать единое, независимое от политических партий профессиональное движение, кончилась полным крахом. Да и сам Иорк меньше всего думал о полном отказе от всякой политической деятельности. Он только хотел избежать партийной раздробленности профессиональных союзов и создать из них единый организм, который, конечно, как целое, должен был бы иметь некоторое определенное мнение по всем важнейшим вопросам политики и влиять на последнюю в желательном для него направлении.

Конкретно вопрос об отношении профессионального движения к политике выливался для «свободных» союзов в вопрос об

их отношении к социал-демократии. И здесь мы можем отметить три различных периода.

Первый период: преобладание партии.

Первый период захватывает, примерно, все первое двадцатипятилетие существования профессионального движения, т. е. 1865—1890 г.г. Этот период характеризуется безусловным преобладанием в мире рабочего движения его политической струи. В партии существует широко распространенное мнение, что момент социальной революции близок и что поэтому все ее внимание должно быть сосредоточено на задачах борьбы за конечные цели, за социализм. Борьба за интересы сегодняшнего дня, разумеется, допускается, но она стоит на втором плане. В этот период профессиональные союзы рассматриваются, как подсобная к партии организация, при чем в особенности у лассальянцев проявляется довольно откровенное стремление использовать их просто для целей политической борьбы.

Несмотря, однако, на столь служебный взгляд на профессиональные союзы, социал-демократы все больше приходят к выводу, что было бы нецелесообразно связывать профессиональные союзы определенной политической программой. Лассальянцы попытались было это сделать, но созданные ими профессиональные организации быстро захирели и распались. Наоборот, марксисты считали более правильным придавать профессиональным союзам внешние формы нейтральности, т. е. допускать в их ряды всякого рабочего, независимо от его политических или религиозных убеждений. Этот последний взгляд обосновывался двумя причинами.

Первая вытекала из общих политических условий Германии. По существовавшим тогда законам политические об'единения связаны были целым рядом весьма сложных и трудно преодолимых формальностей, каковых не существовало для организаций экономических. Особенно остро стоял вопрос о создании политических об'единений в общегосударственном масштабе. Так как для профессиональных союзов очень важна была максимальная концентрация сил, то им было крайне невыгодно принимать характер «политических организаций».

Вторая причина была совсем иного рода. Социал-демократы с самого начала рассматривали союзы, как «школу социализма». С этой точки зрения, было нецелесообразно закрывать доступ в союз малосознательным элементам пролетариата, ибо тогда он терял бы характер «школы социализма», а требовать от каждого вступающего признания определенной политической программы и значило, по существу, отбрасывать широкую пролетарскую массу. В итоге уже в 70-х г.г. германские союзы приобрели ту печать внешней нейтральности, которая осталась у них в полной неприкосновенности вплоть до настоящего дня.

Второй период: борьба проф. союзов за равноправие с партией.

Второй период в отношениях между партией и союзами начался, примерно, после падения исключительного закона против социалистов, т. е. с 1891 года, и закончился в 1906 г. Этот период можно охарактеризовать, как период борьбы свободных профессиональных союзов за свое равноправие с партией. В основе названной борьбы лежали три обстоятельства. Во-первых, конец прошлого и начало нынешнего столетия рассеяли прежнюю уверенность социал-демократии в непосредственной близости пролетарской революции. Поскольку пришествие социализма переносилось на более отдаленные сроки, постольку неизбежно на первый план должны были выступать более мелкие вопросы сегодняшнего дня. Тем самым создавалась предпосылка для роста значения профессиональной борьбы, для завоевания ею более высокой оценки в глазах партии. Во-вторых, конец прошлого и начало нынешнего столетия ознаменовались мощным развитием профессиональных организаций. В 1891 году свободные союзы насчитывали 278.000 членов, а в 1906 году — уже 1.690.000. В еще гораздо большей степени, как мы знаем, возросло их финансовое могущество. Чрезвычайное усиление профессиональных союзов естественно порождало в их руководителях «великодержавные стремления», желание выйти из того зависимого по отношению к партии положения, в каком профессиональные организации находились до 1890 г. В третьих, вторая половина 90 годов ознаменовалась открытым выступлением ревизионистов во главе с Э. Бернштейном, стремившихся к оппортунисти-

ческому извращению учения Маркса. Ревизионисты нашли особенно благоприятную почву для себя в рядах профессионально-союзной бюрократии, между тем как руководящие круги партии в то время были еще противниками оппортунизма. В борьбе между правым и левым крылом социал-демократии, ревизионисты, теснимые радикальным партийным большинством, стремились найти опорную точку в союзах, тем самым обостряя отношения между обеими ветвями рабочего движения.

Отсюда вытек тот затяжной конфликт между партией и профессиональными союзами, который захватывает весь период 1891—1906 годов. Первое столкновение произошло еще на профессиональном конгрессе 1892 года в Гальберштадте. Там, как мы уже упоминали, шла борьба между сторонниками централизации и децентрализации профессионального движения. Большинство конгресса во главе с Карлом Легином высказывалось за создание больших централизованных профессиональных союзов, меньшинство, так называемые «локалисты», отстаивали независимость местных союзов, допуская лишь слабую связь между ними через особых уполномоченных. Конгресс решил в пользу централизации, но влиятельные партийные круги сильно покровительствовали «локалистам», так как в политическом смысле они были настроены гораздо революционнее, чем централисты. Когда же Гальберштадтский конгресс создал «Генеральную Комиссию», в партии обнаружилось большое недовольство: многие считали, что «Генеральная Комиссия» явится учреждением, конкурирующим с Центральным Комитетом партии и потому лишь ослабляющим ударную силу пролетарского движения. Благодаря противодействию партии второй конгресс профессиональных союзов, назначенный на 1895 год, своевременно не мог состояться и был созван только в 1896 году. На этом втором конгрессе вопрос об отношении партии к союзам вновь возбудил горячие прения, причем наиболее заядлые профессионалисты договаривались на нем до того, что профессиональные союзы «суверенны и не нуждаются в советах и опеке с чьей-либо стороны» [1]. Несмотря

[1] См. К. Цвинг, Германские профессиональные союзы, стр. 85.

на сильную оппозицию со стороны защитников партийного верховенства, большинство конгресса высказалось за независимость профессиональных союзов от партии. Споры о взаимоотношениях партии с союзами продолжались и в последующие годы, причем они особенно заострились на вопросе о праздновании 1 мая и о всеобщей стачке. Партия настаивала на ознаменовании 1 мая всеобщей однодневной забастовкой. Вожди профессиональных союзов, наоборот, доказывали, что устройство майских забастовок, имеющих своим последствием очень часто локауты и другие репрессии со стороны предпринимателей, нецелесообразно. Поэтому они предлагали праздновать 1 мая вечерними массовыми собраниями или переносить его на ближайшее воскресенье.

Еще резче вскрылись разногласия по вопросу о массовой стачке. В начале XX столетия в рядах германской социал-демократии стало явственно обнаруживаться расслоение на правое и левое крыло. Левое крыло, указывая на то, что громадная избирательная победа социал-демократии в 1903 году [2]) не принесла никаких реальных результатов в политике и в законодательстве, настаивало на необходимости перейти от методов мирной парламентской борьбы к комбинации методов парламентаризма с методами революционного прямого действия. В связи с этим левое крыло рекомендовало применение массовой политической стачки. Русская революция 1905 года, главным оружием которой явилась также всеобщая стачка, дала новый и чрезвычайно сильный аргумент в руки левого крыла социал-демократии. Особенно энергично всеобщую стачку защищала Роза Люксембург. Партийный центр с Каутским и Бебелем во главе также обнаруживали известный уклон влево, и под их влиянием очередной с'езд социал-демократии в 1905 году в Иене принял резолюцию, в которой он рекомендовал «в подходящих случаях самое широкое применение массового прекращения работ».

Наоборот, вожди профессиональных союзов относились к пропаганде всеобщей стачки крайне отрицательно. Они считали

---

[2]) Социал-демократия получила в 1903 году 3.011.000 голосов и провела 81 депутата. По количеству голосов она стала первой партией в стране.

ее опасной утопией, которая при попытке своего осуществления может вызвать репрессии со стороны властей и разрушить построенную ими профессионально-союзную организацию. Им совершенно не приходило в голову то соображение, что революционный под'ем, который вызвала бы широкая массовая стачка, мог с лихвой компенсировать все те потери, которые профессиональные союзы понесли бы от правительственных репрессий. Поэтому на пятом конгрессе профессиональных союзов в Кельне, состоявшемся также в 1905 году, принята была резолюция, в которой заявлялось, что «конгресс не считает нужным обсуждать идею всеобщей стачки, которую защищают анархисты и люди, лишенные всякого опыта в области экономической борьбы».

Как видим, отношения между партией и союзами достигли весьма серьезной степени обострения, при чем партия не только в споре о массовой стачке, но и по ряду других вопросов представляла более революционную, а союзы—более оппортунистическую точку зрения. Чтобы избежать полного раскола, необходимо было принимать срочные меры к ликвидации конфликта. Действительно, меры эти были приняты, при чем победителями оказались... профессиональные союзы. В феврале 1906 года было созвано совещание из членов Центрального Комитета партии и «Генеральной Комиссии», на котором Бебелю от лица партии пришлось пойти на целый ряд уступок профессионалистам. А на следующем мангеймском с'езде социал-демократии в 1906 г., с'езде происходившем уже после разгрома нашего декабрьского восстания и роспуска первой Думы, была принята резолюция, в которой говорилось:

„Профессиональные союзы безусловно необходимы для улучшения классового положения рабочих в пределах буржуазного общества. Они не менее важны, чем социал-демократическая партия... Обе организации должны прибегать в своей борьбе к взаимным соглашениям и совместным действиям".

По вопросу же о массовой стачке в резолюции указывалось:

„Как только Центральный Комитет партии признает наличность необходимости в политической массовой стачке, он должен войти в сношения с „Генеральной Комиссией" профессиональных союзов и принять все меры для успешного проведения этого действия".

Иными словами, в Мангейме союзы добились признания своего равноправия с партией и фактически поставили вопрос об устройстве массовой стачки под свой контроль.

Третий период: преобладание профсоюзов.

Начиная с 1906 года, открывается третий период во взаимоотношениях между партией и союзами, продолжающийся вплоть до настоящего дня. Этот период характеризуется громадным ростом влияния профессиональных союзов, все больше перерастающим влияние партии. Социал-демократия, постепенно пропитывающаяся настроениями и идеологией оппортунизма, уже больше не играет первой скрипки в мире пролетарского движения. Фактически руководящая роль все больше переходит к вождям профессиональных союзов. Это особенно отчетливо выразилось в разрешении спора о праздновании 1 мая. В 1907 году состоялось соглашение между Центральным Комитетом с.-д. партии и «Генеральной Комиссией», по которому проведение маевки было возложено на местные картели и местные партийные комитеты, определявшие формы и характер празднования. Практически это означало, что устройство майской стачки ставилось в зависимость от согласия профессиональных союзов. Профессиональные же союзы на своем гамбургском конгрессе в 1908 году признали достаточным постановить о желательности «достойных» форм празднования 1 мая. В конечном результате в предвоенные годы майские стачки прекратились. Обычно в день 1 мая организовывались вечерние собрания, а кое-где инсценировались демонстрации в ближайший праздничный день. Равным образом профессиональные союзы оказали решающее влияние и в критический момент об'явления мировой войны. Именно их резко шовинистическая позиция сыграла роль гири, перетянувшей 4 августа 1914 года (день первого голосования социал-демократии за военные кредиты) чашу весов социал-демократии в пользу поддержки империалистической войны. Профессионально-союзные верхи продолжали играть доминирующую роль как во время войны, так и по ее окончании. Но сейчас, по совести, трудно сказать, кто более виноват—партия или союзы—в том глубоком разложении, которое переживает германское рабочее движение. Ибо

и та и другие обнаруживают поистине редкое единодушие в предательстве интересов пролетариата и в поддержке шатающегося господства буржуазии.

Послевоенная эпоха.

Впрочем, в отношениях между партией и профессиональными союзами в послевоенную эпоху можно отметить один новый момент. Десятый конгресс профессиональных союзов 1919 года принял резолюцию, в которой, между прочим, говорится следующее:

„Десятый конгресс профессиональных союзов в Германии заявляет, что задачей союзов является об'единение всех наемных рабочих с целью единой сплоченной борьбы для защиты их экономиче
ресов, независимо от идеологических или религиозных убеждений каждого отдельного рабочего. Мангеймское соглашение с социал-демократической партией в Германии от 1906 года, требующее совместных действий обоих руководящих центров в вопросах, касающихся общих интересов рабочего класса, преследовало цель повысить боеспособность пролетариата путем устранения трений между профессиональным и политическим крыльями рабочего движения. Это соглашение не затрагивало политической нейтральности профессиональных союзов по отношению к их членам. Но это соглашение исходило из предположения наличия единой организации, представляющей политические интересы германских рабочих. Подобная предпосылка ныне отсутствует. Раскол социал-демократической партии [1]) угрожает также единству и сплоченности германских профессиональных союзов. Вследствие этого конгресс профессиональных союзов стоит перед необходимостью заявить о нейтральности профессиональных союзов по отношению к политическим партиям. Борьба политических течений среди рабочих не должна ослаблять боевую силу проф. союзов, как организации защиты экономических интересов рабочего класса".

Итак, отныне профессиональные союзы заявляли совершенно официально о своей нейтральности по отношению к политическим партиям во имя сохранения мощи профессионального движения для защиты экономических интересов пролетариата. Последующие годы с несомненностью доказали, что приведенная резолюция является не больше, как сплошным лицемерием, имеющим целью ввести в заблуждение широкие рабочие массы. Ибо

[1]) В 1919 г. кроме официальной социал-демократии существовала еще „независимая" социал-демократия.

на практике профсоюзные верхи в течение всего послевоенного периода отнюдь не обнаруживали действительного нейтралитета по отношению к политическим партиям, представляющим различные группы пролетариата. Так, в период раздельного существования официальной социал-демократии и независимой социал-демократии они неизменно поддерживали более правую официальную социал-демократию. А затем, когда независимая социал-демократия вернулась в лоно официальной (в 1922 году) и стала явственно усиливаться коммунистическая партия, профсоюзные верхи повели жестокую борьбу против коммунистов. Коммунисты ни минуты не думали о расколе профессиональных союзов. Наоборот, памятуя о трудностях экономической борьбы, которую теперь приходится вести с все более об'единяющимся капиталом, они энергично поддерживали единство проф. организаций, оставляя за собою лишь право пропаганды своих взглядов среди членов союзов. Таким образом коммунисты действовали вполне в духе резолюции десятого профсоюзного с'езда, заявлявшей, что «борьба политических течений среди рабочих не должна ослаблять боевую силу профессиональных союзов». И, однако, профсоюзные верхи прилагали и прилагают максимальные усилия к тому, чтобы выбросить коммунистов из профессионального движения, чтобы заставить их расколоть союзы и образовать свои собственные параллельные профорганизации. И если этого до сих пор не случилось, то исключительно лишь потому, что германские коммунисты, следуя указаниям Коминтерна, считают своим священным долгом охранять единство и целостность союзов.

Подводя итоги взаимоотношениям между партией и профессиональными союзами на протяжении всей истории их развития, можно констатировать, что, несмотря на отдельные трения и столкновения между ними, несмотря на большее преобладание то одной, то другой ветви рабочего движения, германскому пролетариату удавалось поддерживать известное равновесие между двумя важнейшими формами своей организации. В этом отношении немецкое рабочее движение оказалось гораздо более счастливым, чем английское, которое мы уже знаем, и чем французское, к рассмотрению которого мы сейчас перейдем.

ФРАНЦИЯ.

Экономика.

Особенности капиталистического развития Франции.

Капиталистическое развитие Франции по типу и характеру своему значительно отличается от капиталистического развития Англии и Германии. Сущность этого отличия состоит в следующем. В XVIII веке , в ту эпоху, когда основной формой капитализма являлся *торговый капитализм,* Франция занимала первое место в Европе. Она далеко превосходила в этом отношении не только мелкие и средние немецкие государства, не только австро-венгерскую империю, но и Англию. Ибо в XVIII веке Франция обладала многочисленным населением (в эпоху революции оно исчислялось в 25 миллионов человек), сильным развитием ремесла, наличием могущественного феодального дворянства и богатой городской буржуазии, т. е. целым рядом условий, которые являлись предпосылкой крупного роста торгового капитала. Однако, в XIX веке положение радикально изменилось. С изобретением паровой машины основной формой капитализма стал *промышленный* капитализм, основными предпосылками которого были наличие в стране достаточных запасов угля и железа. Франция в данном отношении оказалась обделенной природой. Правда, в железе она не нуждалась, — имеющиеся в ее границах запасы железной руды представляют собой около половины всех запасов железной руды в Европе. Но зато каменного угля в недрах Франции находится очень мало. До 1918 года угольные запасы Франции исчислялись, примерно, в 16—17 миллиардов тонн против 200 миллиардов тонн в Англии и свыше 400 миллиардов тонн в Германии. Недостаток

угля оказал роковое влияние на развитие капитализма во Франции в XIX веке. Капитализм в ней, конечно, постепенно развивался и, как увидим ниже, к началу XX века достиг довольно значительных размеров, но он сильно отставал в темпе своего поступательного движения вперед не только от Германии и Соединенных Штатов, но и от Англии. В конечном итоге предвоенная Франция, как капиталистическая держава, значительно уступала трем названным странам. Война и послевоенная эпоха мало изменили сложившееся положение. Правда, после захвата Эльзас-Лотарингии, Саарского бассейна и Рура Франция получила необходимые об'ективные предпосылки для мощного развития промышленного капитализма, но пока эти предпосылки остаются только предпосылками и лишь в слабой степени оказали влияние на структуру французского народного хозяйства.

Относительная слабость промышленного капитализма имела своим последствием развитие во Франции совершенно своеобразной формы капитализма, не имеющей себе прецедента ни в одной другой стране. Это — капитализм, который, пожалуй, правильнее всего будет назвать *ростовщическо-финансовым* капитализмом. Накопляемый в каждой стране капитал, естественно, ищет себе какого-нибудь выгодного приложения. В Англии и Германии он в большей своей части уходил в промышленность, в Соединенных Штатах — в промышленность и крупное капиталистически поставленное сельское хозяйство. Во Франции не было ни мощной промышленности, ни капиталистически поставленного крупного сельского хозяйства. Французская промышленность носила и продолжает носить мелко-капиталистический, полуремесленный характер и в силу отсутствия угля до самого последнего времени не могла быть перестроена на крупно капиталистических основаниях. Французское сельское хозяйство находится в руках «крепкого», но многочисленного крестьянства, усевшегося весьма прочно на земле после Великой Французской Революции, и тоже не могло быть переделано на крупно-капиталистический образец. В результате накоплявшийся капитал искал себе иных форм приложения и нашел их в широком развитии международно-ростовщических операций.

Франция стала банкиром различных стран и государств, которым она за соответствующий процент ссужала нужные им деньги а парижская биржа превратилась во всемирную ростовщическую контору, в которой под достаточный залог можно было получить неограниченное количество капитала. Особенно излюбленной формой этих ростовщических операций были государственные займы. Франция в предвоенные годы в широких размерах снабжала деньгами царскую Россию, султанскую Турцию, Китай и некоторые другие государства. Кроме того она финансировала займы муниципальных учреждений, железнодорожных и транспортных компаний, промышленных предприятий и т. д. за пределами своей территории. В общей сложности сумма французского капитала, вложенного за границей, накануне мировой войны достигала, примерно, 40 миллиардов франков (около 16-ти миллиардов рублей). Данное обстоятельство, в свою очередь, влияло и на экономическое развитие Франции и на характер ее буржуазии. Благодаря систематическому уходу накопляемого капитала из Франции, еще более тормозился в ней рост промышленного капитализма. А привычка без всяких усилий, без затраты энергии и инициативы получать обеспеченные проценты вырабатывала во французской буржуазии известную пассивность и неподвижность в деловых отношениях. Французский буржуа в среднем гораздо менее смел и предприимчив в области экономики, чем буржуа английский, немецкий или американский.

Чрезвычайно важной особенностью французского ростовщическо-финансового капитализма является его тесная связь с широкими массами населения. Парижской бирже удалось вовлечь в свои операции не только крупную буржуазию, не только интеллигенцию и так называемые «средние слои», но также многие миллионы крестьян, ремесленников и даже рабочих. Во Франции с давних пор стало бытовым явлением, что «маленький человек», скопив несколько десятков или сотен франков, вкладывает их в те или иные процентные бумаги. Идя ему навстречу, парижская биржа выпускает эти бумаги в самых дробных купюрах. Поэтому каждая столичная консьержка, каждый провинциальный лавочник, каждый зажиточный крестьянин всегда имел и до сих пор

имеет на руках значительное количество различных займов, акций, облигаций и иных документов ростовщическо-финансового капитала. В какой мере «демократизирована» во Франции биржевая игра, может иллюстрировать тот факт, что бумаги царских займов находятся в руках приблизительно 1.300.000 человек. Это вовлечение широких слоев населения в биржевые операции имеет для французской буржуазии троякую выгоду. Во-первых, оно способствует концентрации в руках банковских дельцов всей суммы накопляемых во Франции капиталов, вплоть до последнего сантима деревенской старухи. Во-вторых, оно открывает перед ними возможность сваливать на чужие плечи весь риск от их подчас весьма азартных финансовых операций. И, наконец, в третьих, оно устанавливает тесную зависимость широких масс мелкой буржуазии от магнатов французской плутократии, чем последние чрезвычайно широко пользуются в политических целях. С фактами, иллюстрирующими это утверждение, мы познакомимся в дальнейшем изложении.

Современный французский капитализм.

После этих общих замечаний об особенностях капиталистического развития Франции обратимся к фактам и цифрам, характеризующим нынешний уровень этого развития.

Профессиональный состав населения, согласно данным переписи 1911 года, представляет следующую картину:

	Число занятых лиц в тысячах.	В %%.
Сельское хозяйство и рыболовство . . .	8.517	40,7
Промышленность и горное дело . . .	7.486	35,8
Торговля и транспорт.	2.053	9,8
Гражданская служба, свободные профессии.	1.225	5,9
Домашняя прислуга	929	4,4
Армия и флот.	721	3,4
	20.931	100

Как видим, Франция уже гораздо более сельско-хозяйственная страна, чем Англия, где в сельском хозяйстве занято лишь 12% населения, и Германия, где от сельского хозяйства живут лишь 27% населения. В промышленности, транспорте и торговле

во Франции занято 45% населения против 52% в Германии и 70% в Англии. В частности,—и для нас это представляет особый интерес—во Франции в 1911 году насчитывалось 8,3 милл. работающих по найму, т. е. пролетариев, против 14 милл. в Германии и 12 милл. в Англии. Из этих 8,3 милл. пролетариев 5,1 были заняты в промышленности. Ясно таким образом, что Франция накануне мировой войны представляла собой страну, значительно менее развитую в капиталистическом отношении, чем Англия и Германия.

Городское и сельское население. Их соотношение равным образом подтверждает только что высказанную мысль. По переписи 1921 года во Франции насчитывалось:

Городского населения . . .	18,2 милл.	46,4%
Сельского населения . . .	21,0 милл.	53,6%

Напротив, в Германии городское население составляет 62,5% а в Англии даже 78%. Разница и здесь далеко не в пользу Франции.

Сельское хозяйство. Сельское хозяйство во Франции играет бо̀льшую народно-хозяйственную роль, чем в Англии и в Германии. В 1909—1913 годах посевная площадь Франции достигала 16,2 милл. гектаров против 18,1 милл. в Германии и 5,7 милл. в Англии. Война и послевоенная эпоха тяжело отразились на французском сельском хозяйстве, так что в 1921 году его посевная площадь опустилась до 13,3 милл. гектаров. Тем не менее даже и после войны во Франции приходится посевной площади в среднем на одну душу населения 0,33 гектара против 0,22 гектара в Германии и 0,12 гектара в Англии. Весьма интересны и для дальнейшего изложения небесполезны данные о структуре французского сельского хозяйства. В 1908 году картина была такая:

	Число хозяйств в тысячах.	Площадь в тысяч. гектаров.
До 1 гект.	2.088	1.228
От 1—10 гект. . . .	2.524	11.559
„ 10—40 „ . . .	746	14.825
„ 40—100 „ . . .	118	16.270
Св. 100 гект.	29	
	5.505	43.884

Таблица эта очень показательна, ибо оказывается, что мелкое крестьянство (первые две группы), составляя 90% всех хозяйств, располагает 29% всей площади, а крупное крестьянство и помещики (последние две группы), обнимая меньше 3% хозяйств, имеют в своем распоряжении 37% всей площади. Таким образом социальное расслоение в среде французского сельского хозяйства уже в предвоенные годы достигло довольно высокого уровня.

Уголь и железо. В области тяжелой индустрии Франция совершенно несравнима с Англией и Германией. Действительно, добывание *угля* во Франции в 1913 году достигло 41 миллиона тонн против 280 милл. тонн в Англии и 274 милл. тонн в Германии. Во время войны, благодаря занятию немцами северных департаментов Франции, где расположено значительное число угольных копей, добывание черного топлива сильно пострадало, дойдя в 1915 году до низшей точки—19,5 милл. тонн. Затем оно стало постепенно подыматься, особенно в послевоенные годы, и в 1922 году достигло 32 милл. тонн, т. е. все-таки на 20% ниже, чем в довоенные годы. Однако, еще отчетливее выступит слабость французской угольной промышленности, если мы вспомним, что в 1920 году во Франции в среднем на одну душу населения добывалось в год 40 пудов угля против 252—в Германии и 311—в Англии.

Не иначе и в области металлургии. В 1913 году во Франции было добыто 5,2 милл. тонн *чугуна* против 10,4 милл. в Англии и 16,8 милл. тонн в Германии. Во время войны выплавка чугуна сильно упала, дойдя в 1915 году до 0,6 милл. тонн. В послевоенные годы она стала постепенно подыматься и в 1922 г. дошла до 5,1 милл. тонн. Что касается *стали,* то в 1913 году ее было выплавлено 4,7 милл. тонн, в 1915 г.—1,1 милл. и в 1921 г.—3,4 милл. тонн. Независимо от колебаний в выплавке указанных металлов на протяжении минувшего десятилетия, совершенно очевидно, что и здесь Франция далеко отстает от Англии и Германии (даже послевоенной). Действительно, в 1920 году в среднем на одну душу приходилось:

	Чугун	Сталь
	(в пудах).	
Франция	5,4	4,8
Германия	5,8	8,0
Англия	10,7	12,1

Транспорт. В отношении железнодорожного транспорта Франция поставлена лучше, чем Англия и даже Германия. В 1922 году во Франции насчитывалось всего 41.000 километров железных дорог, что дает в среднем 10,5 километра на 10.000 населения против 10 километров в Германии и 7,6 клм. в Англии. Зато на море Франция гораздо слабее. Водоизместимость ее торгового флота в 1923 году равнялась 3,7 милл. тонн против 19,1 милл. тонн Великобритании и 15,7 милл. тонн Соединенных Штатов. Франция по размерам своего флота занимает сейчас третье место в мире. Нынешний торговый флот Германии, насчитывающий 2,6 милл. тонн водоизместимости, значительно уступает французскому, но ведь нельзя забывать, что по Версальскому договору Германия была насильственно лишена 90% своего довоенного флота.

Внешняя торговля. И в довоенные годы, и сейчас внешняя торговля играет крупную роль в народно-хозяйственной жизни Франции. Так, в 1912 году общий оборот французской внешней торговли достиг 14,8 миллиарда золотых марок против 16,2 миллиарда Соединенных Штатов, 21,3 миллиарда Германии и 27,4 миллиарда Англии. По размерам внешней торговли Франция тогда стояла на 4-м месте, доля ее участия в мировом товарообороте составляла 8,8%. Сейчас по размерам своей торговли она передвинулась на 3-е место в мире, обогнав Германию. Более точные сведения о переменах, происшедших в этой области, могут дать следующие цифры:

	1913 г.	1921 г.
	(в миллиардах франков).	
Ввоз во Францию	8,4	23,5
Вывоз из Франции	6,9	21,6
	15,3	45,1

Таким образом, размеры внешней торговли Франции как будто бы сильно увеличились. Но это, разумеется, лишь иллюзия, об'ясняемая сильным падением французской валюты. Если мы сравним размеры внешней торговли Франции за указанный период не по формальной ценности, а по весу продуктов, то получим совсем другую картину:

	1913 г.	1921 г.
	(в миллиардах	франков).
Ввоз во Францию . . .	44,2	22,1
Вывоз из Франции. . .	38,0	16,0
	82,2	38,1

Как видим, реально размеры внешней торговли Франции сократились более чем вдвое, и в этом сказывается результат империалистической войны. Чтобы более наглядно представить роль внешней торговли во французской экономике, напомню читателю, что, как выше уже упоминалось, в 1912 году годовой оборот внешней торговли при расчете на одну душу населения составлял: во Франции 143 рубля, в Германии—163 руб. и в Англии—293 руб.

В высшей степени любопытно строение внешней торговли Франции. В 1921 году оно представляло следующую картину:

	Ввоз.	Вывоз.
Сырье	52,6%	23,1%
Пищевые продукты	26,4%	9,0%
Готовые изделия	21,0%	59,4%
Почтовые посылки	—	8,5%
	100%	100%

Из приведенных цифр явствует, что 79% французского ввоза падает на сырье и пищевые продукты и только 21%—на готовые изделия. Что касается вывоза, то здесь 60—70% приходится на долю готовых изделий и около 30% на долю сырья и пищевых продуктов. По структуре своей внешней торговли Франция приближается к странам высокоразвитого капитализма.

Суммируя все вышеприведенные данные, характеризующие экономику Франции, неизбежно приходишь к выводу, что эта

страна относится к числу великих капиталистических держав. Однако, степень развития капитализма в ней значительно уступает степени развития в Германии и Англии, но далеко превосходит степень его развития в таких странах, как Италия, Австрия, довоенная Россия и т. д.

Структура промышленности. Что касается структуры французской промышленности, то она, в отличие от германского и даже английского образцов, характеризуется безусловным преобладанием мелкого производства. Конечно, и во Франции имеется известное число крупных и даже гигантских предприятий в области горного дела, металлургии и оружейной промышленности (достаточно вспомнить знаменитую фирму Шнейдер-Крезо), однако, не они являются типичными для господствующих в стране отношений. Типичными, наоборот, являются те десятки и сотни тысяч мелких фабрик, карликовых заводиков, полуремесленных мастерских и т. п., на которых собственно и стоит французская промышленность. Громадное распространение имеет также кустарное производство (напр., в изготовлении текстильных товаров, кружев, предметов роскоши и т. д.). Для иллюстрации мелкости французской промышленности достаточно привести след. любопытный пример. В 1921 г. в угольной промышленности Франции имелось 624 самостоятельных фирм, занимавших 224 тыс. рабочих и добывших 29 милл. тонн черного топлива. В среднем это дает на 1 фирму 360 рабочих и 46.000 тонн угля в год. Соответственные средние цифры для Англии в 1920 г. были: на 1 фирму 900 рабочих и 153.000 тонн угля. Итак, примерно, в три раза больше, чем во Франции. А ведь английская промышленность тоже не отличается особенно большой концентрацией и далеко уступает в этом отношении не только Германии и Соед. Штатам, но и России. Если так обстоит дело в угольной промышленности, которая везде является наиболее крупноконцентрированной, то что же говорить о других отраслях производства? Мелкость промышленности оказывает громадное влияние на характер французского пролетария, она роднит его с ремесленником, с мелким буржуа и воспитывает в нем тот злосчастный дух индивидуализма, который до сих пор мешает ему

создать мощное и дисциплинированное профессиональное движение.

Важнейшие отрасли промышленности. Важнейшими отраслями промышленности являются горное дело, металлургия, автомобильное и текстильное производства. Большое значение имеет транспорт—железнодорожный, автомобильный и водный. Все остальное уже отодвигается на задний план. Географически французская промышленность сконцентрирована в некоторых районах страны, важнейшим из которых является северо-восток, прилегающий к бельгийской и германской границам, где расположено большое количество угольных шахт, металлургических заводов и текстильных фабрик. В Эльзас-Лотарингии добывается железная руда, а Лион с давних пор является знаменитым центром шелкового производства.

Политика.

Государственный строй.

Подобно Англии, Франция уже очень давно считается одной из классических стран буржуазной демократии. В смысле формальном она, пожалуй, еще «классичнее», чем Великобритания, ибо в последней как никак имеются король, наследственная палата лордов и ряд иных пережитков феодальной эпохи, между тем как во Франции с 1870 года существует республика, оборудованная всем необходимым антуражем демократических учреждений. Познакомимся с основными чертами ее нынешнего государственного строя.

Конституция французской республики формально была принята в 1875 году и затем четыре раза (1879, 1884, 1885 и 1889 годы) подвергалась частичным перестройкам. В конечном итоге она получила следующий вид.

Во главе государства стоит президент, избираемый сроком на семь лет так называемым «Национальным Собранием», т. е. совместным заседанием обеих палат французского парламента (палатой депутатов и сената). Права президента не очень велики и позиция его не слишком прочна, так как источником его власти является вотум парламента, а не всеобщее голосование избирателей. Поэтому французские президенты далеко не всегда доживают до конца на своем кресле. Из 12 президентов, сменившихся за все существование третьей республики (1871—1924 г.г.), только четверо пробыли на президентском месте действительно по 7 лет (Грэви, Лубэ, Фальер и Пуанкаре), остальные уходили досрочно. Средняя продолжительность пребывания президента на своем посту только 4½ года.

Парламент состоит из двух палат. Нижняя палата или палата депутатов выходит из всеобщего голосования мужчин (женщины во Франции лишены избирательного права) не моложе 21 года и обладающих шестимесячным цензом оседлости. Для выбора депутатом требуется 25-летний возраст. После войны введено пропорциональное представительство, однако не слишком совершенное: оно дает перевес крупным партиям над мелкими. Срок полномочий нижней палаты—4 года. Число депутатов изменяется от выборов к выборам, так как конституция требует, чтобы один депутат приходился на каждые 75.000 населения. В настоящее время палата депутатов состоит из 584 человек.

Верхняя палата или сенат строится несколько иначе. Выборы сенаторов не прямые, а косвенные. Они выбираются на особых департаментских собраниях, в которых участвуют делегаты от муниципалитетов данного департамента, члены департаментского и окружного советов и депутаты парламента, избранные в данном департаменте. Срок полномочий сенатора—9-ти летний (каждые 3 года выбывает треть состава сената). Лица моложе 40 лет не могут быть избраны в сенаторы. Общее число членов верхней палаты в настоящее время 314 человек.

И палата депутатов, и сенат в политическом отношении равноправны. Только финансовые законопроекты сначала вносятся в палату депутатов, а затем уж переходят в сенат. Члены обеих палат получают жалованье, которое в предвоенные годы равнялось 15.000 франков, а теперь несколько увеличено и доходит до 10.000 рублей в год. Министерство формируется президентом на основе соотношения сил в нижней палате, но фактически ни одно правительство не может работать, если оно не пользуется также доверием сената. Одной из характернейших особенностей французских политических нравов является чрезвычайно быстрая смена кабинетов. Правительство, просуществовавшее больше года, вызывает известное удивление, а правительство, справившее двухлетний юбилей, представляет собой совершенно исключительное явление. Чем об'ясняется эта неустойчивость министерств, мы увидим ниже.

Под эгидой президента и парламента осуществляются все те права и свободы, которые полагаются во всякой доброй буржуазной демократии. Нельзя сказать, чтобы мера отпущенных французским гражданам вольностей была уж очень велика, она значительно меньше, например, чем мера вольностей граждан Великобритании. Но все-таки французское население пользуется в известных пределах свободой слова, печати, собраний, союзов и т. п., обеспечивающей рабочему движению возможность легального развития.

Чрезвычайно важную сторону французской государственности представляет укоренившийся в ней централизм управления. Великая французская революция, покончив с старым делением Франции на области и провинции, установила новое однообразное деление—на департаменты. Таких департаментов сейчас имеется 90. Во главе департамента стоит префект, назначаемый центральной властью и пред ней ответственный. В своем департаменте префект пользуется очень широкими полномочиями. В его руках находится полиция и администрация, он наблюдает за деятельностью суда, вызывает в случае необходимости военную силу и т. д. Власть префекта настолько велика, что даже все постановления муниципальных советов, находящихся в районе данного департамента, для своей действительности нуждаются в утверждении со стороны префекта. Примерно, такова же была власть губернатора в отношении местного самоуправления в царской России. 90 префектов, возглавляемых министром внутренних дел, составляют тот административный механизм, который обеспечивает Франции полный централизм управления.

Основные черты французской политической жизни.

Переходя от описания внешних государственных форм к характеристике наполняющего их содержания, необходимо прежде всего остановиться на некоторых специфических особенностях французской политической жизни. Мы уже знаем, что экономически Франция представляет собой страну ростовщическо-финансового капитализма, выросшего на базе мелко-буржуазного хозяйства в деревне и отчасти в городе. В смысле социальном это означает, что подавляющее большинство

французского населения состоит из крестьян, мещан, ремесленников и других представителей мелкой буржуазии, среди которых возвышается, подобно скале, небольшая, но могущественная группа финансовой плутократии. Данное соотношение сил имеет совершенно определенные политические последствия. Первое и, пожалуй, самое важное из них это то, что в мире французской буржуазной политики нет таких резких и отчетливых подразделений на партии, какие мы встречаем, например, в Германии или Англии. За всю эпоху существования третьей республики не было еще случая, чтобы различные элементы господствующих классов серьезно столкнулись друг с другом в крупной борьбе национального масштаба. Благодаря этому не было создано условий, под действием которых могли бы сложиться большие и законченные буржуазные партии, имеющие свои особые разработанные программы и свои особые разветвленные организации. Та борьба, которая на протяжении последнего полустолетия не переставала наполнять своим шумом французскую политическую жизнь, представляла собой мелкую борьбу различных групп, клик, личностей и т. д., сквозь которую не всегда легко было прощупать ее основные социальные мотивы. Даже пролетариат, подвергаясь воздействию со стороны окружающей его атмосферы, долгое время не мог создать своей политической партии, заслуживающей этого наименования. Только коммунизм обещает теперь выковать настоящее представительство классовых интересов пролетариата в политике. До сих пор политический мир Франции представлял собой настоящую «мелкобуржуазную кашу», в которой различные капиталистические акулы чувствовали себя, как рыба в воде.

Внешним проявлением этой «кашеобразности» французской политической жизни является между прочим тот факт, что ни одна из буржуазных политических партий не имеет сколько-нибудь заслуживающей этого названия партийной организации со всеми относящимися сюда аттрибутами: программой, центральными и местными учреждениями, членскими взносами и т. п. Французские буржуазные партии—это скорее парламентские фракции, которые имеют небольшой организационный аппарат, предназначенный, главным образом, для избирательных целей. В

промежуток между двумя выборами организационный аппарат почти совершенно бездействует. Даже французская социалистическая партия, которая в предвоенные годы была несомненно наиболее организованной из всех политических партий Франции, никогда не имела ничего подобного гигантскому механизму германской социал-демократии. Лишь коммунисты в наши дни вносят и здесь некоторые новые начала, доныне несвойственные французским политическим нравам.

Другим последствием той же «кашеобразности» является весьма слабая дисциплина в рядах отдельных парламентских фракций. Обычно каждая такая фракция группируется около какого-нибудь видного политического лидера, при чем целый ряд депутатов входит в нее с определенными оговорками, оставляя за собой свободу действий по целому ряду вопросов. Нередко отдельные депутаты и группы депутатов переходят из одной фракции в другую, покидая своих вождей в наиболее критический момент. Эти частые переезды с одной фракционной квартиры на другую оказываются тем легче, что разница между отдельными буржуазными партиями сплошь да рядом не так уж велика и не требует от переезжающего какой-нибудь глубокой ломки убеждений. Этим также в сильнейшей степени об'ясняется столь малая устойчивость французских министерств.

Фактически политикой во Франции занимается сравнительно небольшой круг людей, который по праву может быть назван политиками-профессионалами. Это в подавляющем большинстве случаев адвокаты и журналисты, специализировавшиеся на делании выборов, на ловкой агитации и парламентском шахермахерстве, люди беспринципные, алчные, гоняющиеся за карьерой и деньгами. Очень многие из них—выходцы из мелко-буржуазной и интеллигентской среды, но все они за хорошую цену охотно продают себя финансовой аристократии.

В такой политической обстановке естественно исключительно крупную роль играет золотой телец. Акулы парижской биржи, магнаты тяжелой индустрии являются истинными хозяевами французской «демократии». С помощью подкупленной ими прессы и подкупленных ими (в прямой или косвенной форме) по-

литических лидеров, они творят «общественное мнение», организуют парламентские выборы, назначают и свергают министерства и вообще распоряжаются судьбами Франции по своему усмотрению. Недаром в палате депутатов 1919—1924 г.г. заседало 140 миллионеров! И это при господстве всеобщего избирательного права и полном комплексе формально-правовых гарантий и гражданских свобод.

Атмосфера подкупа, интриг, карьеризма и себялюбия, отравляющая политическую жизнь третьей республики, отличается такой концентрированной силой, что ее разлагающего влияния не могло избежать даже социалистическое движение. Франция— классическая страна социалистического ренегатства. Нигде не было такого количества видных социалистических вождей, которые изменили своему знамени и перешли в лагерь буржуазии. Мильеран, Бриан, Вивьяни — наиболее крупные имена социалистических перебежчиков. А ведь кроме них были десятки других, менее видных и известных, которые служение пролетариату променяли на чечевичную похлебку депутатского мандата или теплого местечка в одном из многочисленных министерских департаментов. Данный факт, как увидим ниже, сыграл громадную роль в судьбах французского рабочего движения.

Для того, чтобы хоть несколько подрумянить неприглядную картину французской политической кухни, буржуазные партии всегда прибегали и продолжают прибегать к одному магически действующему средству: они не перестают рядиться пред лицом широких народных масс в мантию Великой Французской Революции. И Пуанкаре, и Бриан, и Кайо, и Клемансо, и Эррио, и десятки и сотни иных не устают повторять, что они являются наследниками и продолжателями Дантона и Робеспьера и что они лишь прилагают на практике в новых условиях те великие принципы, которые были провозглашены якобинцами 130 лет назад. И так громаден авторитет Великой Французской Революции и так неотразимо обаяние исторических героев той эпохи, что эти ссылки нынешних буржуазных гусей на своих «предков, которые Рим спасли», доныне еще продолжают действовать. Они сдерживают недовольство трудящихся классов, они ослепляют их своим феери-

ческим блеском. Без преувеличения можно утверждать, что нынешняя французская буржуазия до сих пор живет с капитала, оставленного ей 1793 годом.

Политические партии. После этих предварительных замечаний обратимся к характеристике основных политических партий Франции. Их можно разбить на 5 основных групп:

1) *Крайняя правая* представлена так называемыми «независимыми», об'единяющими в своих рядах монархистов различных оттенков. «Независимые» опираются, главным образом, на крупное землевладение, обнищавшее дворянство, бывших генералов в отставке и т. п. Наиболее видные их вожди—Л. Додэ и Поль де-Кассаньяк. Политическое влияние «независимых» очень невелико, и в серьезной политике с ними не считаются.

2) *Правая* обнимает так называемый «национальный блок», усилиями Мильерана и Пуанкаре образовавшийся в 1919 году. В состав «национального блока» входят 5 партий: «республиканско-демократический союз»—вождем которого является Араго, «левые республиканцы», вдохновляемые Клемансо, «республиканско-демократическая левая», лидером которой является Барту, «фракция республиканского и социалистического действия», руководимая Нулансом и Бохановским, и, наконец, «республиканцы-социалисты», являющиеся убежищем социалистических ренегатов вроде Бриана и Вивьяни. Между перечисленными партиями имеются кое-какие различия. Так, например, партия Араго отличается явной склонностью к клерикализму и резкой враждой к подоходному налогу и социальному законодательству. Наоборот, партии Нуланса и Бриана высказываются против клерикализма и поддерживают социальные реформы и обложение военных прибылей, но все это больше на словах, в избирательных речах и газетных передовицах, для пущего одурачивания трудящихся масс. На практике все названные партии превосходно уживались бок о бок друг с другом в течение всего послевоенного периода и вели одну и ту же реакционную и агрессивно-империалистическую политику. Все перечисленные партии опираются на крупную и среднюю буржуазию, на крепкое крестьянство, на часть интеллигенции и руководятся всемогущей волей парижской биржи.

3) *Центр* составляют так называемые «радикалы-социалисты», вождями которых сейчас являются Эррио, Кайо, Пенлеве. Эта партия отражает интересы настоящей французской «демократии»,—городской мелкой буржуазии, мелкого и среднего крестьянства, низших служащих и чиновников, большинства интеллигенции и т. д. На словах данная партия довольно радикальна: она высказывается за подоходный и поимущественный налог, за национализацию железных дорог, копей, электрических предприятий, за нефтяную монополию, за социальное страхование и внимательное отношение к профессиональным союзам. В области внешней политики эта партия очень любит щеголять всякого рода пацифистскими побрякушками в роде Лиги Наций, конференций по разоружению и т. п. На практике, однако, как показывает опыт последних месяцев, радикалы-социалисты, в конце концов, не так уж сильно отличаются от «национального блока». Эррио тоже накинул петлю на шею Германии, но только сделал это не с воинственными кликами, а с скромной молитвой на устах.

4) *Левая* представлена двумя социалистическими партиями: «Французской социалистической партией», отколовшейся в 1920 году от «Об'единенной социалистической партии» и представляющей сейчас маленькую совершенно невлиятельную группу крайних соглашателей и социал-шовинистов, и «Социалистической партией Франции», секцией II Интернационала, вождями которой являются Лонге, Блюм, Компер-Морель и др. Эта партия, насчитывающая 40—50 тысяч членов, соответствует по своему настроению, примерно, германским независимым социал-демократам, вместе с которыми она участвовала в 2½ Венском Интернационале. Партия Лонге пользуется сравнительно большим политическим влиянием в мелко-буржуазных, а отчасти и рабочих кругах и в настоящее время поддерживает образованное «радикалами-социалистами» правительство Эррио. Вместе с последними партия Лонге входит в состав так наз. «левого блока».

5) *Крайняя левая* олицетворяется коммунистами. Коммунистическая партия Франции образовалась в 1920 году, после того, как на конгрессе социалистической партии в Туре произошел

раскол. Большинство Турского конгресса перешло в ряды коммунистов. Эта партия, пережившая в последние годы ряд внутренних кризисов и очистившаяся от интеллигентских и мелко-буржуазных элементов, насчитывает сейчас 60—70 тысяч членов и быстро усиливает свое влияние на массы. Наиболее видными вождями Коммунистической Партии являются Марсель Кашен и Вайян-Кутюрье.

Что касается соотношения сил различных политических группировок, то по вышеуказанным причинам дать о нем совершенно точную картину невозможно: каждый момент в позиции отдельных партий и фракций может произойти (и, действительно, происходит) резкое изменение, в свою очередь изменяющее соотношение сил. Все-таки приблизительная картина такова:

Крайняя правая (монархисты)	11 депутатов.
Национальный блок	230 »
Левый блок (радикалы-социалисты, социалисты и группа Бриана)	270 »
Независимые радикалы и пр.	47 »
Коммунисты	26 »
	584 депутатов.

Как видим, большинство стоящего у власти «левого блока» очень слабо, и правительство Эррио может легко пасть под ударами Пуанкаре.

Буржуазные партии Франции никогда не имели сколько-нибудь заметного влияния на французское профессиональное движение. Иное дело социалисты и коммунисты. В предвоенные годы социалисты много и усиленно занимались профессиональными союзами. Какие из этого получились результаты, увидим ниже. Коммунисты, конечно, проявляют величайший интерес к профессиональным организациям. Однако, заслуживает быть отмеченным тот не последней важности факт, что в эпоху третьей республики (т. е. после Коммуны) возрождение профессионального движения произошло раньше, чем возрождение социалистических партий. Данное обстоятельство сыграло свою роль в судьбах французского профессионального движения.

Профессиональное движение.

I. Организационная структура.

Множественность союзов. Прежде чем приступить к характеристике профессионального движения Франции, я должен сделать одну оговорку. Профессиональное движение Англии и Германии располагает хорошей статистикой (своей собственной и правительственной) и не раз подвергалось довольно тщательному обследованию и описанию. Французское профессиональное движение в этом отношении находится в гораздо худшем положении. По причинам, которые станут ясны из дальнейшего изложения, собственной статистики оно никогда не имело. Правительственная статистика, касающаяся профессионального движения, также всегда страдала крупными пробелами. Специальных исследований, посвященных французскому профессиональному движению, до сих пор было очень мало. Вполне естественно поэтому, что, давая характеристику французского профессионального движения, я вынужден буду быть значительно скупее на цифры и факты, чем при изображении профессионального движения Англии и Германии. Впрочем, это обстоятельство не должно особенно смущать читателя: французское профессиональное движение далеко уступает английскому и германскому, как по своим размерам, так и по своему значению для пролетариата других стран. Во всяком случае наиболее важные и основные черты его лица будут, надеюсь, ясны из последующего изложения.

Предвоенное профессиональное движение Франции, подобно английскому движению, отличалось чрезвычайной множественностью союзов или, как принято их называть во Франции, синдикатов. Действительно, официальная статистика сообщает, что, например, в 1893 году во Франции имелось 1926 синдикатов, насчитывавших в общей сложности 402.000 членов. В 1899 году число синдикатов поднялось уже до 2.685 с 493.000 членов, в 1903—до 3.934 с 643.000 членов, в 1907—до 4.370 с 767.000 членов и т. д. Не менее отчетливо то же явление обнаруживается и при ознакомлении с важнейшим об'единением профессиональных союзов Франции—Всеобщей Конфедерацией Труда. В самом деле, она включала в свой состав:

	Число синдикатов.	Число членов в синдикатах.
В 1904 .	1.792	150.000
„ 1906 .	2.399	203.000
„ 1910 .	3.012	358 000
„ 1912 .	2.837	400.000

Положение не изменилось и в послевоенные годы. Так, в 1920 году в рядах Всеобщей Конфедерации Труда (еще до ее раскола) находилось 2.240 союзов с 1.015.000 членов, что дает в среднем 453 члена на 1 союз. Вспомним для сравнения, что в Англии в среднем на 1 союз приходится 4.700 членов, в Германии—154.000, а в СССР—252.000.

Если от этих суммарных данных мы перейдем к отдельным отраслям труда, то увидим ту же картину. Действительно, в 1920 году в рядах Всеобщей Конфедерации Труда имелось 94 союза текстильщиков с общим количеством членов 127.000 (1.350 членов на 1 союз), 130 союзов горнорабочих с 129.000 членов (1.000 членов на 1 союз) и 216 союзов металлистов с 97.000 членов (450 членов на 1 союз). Дробность, как видим, еще большая, чем даже в Англии.

Причины множественности союзов.

Чем же, однако, об'ясняется данное явление? Дробность французских синдикатов коренится не в национальных или религиозных причинах, она имеет также лишь довольно отдаленное отношение к вопросам политическим. Зато некоторую роль здесь играет не изжитая еще французским пролетариатом цеховщина. Так, например, в области транспорта мы встречаем целый ряд организаций чисто цехового типа (трамвайщики, шофферы, кучера, комиссионеры и т. д.). В Париже имеется целых 10 синдикатов транспортных рабочих, об'единяющих в общей сложности 20 тыс. человек (служащие подземных железных дорог, кучера и кондуктора омнибусов, легковые шофферы, грузовые шофферы и пр.), в Марселе—4 синдиката, в Калэ—3 синдиката, в Нанте—2 и т. д. Цеховые союзы мы нередко встречаем и в других видах производства. Так, имеется особый синдикат пильщиков, особый синдикат ювелиров, особый синдикат шляпочников и т. п. Тем не менее было бы большой ошибкой считать, что основной причиной множественности союзов является цеховщина. Ибо большая часть профессионально-организованных рабочих Франции об'единена все-таки не в цеховые, а производственные союзы. Так, в горном деле мы встречаем почти исключительно «союзы горнорабочих», в обработке металлов—«союзы металлистов», в текстильной промышленности—«союзы текстильщиков» и т. д.

И если тем не менее Франция насчитывает целые тысячи синдикатов, то это об'ясняется тем, что в строительстве ее профессионального движения колоссальную роль играет *локализм*. Как общее правило, во Франции существуют *местные* союзы, об'единяющие рабочих той или иной отрасли труда в данном городе, союзы, пользовавшиеся до войны полной независимостью. Сейчас, как увидим ниже, рамки этой независимости несколько сокращаются, но все-таки вплоть до настоящего дня во Франции продолжают существовать тысячи местных самостоятельных профессиональных организаций. Размеры и значение их чрезвычайно разнообразны. Так, в области обработки металла самый крупный союз (в Париже) насчитывает 10.000 членов, а самый

маленький (в По) всего 10 членов. В горном деле самый крупный союз (в Па-де-Кале) имеет 50.000, а самый маленький (в Шампле)—20 членов. В текстильном производстве самый большой союз (в Мюльгаузене) считает в своих рядах 24.000, а самый маленький (в Шалоне на Сене)—50 человек. Подобную же пестроту мы встречаем и в других отраслях труда. Но как бы мал ни был отдельный синдикат, он является «самостоятельной державой» и пользуется на с'ездах и конференциях такими же правами, как и самый крупный.

Федерации. Крайняя раздробленность французского профессионального движения, конечно, представляет крупнейший недостаток с точки зрения борьбы с капиталом. Поэтому неудивительно, что уже очень давно начались попытки к преодолению чрезвычайной множественности существующих синдикатов. Эти попытки пошли по пути образования *федераций,* об'единяющих местные союзы одного и того же производства или одной и той же профессии. При крайнем несовершенстве французской профессионально-союзной статистики очень трудно установить, какое именно количество синдикатов входит в федерации и какое остается вне их, продолжая свое независимое существование в качестве особых профессиональных «держав». Тем не менее можно все-таки утверждать, что большинство локальных союзов входит в соответственные федерации общегосударственного масштаба. В 1920 году во Франции насчитывалось 38 федераций, из которых часть носила производственный характер, а другая часть—профессиональный. Действительно, среди федераций мы, с одной стороны, встречаем такие об'единения, как «Федерация сельско-хозяйственных рабочих», «Федерация металлистов», «Федерация текстильщиков», «Федерация строительных рабочих», «Федерация пищевиков» и т. д., а с другой стороны, такие об'единения, как «Федерация спичечников», «Федерация мебельщиков», «Федерация ювелиров», «Федерация кузнецов», «Федерация шляпников» и т. д.

Тут невольно является вопрос: не соответствуют ли французские федерации германским или советским союзам? Если соответствуют, то раздробленность французского профессиональ-

ного движения не может быть признана особенно угрожающей. Ибо 38 федераций — это несколько больше, чем 22 советских союза, но несколько меньше, чем 49 «свободных» германских союзов. К сожалению, однако, установить знак равенства между французскими федерациями, с одной стороны, и германскими и советскими союзами, с другой, никак невозможно. И это нам станет совершенно ясно, если мы ознакомимся более внимательно с внутренним строением французских федераций.

Внутреннее строение федераций.

Это строение представляет следующую картину. Каждый местный союз, входящий в состав Федерации, пользуется широчайшей автономией и управляется на основах примитивной демократии. Верховным органом местного союза является общее собрание его членов. Собрание выбирает так называемый синдикальный комитет или совет из 10—15 человек, который ведет всю текущую профессиональную работу. Синдикальный комитет выделяет из своей среды секретаря, иногда помощника секретаря и казначея. Все должностные лица синдиката не получают никакого вознаграждения, они работают совершенно бесплатно. Общее собрание контролирует работу своих выборных органов и в случае надобности меняет их состав.

Местный союз совершенно самостоятелен во всех своих действиях. Деньги, собираемые им с своих членов, остаются в его кассе. Он производит, правда, известные отчисления из своих средств в пользу Федерации, но размер этих отчислений невелик, а выплата их крайне нерегулярна. Вопросы профессиональной борьбы решаются местным синдикатом также по своему усмотрению. Он заключает с предпринимателями различные соглашения и договоры, он же самостоятельно об'являет стачки. Федерация сплошь да рядом получает уведомление о начавшейся стачке уже после ее об'явления. Нередки случаи, когда Федерация узнает о ней даже после ее окончания. Местные союзы крайне ревниво относятся к своей автономии и весьма косо смотрят на всякие централизаторские попытки. В этом сказываются, с одной стороны, унаследованные ими от прошлого бакунистские традиции, а, с другой стороны,—и это самое важное—слабость капитали-

стического развития Франции. Концентрация производства в стране еще невелика, об'единение предпринимателей весьма несовершенно,—при таких условиях даже и небольшой местный союз может иметь значение в борьбе труда с капиталом.

Что же касается федерации, то она отличается каким-то астральным характером. Ежегодно или раз в два года происходит с'езд примыкающих к ней синдикатов, на котором решаются все важнейшие дела и выбирается федеральный центр, в лице особого федерального комитета или совета. Так как центр помещается обычно в Париже, а провинциальные работники лишены возможности часто там бывать, то обычно федеральный комитет состоит из числа товарищей, постоянно живущих в столице. Тем самым федеральный центр фактически превращается в парижский центр, тем более, что от с'езда до с'езда большей частью никаких конференций не бывает. Федеральный центр отрывается от мест, а места совершенно не чувствуют влияния федерального центра. Крайняя скудость средств, являющаяся хронической болезнью французского профессионального движения и в особенности профессиональных федераций, не позволяет последним развернуть сколько-нибудь широкую работу с помощью наемного аппарата. Обычно в федеральном комитете имеется лишь один оплачиваемый секретарь, который и ведет всю текущую работу. Совершенно естественно, что он не в состоянии совершать частые выезды на места и вообще осуществлять реальное руководство местной работой. Тем более, что сумма прав, предоставленных федеральному центру, очень ограничена. В важнейшей сфере профессиональной деятельности — экономической борьбе — местным синдикатам, как мы уже знаем, предоставлена полная самостоятельность. При скудости своих сил и рессурсов федеральные центры не могут справиться даже с сколько-нибудь сносной постановкой профессионально-союзной статистики, — именно поэтому так трудно характеризовать французское профессиональное движение точными цифровыми данными.

Как видим, французская федерация это совсем не германский и не советский союз, это даже не федерация типа «Британской Федерации Горнорабочих». Конечно, из общего правила есть

исключения. Так, например, рабочие печатного дела имеют «Федерацию Книги», которая по своей конституции уже довольно близко подходит к типу централизованного союза. Равным образом железнодорожники об'единены довольно централистически. Но ведь исключения только подтверждают правила. А французская федерация, как общее правило, представляет собой лишь крайне слабую и несовершенную форму об'единения.

И если мы зададимся вопросом, чем же об'ясняется столь слабая концентрация французского профессионального движения, то должны будем вспомнить опять-таки о слабости капиталистического развития Франции, об отсутствии мощных предпринимательских об'единений и еще о некоторых идеологических устремлениях французских рабочих, тесно связанных с их политическим прошлым. Передовые круги французского пролетариата до недавнего времени были сторонниками об'единения рабочих в масштабе, возможно более приближающемся к классовому. Поэтому они очень недружелюбно относились к укреплению профессиональных федераций, олицетворяющих собой дробление пролетариата по профессиональному и производственному признаку, и, наоборот, энергично выдвигали на первый план об'единения местных союзов различных отраслей труда в локальные (городские и департаментские) федерации, приближающиеся по типу к нашим губернским профессиональным советам. Впрочем, подробнее об этом речь у нас будет ниже.

Из предыдущего ясно, что профессиональные федерации не в состоянии уничтожить вредных последствий множественности союзов, и потому французское профессиональное движение всегда страдало и в очень большой степени еще продолжает страдать от крайней раздробленности своих организаций.

Союзные финансы. Вся слабость французского профессионального движения с необыкновенной яркостью выступает в области финансов. Мы знаем, что английские и германские союзы располагают крупными капиталами и имеют регулярные годовые доходы, исчисляющиеся миллионами золотых рублей. Ничего подобного мы не увидим во Франции. Здешние синдикаты, по общему правилу, бедны, как церковные крысы.

Именно поэтому они крайне неохотно публикуют отчеты о состоянии своих финансов, что делает вообще крайне затруднительным ориентировку в их материальном положении. Все же необходимо указать, что французские синдикаты черпают свои средства из двух главных источников.

Первый источник — это членские взносы, разделяющиеся на вступительные и повременные. Вступительные взносы в предвоенные годы колебались в зависимости от союза между 25 сантимами и 1 франком 50 см. (10—60 копеек), только у печатников размеры вступительного взноса колебались между 3 и 15 франками (1 р. 10 к.—5 р. 50 к.) в зависимости от возраста вступающего. Что касается повременных взносов, обычно месячных, то они колебались между 50 см. и 1 франком (19—38 коп.). Лишь печатники взимали 3 франка (1 р. 10 к.) в месяц. В послевоенные годы положение мало изменилось. Сейчас средний месячный взнос в большинстве французских союзов колеблется между 1,5—5 франками, т. е., принимая во внимание падение валюты, между 23—75 к. В общем это составляет не больше 1½% заработной платы рабочего. Во избежание недоразумений, необходимо впрочем заметить, что взносы во Франции никогда не взимаются в процентах к заработку, а всегда в определенных точно фиксированных суммах. В довершение всего французские рабочие не привыкли к аккуратной уплате взносов, что, конечно, очень тяжело отражается на состоянии союзных касс.

Вторым источником профессионально - союзных средств являются добровольные *сборы*. Устраиваются они очень часто и по разным поводам, большей частью в связи со стачками. Французский рабочий крайне неохотно платит свой членский взнос, но он сравнительно очень щедр на экстренный сбор в пользу забастовавших товарищей. Нередко в случае какого-либо крупного столкновения в промышленности члены синдикатов делают отчисления в пользу стачечников в размере 10, 15 и больше процентов своего заработка. Вообще доходы от сборов представляют очень важную статью профессионально-союзного бюджета во Франции. Бывают случаи, когда сборы превышают регулярные доходы организаций от членских взносов.

В силу указанных выше причин финансовое положение французских синдикатов в общем очень плачевно. Они всегда страдают крайним денежным худосочием. За отсутствием данных, касающихся всего профессионального движения в целом, я ограничусь здесь лишь одним, но весьма характерным примером. Крупнейшая революционная федерация Франции—Федерация Железнодорожников, насчитывающая 75 тысяч членов, в течение 1922—23 г. имела годовой доход в сумме 576.000 франков, из которых 190.000 было получено путем экстренных сборов. Это до смешного ничтожная сумма. Ибо при расчете на одного члена выходит всего лишь 7,7 франка (1 р. 20 к.) в год. Остальные союзы, за немногими исключениями, вроде Федерации Книги, находятся в еще худшем положении.

Об'единения по горизонтальной линии: Биржи труда.

Мы знаем, что на ряду с об'единениями по вертикальной линии профессиональное движение каждой страны имеет еще об'единение по горизонтальной линии: в Англии—Советы Союзов и Конгресс трэд-юнионов, в Германии—Картели и Всегерманскую Федерацию Профессиональных союзов. Аналогичную картину мы находим и во Франции, с тем, однако, отличием, что здесь об'единение по горизонтальной линии играло в судьбах профессионального движения неизмеримо большую роль, чем в выше названных странах.

Первой и наиболее важной формой об'единения по горизонтальной линии были так наз. Биржи Труда. Биржа Труда значит собственно посредническая контора по приисканию работы. Именно такие задачи Биржи Труда или соответствующие им учреждения выполняют в Англии, Германии и Советской России. Во Франции дело сложилось несколько иначе. В силу некоторых специально французских условий Биржи Труда здесь, на ряду с выполнением своих непосредственных задач, превратились в опорные пункты об'единения местных союзов по типу германских картелей или наших губернских профессиональных советов.

Первая подобная Биржа возникла в Париже в 1887 году. В следующем году подобная же Биржа была открыта в Марселе, в 1889 году—в Тулоне, в 1890 году—в Тулузе и Бордо. В последую-

щие годы число Бирж систематически увеличивалось и накануне мировой войны на территории Франции насчитывалось около 150 Бирж Труда. В 1892 году 10 из существовавших тогда 14 Бирж образовали «Федерацию Бирж Труда», начавшую очень быстро развиваться. В 1895 году к ней примыкало 34 Биржи с 606 синдикатами, в 1897 году—40 Бирж с 627 синдикатами, в 1899 году—54 Биржи с 981 синдикатом, в 1901 г.—83 Биржи с 1.112 синдикатами. Мало-по-малу «Федерация Бирж Труда» превратилась в чрезвычайно влиятельную организацию, пожалуй, самую влиятельную в рядах французского пролетариата. Роль их упала уже только в послевоенные годы.

Но что же представляли из себя эти Биржи?

Управлялись они особыми комитетами, в состав которых входили представители имеющихся в данном городе синдикатов. Содержались в малой степени на взносы профессиональных союзов и в очень большой степени на субсидии муниципалитетов. Обычно городское самоуправление предоставляло в распоряжение Биржи помещение с необходимым оборудованием и сверх того уплачивало еще определенную сумму на ее содержание. В предвоенные годы ежегодная субсидия муниципальных учреждений Биржам Труда достигала по всей Франции, примерно, 300 тыс. франков. Впрочем, с начала нынешнего столетия все увеличивающееся количество муниципалитетов стало отказывать Биржам в поддержке в виду того, что они превратились в главные очаги революционного движения пролетариата.

Задачи Бирж Труда французскими синдикатами определялись в основном следующими чертами. Биржи Труда должны были служить делу взаимопомощи, т. е. способствовать приисканию работы, оказывать поддержку безработным, выплачивать дорожные деньги, пособия больным и т. д. Далее Биржи Труда должны были служить делу профессиональной пропаганды, организовать новые синдикаты, об'единять местные синдикаты в федерации. Затем Биржи Труда должны были ведать культурно-просветительной работой, устраивать библиотеки и различные курсы (по профессиональному движению, экономике, истории и т. п.), а также издавать органы печати. Наконец, Биржи Труда должны были

организовать экономическую борьбу рабочих, оказывая всяческую поддержку возникавшим стачкам, выступая в роли посредников при переговорах с властями и предпринимателями и т. д. Таковы были многообразные функции этих любопытных учреждений, вплоть до самой мировой войны являвшихся главными опорными пунктами французского рабочего движения. Не лишне будет отметить, что очень большую роль в выработке именно такого облика Бирж сыграл секретарь «Федерации Бирж Труда», известный анархист-коммунист Фернанд Пеллутье, занимавший этот пост с 1893 года. С известным правом его можно считать «отцом» Бирж Труда, какими мы их знали до 1914 года [1]).

Как видно из изложенного, Биржи Труда являлись по существу местными об'единениями союзов и со всеми присущими им особенностями. Впрочем, они играли не только чисто профессиональную, но также и весьма важную политическую роль, что станет ясно из дальнейшего.

Всеобщая конфедерация труда. Другим об'единением профессиональных союзов по горизонтальной линии, но уже в национальном масштабе, является Всеобщая Конфедерация Труда. Основание ей было положено еще в 1886 году на одном из первых конгрессов синдикатов, где была образована «Национальная федерация Синдикатов». В эту федерацию вошла большая часть существовавших тогда во Франции профессиональных союзов как самостоятельных местных организаций, так и профессиональных или производственных федераций. Политически в ней господствовали гедисты (французские марксисты), влияние которых особенно усилилось с следующего 1887 года. Официальной целью Федерации было признано «добиваться освобождения всех трудящихся, оказывать им более действительную поддержку в борьбе с предпринимателями, усиливать энергию рабочих, расширяя их фронт сопротивления».

Однако, влияние гедистов долго не могло удержаться. Мы не можем сейчас подробно останавливаться на характеристике их отношения к профессиональному движению — речь об этом

[1]) См. перевод его книги „История Бирж Труда", 1919, Петроград.

еще будет ниже, — достаточно будет лишь сказать, что гедисты, подобно сторонникам Гайндмана в Англии, не дооценивали самостоятельно-экономического значения профессионального движения и слишком легко готовы были превратить его в простой избирательный аппарат для партийно-политических целей. Вполне естественно поэтому, что по мере усиления синдикатов в них начинала рождаться оппозиция по отношению к партии, оппозиция, создававшая благоприятную почву для усвоения различных бунтарских и анархистских идей. Период 1888—1894 годов явился в жизни «Национальной Федерации Синдикатов» эпохой больших внутренних трений и борьбы между гедистами, с одной стороны, и «левыми» социалистами и анархистами различных оттенков, с другой.

Конфликт заострился около вопроса о всеобщей стачке как основного метода пролетарской борьбы, при чем на марсельском конгрессе Федерации в 1892 году наиболее красноречивым защитником всеобщей стачки выступил... Аристид Бриан. Тогда он был только начинающий молодой адвокат, еще не мечтавший о министерском портфеле, и после его доклада конгресс единодушно вотировал признание принципа всеобщей стачки. А на следующем конгрессе 1894 года в Нанте победа «левого» крыла стала настолько очевидной и неоспоримой, что гедисты увидали себя вынужденными выйти из состава «Национальной Федерации». Они пытались еще в течение нескольких лет поддерживать фикцию существования «своей» федерации синдикатов, но, в конце концов, должны были примириться с ее полной безжизненностью. Оставшееся же большинство нантского конгресса в следующем 1895 г. на с'езде в Лиможе произвело перестройку «Национальной Федерации Синдикатов» и превратило ее во «Всеобщую Конфедерацию Труда».

Целью новой организации являлось «об'единить на экономической почве и в тесной солидарной связи рабочих в их борьбе за существование», а в § 1 принятого устава, между прочим, говорилось: «элементы, составляющие «Всеобщую Конфедерацию Труда», должны держаться вне всяких политических партий». В Конфедерацию могли входить отдельные синдикаты, Биржи Труда,

местные союзы синдикатов, профессиональные и производственные федерации синдикатов и федерации Бирж Труда. Но так было только на бумаге. В действительности в рядах нового об'единения оказались лишь профессиональные и производственные федерации да отдельные местные синдикаты. Биржи Труда, имевшие свою «Федерацию Бирж Труда», еще в течение ряда лет держались несколько особняком, составляя конкурирующую с «Всеобщей Конфедерацией Труда» организацию. Главная причина, поддерживавшая этот раскол в профессиональном движении, носила политический характер, — в то время, как в «Федерации Бирж Труда» безраздельным влиянием пользовались анархисты и те, кто впоследствии получил наименование анархо-синдикалистов, в «Всеобщей Конфедерации Труда» преобладали социалистические элементы, при том отчасти реформистского типа. В течение 1895—1902 годов между обоими национальными центрами профессионального движения происходила известная борьба, которая закончилась лишь на совместном конгрессе в Монпелье (1902 г.) путем компромисса: «Федерация Бирж Труда» влилась, как часть, во «Всеобщую Конфедерацию Труда», предоставив таким образом лавры формальной победы своей сопернице. Однако, «Всеобщая Конфедерация Труда» после поглощения «Федерации Бирж Труда» почти целиком впитала в себя дух последней, став главным штабом того движения, которое получило в предвоенные годы столь широкую известность под именем «революционного синдикализма».

Здесь уместно будет несколько остановиться на характеристике реальной силы французского профессионального центра. В Монпелье было представлено 1043 синдиката с 122.000 рабочих. Для правильной оценки этой цифры необходимо иметь в виду, что всего в стране в тот момент существовало свыше 3½ тысяч синдикатов с 600.000 членов. Дальнейший рост Конфедерации характеризуется следующими цифрами:

	Число членов.
1904	150.000
1906	203.000
1908	294.000

	Число членов.
1910	354.000
1912	400.000
1914	861.000 [1])

Рост, как видим, весьма значительный, даже больше—чрезвычайно быстрый. Однако, на пороге мировой войны Конфедерация об'единяла все-таки не больше 10% всего французского пролетариата.

Слабым местом профессионального центра были, как всегда во Франции, его финансы. Достаточно привести следующие поразительные цифры. В первый год своего существования (1895) «Всеобщая Конфедерация Труда» имела колоссальный доход в... 330 франков (125 рублей); в 1896 году—402 франка (153 рубля); в 1898 году доходы Конфедерации повысились—крупный успех!—до 1.702 фр. (647 рублей) и, наконец, в 1902 году достигли совершенно беспримерной цифры 17.800 франков (6.760 рублей). После об'единения с «Федерацией Бирж Труда» положение Конфедерации значительно укрепилось, но все-таки оставалось достаточно плачевным, ибо, даже при точном выполнении принятого в Монпелье устава, «Всеобщая Конфедерация» могла располагать на первое время не больше, как 12.000 франков (около 4.500 руб.) регулярных годовых доходов. Лишь медленно и постепенно укреплялись финансы Конфедерации, а жизнь между тем пред'являла к ее кассе все более настойчивые требования. В результате хроническое безденежье превратилось в своего рода бытовое явление в жизни французского профессионального центра.

Какова была организация «Всеобщей Конфедерации Труда» после 1902 года? В основных чертах она сводилась к следующему. Членами Конфедерации могли быть: 1) национальные федерации (а за неимением их—областные федерации) по производствам и профессиям и национальные синдикаты; 2) Биржи Труда, т. е. местные департаментские или областные об'единения союзов; 3) сверх того синдикаты тех отраслей промышленности, в которых нет федераций или федерации которых не входят во «Все-

[1]) Общее число профессионально-организованных рабочих Франции в 1914 г. равнялось 1.026.000.

общую Конфедерацию Труда» (§ 2 устава). Сама «Всеобщая Конфедерация» разделялась на две самоуправляющиеся секции: «Секцию промышленных и ремесленных федераций и обособленных синдикатов» и «Секцию Бирж Труда» (§ 5). Первая из этих секций имела своей задачей «создание и содействие организации федераций промышленных и ремесленных синдикатов и группировку по отраслям промышленности и ремесла синдикатов тех профессий, в которых не существует еще никакой федерации». Вторая должна была «поддерживать сношения между всеми Биржами для согласования и упрощения действий этих организаций и для создания новых Бирж или союзов различных синдикатов в городах или областях, где их не существует» (§§ 7 и 10). Каждая секция считалась вполне автономной, выбирала из своей среды секретаря и его помощников и имела особый секционный комитет. Во главе всей Конфедерации стоял Конфедеральный Комитет, состоявший из комитетов обеих секций. Он собирался первоначально раз в 3 месяца, а позднее раз в месяц. Для выполнения текущей работы из среды Конфедерального Комитета назначалось особое Бюро, ответственное перед Комитетом. С'езды Конфедерации должны были происходить раз в 2 года. Устав постановлял, что на этих с'ездах каждая организация, независимо от числа своих членов, имела только один голос. Крупные федерации, насчитывавшие своих членов десятками тысяч, не раз протестовали против такого преимущества по отношению к мелким синдикатам, однако их протесты все время оставались гласом вопиющего в пустыне. В данной системе представительства синдикалисты усматривали один из краеугольных камней своей организации. Чем об'яснялась эта точка зрения, видно будет из дальнейшего. Далее устав гласил (§ 37), что «Всеобщая Конфедерация Труда» основана на принципе федерализма и свободы и что она предоставляет полную автономию организациям, подчиняющимся настоящим правилам».

Что касается целей Конфедерации, то в § 1 они были формулированы так: «1) об'единение пролетариев для защиты их духовных и материальных, экономических и профессиональных интересов; 2) об'единение, вне всякой политической партии, всех

рабочих, сознающих необходимость борьбы за уничтожение системы наемного труда и капитала». В тон этим целям в § 22 указывалось, что устраиваемые Конфедеральным Комитетом конференции и собеседования «могут касаться только вопросов экономического характера, а также вопросов синдикального и научного воспитания».

Такова была намеченная в Монпелье схема. На практике это означало, что «Всеобщая Конфедерация Труда» является не столько практическим, сколько идейным вождем синдикального движения. Для осуществления действительного руководства местной работой у нее не было ни достаточных прав, ни достаточного аппарата, ни достаточных средств. Впрочем, в предвоенные годы вожди Конфедерации об этом ничуть не сожалели. Наоборот, находясь под сильным влиянием анархистских учений, они даже как будто бы бравировали этим бессилием общепрофессионального центра. Так, например, известный синдикалист Эмиль Пуже следующим образом определял сущность Конфедерации:

„Всеобщая Конфедерация труда походит на обширную телефонную станцию, служащую органом сообщения и согласования различных усилий. Этот центр не есть и не может быть правящим центром".

Равным образом Жуо, нынешний вождь реформистского профессионального движения во Франции, в 1911 году характеризовал задачи Конфедерального Комитета в таких выражениях:

„Конфедеральный Комитет не есть центральный комитет, отдающий приказы. Даже в тех случаях, когда принятие немедленных мер навязывается обстоятельствами, он не дает предписаний, а излагает положение вещей, настаивая на помощи синдикатов. И если какой-нибудь Бирже Труда или отдельному синдикату угодно отсрочить выполнение предполагаемого действия, он в праве это сделать. Конфедеральный Комитет можно сравнить с регистрирующим телеграфным аппаратом; его роль—отмечать указания, исходящие снизу, координировать их и организовать общую агитацию в интересах всех. Неправильно думать, что это он решает вопросы о стачках, являющихся проявлением воли всех заинтересованных; его роль сводится к тому, чтобы содействовать стачкам, обращаясь к солидарности рабочих по всей стране и делегируя на место борьбы работников, которые не являются командирами в борьбе, а лишь приносят словом и советом поддержку борющимся рабочим. Точно также ошибкою

было бы предполагать, что „Всеобщая Конфедерация Труда“ придает стачкам насильственный характер. Характер забастовки определяется условиями борьбы: она может быть мирной или насильственной в зависимости от тех препятствий, которые она встречает на своем пути. Координация борьбы, просвещение рабочих, поднятие уровня сознательности и в то же время защита общих интересов,—вот основная задача „Всеобщей Конфедерации Труда“ [1]).

Но общепрофессиональный центр не только превращался в какой-то «телефонный» или «телеграфный» аппарат, он также в сильнейшей степени отрывался от провинции, от масс. Ибо члены Конфедерального Комитета, живущие в провинции, не могли регулярно бывать на его заседаниях, фактически в Конфедеральном Комитете всеми делами вершили парижане, а Париж и Франция далеко не одно и то же. Здесь в увеличенном масштабе повторялась та же самая беда, от которой так сильно страдали все национальные производственные или профессиональные федерации.

Влияние войны и послевоенной эпохи. Война и послевоенная эпоха внесли весьма существенные изменения в организационное строение Всеобщей Конфедерации и всего вообще французского профессионального движения. Первоначально война оказала на Конфедерацию самое разрушительное действие. Мы видели, что в 1914 году Конфедерация охватывала 861.000 рабочих. В 1915 году это число сразу упало до 83.000, т. е. более чем в 10 раз. В 1916 году оно несколько поднялось—до 167.000. В 1917 г. число примыкающих к Конфедерации рабочих достигло 493.000 и лишь в 1918 г. оно превзошло последний предвоенный год, поднявшись до 997.000. Впрочем, в интересах справедливости необходимо указать, что общее число профессионально-организованных французских рабочих в 1917 г. составляло 1.500.000, а в 1918—2.000.000. Таким образом и теперь Конфедерация включала лишь от 30 до 50% всех организованных. В 1919 году число профессионально-организованных рабочих достигло рекордной цифры 2,5 милл. организованных, из которых 2 миллиона приходилось на долю «Всеобщей Конфедерации Труда». Впрочем, в 1920 году в связи с неудачей всеобщей

[1]) См. С. Гальперин, Профессиональное движение Франции со времени войны (1924 г.), стр. 9.

стачки, на которой подробнее мы остановимся в дальнейшем, число членов Конфедерации сразу упало на 1 миллион, а к 1922 году—даже до 600—650 тысяч, т. е. ниже последнего предвоенного года. Однако, важнее этих количественных изменений были те сдвиги в области организационного строительства профессионального движения, которые свидетельствовали о внутренней консолидации его сил. Здесь необходимо отметить три важнейших момента.

Во-первых, в рядах французских синдикалистов, как реформистского, так и революционного толка, заметно усилилась тенденция к созданию производственных союзов. Так, например, реформисты слили ряд цеховых союзов по обработке дерева в один союз деревообделочников. Революционеры этого еще не сделали, но определенно заявили о своем намерении провести такую же реформу[1]). Революционеры точно также решили об'единить союзы текстильщиков, швейников, красильщиков, бельевщиков и шапочников в один большой производственный союз. Среди революционных железнодорожников сейчас усиленно обсуждается вопрос о создании единого союза транспортных рабочих. Таких примеров можно было бы привести много.

Во-вторых, после войны во французском профессиональном движении стал определенно усиливаться централизм. Централизм этот проявляется прежде всего в перестройке уставов отдельных производственных и профессиональных федераций. Теперь они получают все более широкие права и имеют возможность местным организациям не только советовать, но и приказывать. Больше того, они могут даже исключать из федерации несогласные с их решениями синдикаты.

Тот же усиливающийся централизм сказывается и в обеих конфедерациях труда (старой и новой). В 1918 году на париж-

---

[1]) Под реформистами я здесь подразумеваю сторонников старой „Всеобщей Конфедерации Труда", под революционерами—сторонников образовавшейся в 1922 году „Унитарной Всеобщей Конфедерации Труда". Об обстоятельствах, при которых произошел этот раскол, читатель узнает ниже.

ском конгрессе «Всеобщей Конфедерации» (тогда еще единой) был принят ряд мер, значительно усиливающих власть центра. Так, было решено, что Конфедеральный Комитет, который по-прежнему состоит из представителей от входящих в состав Конфедерации федераций, бирж труда и т. д., должен включать в себя по возможности секретарей последних или, по крайней мере, членов их бюро. Тем самым в Конфедеральном Комитете чрезвычайно усиливался «бюрократический» элемент. Этот Конфедеральный Комитет должен был собираться 3 раз в год, играя роль общепрофессиональных конференций между двумя конгрессами Конфедерации, собирающимися теперь ежегодно. Конфедеральный Комитет из своей среды выбирает 30-членную административную комиссию, постоянно живущую в районе Парижа. Административная комиссия, таким образом, является уже достаточно авторитетным и дееспособным органом, могущим оказывать реальное влияние на текущую деятельность синдикатов. Повседневную работу ведет Конфедеральное Бюро, состоящее из выбираемых на конгрессе секретарей Конфедерации и имеющее к своим услугам небольшой служебный аппарат. Сверх того Конфедеральный Комитет выбирает 6-членную контрольную комиссию, на обязанности которой лежит осуществлять ревизионные функции по отношению к общепрофессиональному центру. В этом виде Конфедеральный Комитет уже перестает быть только «телеграфным аппаратом» и несколько приближается, хотя еще не в достаточной степени, к положению немецкой «Генеральной Комиссии» или нашего Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов.

Ахиллесовой пятой Конфедерации сейчас, как и раньше, является ее безденежье и вытекающая отсюда чрезвычайная слабость ее аппарата. Достаточно сказать, что, например, центр «Унитарной Конфедерации Труда», насчитывающий почти 450.000 членов, состоит всего лишь из 11 человек, включая сюда всех от Конфедерального Секретаря до машинистки. Заслуживает быть также отмеченным, что после войны Биржи Труда потеряли свое прежнее значение. Теперь и во Франции, как в Германии и Англии, они играют, главным образом, роль посредниче-

ских контор по подысканию работы. На место Бирж Труда прежнего типа в наши дни стали городские и департаментские об'единения местных синдикатов, т. е. советы профессиональных союзов в чистом виде. Стало быть, и здесь французский синдикализм постепенно выходит на столбовую дорогу международного профессионального движения.

Раскол во французском профдвижении.

Наконец, третьим моментом, свидетельствующим о растущей зрелости французского профессионального движения, является тот раскол в его рядах, который произошел на рубеже 1922 года. Обстоятельства этого раскола вкратце таковы.

Как известно, «Всеобщая Конфедерация Труда», несмотря на весь свой предвоенный антипатриотизм и антимилитаризм, в момент об'явления войны оказалась ничуть не лучше германских и английских профессиональных союзов. Ее вожди, а вместе с ними и большинство членов, ударились в самый крайний социал-шовинизм. Однако, с самого начала в Конфедерации обнаружилось революционное меньшинство. Влияние меньшинства, участвовавшего в Циммервальде и Кинтале, постепенно росло и особенно усилилось по окончании войны, особенно в связи с образованием Коминтерна. Революционное меньшинство играло крупную роль в том широком стачечном движении, которым ознаменовались первые два послевоенные года, и это, естественно, создало отношение вражды и взаимного недоверия между правым и левым крылом «Всеобщей Конфедерации Труда».

После орлеанского конгресса Конфедерации 1920 года революционное меньшинство приступило к созданию во всех союзах своих ячеек в лице так называемых «Комитетов революционных синдикалистов». В Париже был образован Центральный Комитет, об'единивший эти местные ячейки. Данное начинание имело большой успех. Влияние революционных синдикалистов быстро усиливалось, и весной 1921 года они оказались в большинстве на с'ездах двух крупных организаций—«Федерации строительных рабочих» и «Федерации железнодорожников». Это вызвало настоящую панику среди реформистского крыла Конфедерации,

тем более, что представители революционных синдикалистов приняли участие в происходившем в 1921 году первом конгрессе Профинтерна.

Поэтому на лилльском конгрессе Конфедерации 1921 года реформисты добились принятия резолюции о «недопустимости одновременной принадлежности синдикатов к двум профессиональным интернационалам» (имелись в виду Амстердамский Интернационал и Профинтерн), а в сентябре того же года реформистский Конфедеральный Комитет потребовал от синдикатов полного разрыва с «Комитетами революционных синдикалистов». Когда ряд организаций отказался это сделать, Конфедеральный Комитет стал их исключать из состава Конфедерации. Таким образом, подверглись изгнанию «Федерация железнодорожников», «Федерация сельско-хозяйственных рабочих», ряд синдикатов служащих, текстильщиков и т. д.

Положение становилось критическим, и революционным синдикалистам волей-неволей приходилось приниматься за меры самообороны. В конце декабря 1921 года созданной по их почину Инициативной Комиссией был созван так называемый «об'единительный с'езд» синдикатов, где должна была быть сделана попытка добиться восстановления единого фронта в профессиональном движении. Однако, настроение, господствовавшее в Конфедеральном Комитете, исключало всякую возможность соглашения. Поэтому «об'единительному с'езду» ничего больше не оставалось, как создать «Унитарную Всеобщую Конфедерацию Труда», — центр сплочения всех революционных синдикалистов В течение последующих двух лет раскол прошел по всему французскому профессиональному движению, и в настоящее время существуют две конфедерации: «Всеобщая Конфедерация Труда», реформистская, во главе которой стоит Жуо, и «Унитарная Всеобщая Конфедерация Труда», революционная, вождями которой являются Монмуссо, Монат, Семар и друг. Как ни печален сам по себе факт раскола в профессиональном движении, обстоятельства, в связи с которыми он произошел, несомненно свидетельствуют о внутреннем росте передовых слоев французского профессионального движения.

В области организационной этот раскол принес мало нового. Принципы, на которых построены обе Конфедерации, приблизительно одинаковы. В реформистской Конфедерации насчитывается 34 федерации, а в революционной—35. Стало быть, степень концентрации профессионального движения в обеих, примерно, одинакова. Наблюдается даже определенный параллелизм между организациями обоих направлений: в старой и новой Конфедерациях имеется 25 параллельных об'единений (железнодорожники, металлисты, текстильщики, горнорабочие, табачники и др.). Организационным новшеством, введенным «Унитарной Конфедерацией», является только недавно начавшееся создание фабрично-заводских комитетов. В 1923 г. состоялись две конференции парижских фабрично-заводских комитетов. Движение это быстро растет и обещает в скором времени стать мощной опорой революционного профессионального движения.

Что касается соотношения их сил, то вынести окончательное суждение пока трудно. Согласно официальным данным Всеобщей Конфедерации Труда, 1 января 1923 г. в ее рядах насчитывалось 758.000 членов[1]), а согласно официальным данным «Унитарной Всеобщей Конфедерации Труда», она считала в своих рядах на 1 сентября 1923 года 448 тысяч. Если принимать эти цифры за чистую монету, то окажется, что революционные организации превосходят по числу членов реформистские в четырех отраслях труда (железнодорожники, металлисты, строительные рабочие и пищевики) и представляют сильное меньшинство в 12-ти отраслях труда (горнорабочие, текстильщики, общественные служащие, бочары, стекольщики, ювелиры, кожевники, швейники, печатники, бумажники, почтовики, портовые рабочие, работники просвещения и рабочие керамического производства). Однако, есть очень много оснований полагать, что цифры, даваемые реформистами, являются сильно преувеличенными. Действительное число членов Всеобщей Конфедерации Труда сейчас едва ли превышает 300.000 человек. При таких условиях можно

[1]) „Deuxième Annuaire Statistique de la Fédération Syndicale Internationale“ Amsterdam), 1924, стр. 53.

с уверенностью утверждать, что в настоящее время ядром французского профессионального движения является революционная «Унитарная Всеобщая Конфедерация Труда».

II. Формы деятельности.

а) Борьба.

Французские профессиональные союзы всегда отличались от немецких и особенно английских тем, что они резко выдвигали на первый план чисто боевые задачи. Конечно, и трэд-юнионам приходилось вести упорную борьбу с предпринимателями, но они всегда делали это как бы нехотя, под влиянием тяжелой необходимости. Немецкие союзы тоже имеют достаточно богатую боевую историю, но в них никогда не было особого азарта, увлечения этой борьбой. Они считали борьбу при капиталистических условиях нормальным явлением, столь же нормальным, как необходимость пить, есть, спать, и они добросовестно, по-немецки, выполняли свою боевую «норму». Не то во Франции. Французские синдикаты рассматривали себя прежде всего и раньше всего, как чисто боевые организации. Многие из них склонны были считать себя даже исключительно боевыми организациями. С истинно-французским азартом они горели жаждой борьбы, они с презрением относились к задачам взаимопомощи. Из всех видов западно-европейских профессиональных союзов синдикаты несомненно наиболее полно воплотили в себе боевое начало профессионального движения.

Методы борьбы. Каковы же были применявшиеся синдикатами формы борьбы?

Вопрос этот имеет особое значение, так как в данной области французские профессиональные союзы обнаруживали значительные отличия от аналогичных организаций других стран.

Основным принципом, на котором были построены все формы борьбы французских синдикатов, был знаменитый принцип « action directe» («прямого действия»). Один из виднейших вождей синдикализма Грифюэль определял его сущность следующим образом:

«Прямое действие означает действие самих рабочих,—действие, непосредственно совершенное теми, кто в нем заинтересован. Рабочий сам делает усилие и направляет его против тех сил, которые над ним властвуют, чтобы получить от них то, чего он требует. В непосредственном действии рабочий сам создает свою борьбу. Он сам ее ведет, решив расчитывать только на самого себя в деле своего освобождения» [1]).

Итак, прямое действие — это действие самих рабочих, совершаемое ими самими, без участия каких-бы то ни было посредников. Конкретно, в плоскости экономической борьбы, прямое действие выливалось в ряд методов и приемов, отчасти сходных с методами и приемами, применявшимися пролетариями других стран, отчасти же обнаруживавших несомненные признаки оригинальности.

Главным и наиболее часто употребляемым способом борьбы была, конечно, *стачка*. Однако, французские стачки сильно отличались от стачек английских и немецких. Там стачка почти всегда была организована, она заранее тщательно подготовлялась, ей предшествовали чисто деловые расчеты, целью которых было заранее взвесить возможные шансы успеха. Здесь стачка лишь крайне редко бывала по-настоящему организована. Элемент стихийности во французских стачках был всегда очень силен, а подготовка к стачке отличалась крайней незначительностью. Точно также отсутствовал по большей части предварительный учет всех возможных за и против. Борьба по правилу вспыхивала внезапно, сплошь да рядом без прямого руководства синдиката, и только в процессе дальнейшего развития конфликта в него вмешивалась и старалась взять его в свои руки профессиональная организация.

Громадную роль играл также локализм: места бастовали, не спрашиваясь центра, а центр не имел возможности оказывать влияние на места. Во французском стачечном движении расчет вообще делался и еще делается не столько на союзную кассу сколько на массовый энтузиазм. И, если стачка даже и оканчи-

[1]) V. Griffuelhes. Syndicalisme révolutionnaire, см. „Mouvement socialiste". 1905, № 1.

валась поражением, синдикалисты не бывали этим очень огорчены. В предвоенные годы среди них господствовало убеждение, что всякая стачка, чем бы она ни кончилась, хороша уже потому, что она стачка, т. е. массовое боевое выступление рабочих. Синдикалисты говорили, что пролетариат для поддержания своего духа в состоянии бодрости и здоровья нуждается в «революционной гимнастике». Стачки, независимо от их исхода, они считали такой гимнастикой, подготовлявшей рабочий класс к последней великой, всеобщей забастовке, которая должна опрокинуть капитализм и открыть эру социальной революции. Именно поэтому синдикалисты предвоенных лет не только никогда не сдерживали, но, наоборот, всячески стимулировали развитие забастовочного движения. Именно поэтому они широко пропагандировали так называемые «стачки солидарности», т. е. стачки рабочих не затронутых конфликтом отраслей производства исключительно лишь из сочувствия и для поддержки той группы рабочих, которая в данный момент находилась в борьбе. Насколько широко применялся этот прием, можно судить по тому, что, например, в 1905 году из 830 зарегистрированных стачек 271 или около ⅓ были «стачками солидарности».

Как уже упоминалось выше, стачки во Франции обычно поддерживаются не за счет союзных касс, всегда очень тощих, а за счет специально организуемых сборов, при чем эти сборы подчас принимают, по французским масштабам, весьма крупные размеры. Так, например, за первые 8 месяцев 1923 года «Унитарная Всеобщая Конфедерация Труда» из общей суммы своих доходов в размере 1.300.000 франков около 800.000 собрала в «фонд солидарности», из которого поддерживаются стачечники. Особенностью французских стачек является так называемая «охота на лисиц», т. е. жестокие расправы с штрейкбрехерами. В этом отношении французы, при своем пылком темпераменте, далеко превосходят и англичан и немцев. Стоит отметить еще, что в целях большей успешности борьбы синдикалисты нередко применяли два метода: устройство среди стачечников так называемых «коммунистических столовых», где бастующие рабочие могли сообща и, стало-быть, дешевле продовольствоваться в течение борьбы, а

также размещение детей стачечников в семьях рабочих, в данный момент не затронутых конфликтом. Последняя мера впервые была испытана в 1906 году во время стачки сапожников в Фужере, а затем стала постепенно входить в обиход.

На ряду со стачкой, нередко дополняя ее, синдикатами выдвинут был еще один способ борьбы—*саботаж,* т. е. порча машин, матерьялов и т. п. в предприятии, охваченном конфликтом. В первый раз саботаж был применен во время большой стачки железнодорожников 1910 года, свирепо усмиренной бывшим апостолом всеобщей забастовки Аристидом Брианом. Точно также во время стачки парижских электриков благодаря саботажу вся столица внезапно погрузилась во мрак. Аналогичные случаи в предвоенные годы были очень часты, но после войны саботаж стал постепенно выходить из употребления.

Еще одним методом борьбы, применяемым синдикалистами, были *бойкот* и *лебель.* Бойкот фирм, отличающихся особой враждебностью по отношению к рабочим, был внесен в арсенал пролетарской борьбы конгрессом Бирж Труда 1897 года и в дальнейшем неоднократно, хотя и с переменным успехом, применялся на практике. Лебель—это союзная марка, клеймо, которое ставится профессиональной организацией на продуктах фирмы, выполняющей требования синдиката. Лебель в противоположность бойкоту является таким образом своего рода рекомендацией для данного предприятия. Конечно, и бойкот и лебель могут иметь свое значение только в производствах, продукты которых потребляются рабочими кругами. Кроме того, для проведения их необходима хорошая организация. В частности лебель прочно укрепился, главным образом, лишь в области печатного дела.

Далее, французские профессиональные союзы нередко прибегали для достижения своих целей к устройству массовых митингов, демонстраций и т. п. Так, например, в 1902—1903 годах этот метод и при том с большим успехом был пущен в ход во время борьбы, организованной синдикатами против частных посреднических контор по приисканию занятий.

Наконец, еще одной формой борьбы, пользовавшейся большой популярностью среди синдикалистов, был *захват явочным по-*

рядком различных завоеваний. Наиболее ярко данный метод выявился в 1906 году во время майской борьбы за 8-часовой рабочий день. Еще на буржском конгрессе «Всеобщей Конфедерации Труда» в 1904 году было решено с 1 мая 1906 года ввести во французской промышленности явочным порядком 8-часовой рабочий день. В течение двух лет энергично велась соответственная агитация, а затем в начале апреля 1906 года конференцией национальных федераций профессиональных союзов было принято постановление: с 1 мая рабочие работают только 8 часов. Если предприниматель этому противится, то по истечении 8 часов рабочие кончают работу и уходят домой. Действительно, с указанного числа начался фактический захват 8-часового рабочего дня. Он продолжался в течение всего мая месяца. Однако, раздраженные предприниматели ответили на захват многочисленными локаутами. Рабочие в свою очередь стали об'являть стачки. В конечном результате в ряде предприятий и отраслей труда удалось несколько сократить рабочее время (хотя и не до 8 часов), в других добиться повышения заработной платы. В общем исход движения 1906 года носил компромиссный характер.

Таковы основные формы профессиональной борьбы (о формах политической борьбы, которой занимались синдикалисты, мы будем говорить ниже), которые применялись французским движением в предвоенные годы и в большей части применяются и сейчас.

Размах и успешность борьбы.

В заключение приведем некоторые цифровые данные, характеризующие экономическую борьбу французского пролетариата. За период 1900—1913 годов во Франции всего имело место 14.205 стачек с 3.022.000 участников. В среднем это дает 213 человек на одну стачку против 126 в Германии и 457 в Англии. Французские стачки были, таким образом, крупнее немецких, но мельче британских. Ежегодно происходило 1.014 стачек с 216.000 участников. Если вспомнить, что численность промышленных рабочих в рассматриваемый период достигала пяти с небольшим миллионов, то придется признать, что во Франции ежегодно бастовал один рабочий из каждых 23, в то время, как в Германии

бастовал один из 36, а в Англии один из 42. Таким образом, напряженность стачечной борьбы во Франции была выше, чем в двух других упомянутых странах [1]).

Во время войны стачечное движение во Франции сильно сократилось. Действительно, в 1915 году имели место всего 98 стачек с 9.000, а в 1916—314 стачек с 41.000 участников. Однако после войны стачечное движение сразу вспрыгнуло на небывалую высоту. 1919 год дал 2.253 стачки с 652.000 бастующих. А в 1920 году разразилась знаменитая борьба на железных дорогах, сыгравшая историческую роль в судьбах послевоенного профессионального движения.

Суть этой борьбы вкратце сводится к следующему. В феврале 1920 года в связи с увольнением одного делегата союза железнодорожников, выехавшего на с'езд без получения отпуска от начальства, вспыхнула забастовка на железных дорогах. Буржуазия чувствовала себя в тот момент не очень крепко в седле,—поэтому она попыталась ликвидировать движение видимостью уступок. Рабочим надавали ряд обещаний, но ни одного из этих обещаний не исполнили. Тогда озлобленные железнодорожники 1 мая об'явили всеобщую стачку. Реформисты, которые незадолго перед тем провалились на выборах в центральное бюро Федерации железнодорожников, всячески саботировали стачку. На некоторых дорогах (северных и восточных), где реформисты были сильны, они воспрепятствовали проведению забастовки. Благодаря этому обеспечен был подвоз угля из Англии и Германии. «Всеобщая Конфедерация Труда», тогда еще единая, руководимая реформистами, также саботировала движение железнодорожников. Вместо того,

[1]) Само собой разумеется, что во Франции от времени до времени происходили и очень крупные столкновения. Так, например, в 1902 году разыгралась большая двухмесячная стачка 120.000 углекопов из-за 8-часового рабочего дня, стачка, окончившаяся неудачно. В 1906 году имела место вторая большая стачка углекопов, насчитывавшая 80.000 участников. В том же году в течение первой майской недели в Париже бастовало свыше 150.000 человек. Подобных примеров можно было бы набрать и еще несколько. Они, однако, нисколько не меняют того факта, что средний размер французской стачки немногим превышал две сотни участников.

чтобы сразу поддержать их всеобщей стачкой, Конфедерация провозгласила тактику «последовательных волн». Это значило, что рабочие других производств будут не сразу вводиться в борьбу, а постепенно одни за другими: сначала углекопы и портовые рабочие, потом металлисты, за ними текстильщики и т. д. В конечном счете данная тактика только раздробила движение и лишила его необходимой импозантности. Результат борьбы оказался очень плачевным: после 3 недель чрезвычайных усилий рабочие должны были прекратить стачку. Начались массовые репрессии. Свыше 20.000 железнодорожников было уволено, виднейшие вожди движения — Монмуссо, Сироль и др. арестованы, некоторые вынуждены бежать за границу. Капитал решительно перешел в наступление, а профессиональному движению был нанесен тяжелый удар, от которого оно не может как следует оправиться и до сих пор.

Какова успешность стачечной борьбы синдикатов?

По имеющимся официальным данным все стачки 1900—13 г.г. по степени успешности распределяются следующим образом:

Полностью успешных для рабочих	20,8%
Частично успешных для рабочих	37,6%
Неуспешных для рабочих	41,6%
	100%

Итак, свыше $^2/_5$ всех столкновений кончились поражением пролетариата и лишь $^1/_5$—полным его успехом. Что касается эпохи войны и в особенности послевоенных лет, то о них пока, к сожалению, не имеется достаточно подробных данных. Равным образом не имеется данных и о суммах, израсходованных французскими синдикатами на дело профессиональной борьбы.

В отличие от Англии и Германии во Франции в предвоенные годы система коллективных договоров была очень мало распространена. Это об'яснялось, с одной стороны, слабостью французского профессионального движения, а, с другой, враждебным отношением к ним со стороны синдикалистов, усматривавших в соглашениях с предпринимателями один из методов притупления классовой борьбы.

б) Взаимопомощь.

Мы уже знаем, что французские синдикаты с большим пренебрежением относятся к делу взаимопомощи. Поэтому мы напрасно стали бы искать у них той разветвленной сети пособий на случай безработицы, болезни, несчастья и т. п., которую мы встречаем в Англии и Германии. По существу необходимо признать, что взаимопомощи, как сколько-нибудь развитой отрасли профессионально-союзной деятельности, во Франции не имеется. Исключение составляют лишь очень немногие союзы, наиболее важным из которых является «Федерация Книги», построенная, примерно, по образцу немецкого союза печатников. Она выдает и пособия от безработицы, и пособие на случай болезни, и похоронное пособие, и многие другие. Пособие от безработицы выдают и некоторые другие союзы, например, мебельщики, текстильщики и т. д. Однако, необходимо иметь в виду, что даже и в них дело взаимопомощи регулируется обычно локально (т. е. отдельные местные организации, если находят нужным, вводят те или иные пособия) и что размеры оказываемой поддержки весьма незначительны. Французские синдикалисты не перестают доказывать, что отсутствие взаимопомощи является несомненным доказательством особой революционности французского профессионального движения. Правильнее будет сказать, что они из нужды делают добродетель. Во французских союзах нет взаимопомощи потому, что французские рабочие не любят платить высоких взносов. Заботы же о революционности профессиональных организаций играют тут совершенно второстепенную роль. Конечно, излишнее увлечение мирными пособиями, как учит опыт Англии и Германии, способствует скорейшему оппортунистическому перерождению профессионального движения. Однако, было бы смешно на этом основании совершенно отказываться от взаимопомощи, ибо оппортунистическое перерождение профессиональных союзов вытекает не столько из их увлечения взаимопомощью, сколько из других, гораздо более общих и глубоких причин. Доказательством этому может служить тот факт, что французские синдикаты,

которые никогда не были отягощены делами взаимопомощи, тем не менее во время войны оказались ничуть не худшими «патриотами», чем английские трэд-юнионы и германские «геверкшафты».

в) Культурно - просветительная работа.

В противоположность взаимопомощи культурно-просветительная работа с самого начала пользовалась несомненными симпатиями синдикатов. Однако, благодаря их крайней финансовой немощности размеры и формы ее никогда не отличались особенным богатством. Наиболее ярким проявлением культурно-просветительных стремлений французского профессионального движения является его печать. Еще в 1900 году «Всеобщая Конфедерация Труда» стала выпускать еженедельный орган „La voix du Peuple" («Голос народа»), расходившийся в количестве около 8.000 экземпляров. Этот орган существует вплоть до настоящего дня и сейчас обслуживает реформистов («Унитарная Конфедерация» тоже имеет свой орган). Каждый из более крупных профессиональных союзов или федераций обычно выпускает свой ежемесячник или двухнедельник. В общей сложности этих последних насчитывается не меньше сотни. Французские профессиональные органы по типу своему ближе подходят к немецким, чем к английским: в них имеется не только циркулярный материал, но также и статьи по различным вопросам экономики, политики, профессионального движения и т. д. Впрочем, тираж французской профессиональной прессы не очень значителен, и ей совершенно не под силу меряться с тиражем профессионально-союзных органов немецких или российских.

Кроме печати, культурно-просветительные стремления французских синдикатов находят свое выражение еще в организации различного рода курсов, лекций, собеседований и т. п., которые в довоенные годы устраивались в биржах труда, а сейчас все больше переходят в руки местных и департаментских об'единений профессиональных союзов.

Никаких суммарных цифровых данных, характеризующих культработу французского профессионального движения, не имеется.

III. Профессиональные союзы и политика.

Если отвлечься от эпохи 70—80 годов, когда французские профессиональные союзы делали лишь первые робкие шаги по пути своего укрепления, то можно утверждать, что отношение синдикатов к тому, что принято обычно называть политикой, характеризовалось *полным разрывом между синдикатами и политикой.* И в этом заключалась наибольшая оригинальность французского профессионального движения.

Французский социализм.

Для того, чтобы понять причины, вызвавшие подобный разрыв, необходимо несколько ближе познакомиться с французским социализмом, как он сложился после Коммуны. Мы уже видели, что вся политическая жизнь Франции в течение минувшего полустолетия была глубоко пропитана мелкобуржуазными влияниями. Это крайнее засилье мещанской стихии явственно отразилось также и на французском социализме. Свое выражение оно находило, главным образом, в двух фактах. Во-первых, в том, что личный состав французских социалистических партий (а их было очень много) был не пролетарский, а по преимуществу мелкобуржуазный. Громадную роль в этих партиях, никогда не носивших массового характера, играли журналисты, адвокаты, чиновники и другие выходцы из рядов интеллигенции. Видное участие в них принимали также мелкие лавочники, владельцы небольших мастерских, крестьяне и иные представители типичной мелкой буржуазии. Конечно, в социалистических партиях—особенно у гедистов—имелись и рабочие, но они не пользовались большим влиянием в партии и во всяком случае не они делали погоду в партийной политике. Во-вторых, засилие мещанской стихии в социалистическом движении сказывалось в чрезвычайной склонности его ко всякого рода компромиссам, соглашательству, оппортунизму, со свидетельствами которого мы будет неоднократно встречаться в дальнейшем изложении. При этом особенно важно подчеркнуть, что реформизм французского социализма всегда был окрашен в цвета Великой Французской Революции. Подобно французской буржуазии, и французский социализм также жил процентами с капи-

тала 1793 года. На практике это вело к тому, что французский социализм впитал в себя слишком много навыков и воззрений, свойственных мелко-буржуазному радикализму. Он был почти исключительно *политическим* социализмом, т. е. придавал серьезное значение только политической борьбе, которая, в свою очередь, фактически сводилась к парламентской деятельности, и совершенно не дооценивал громадного значения экономических методов пролетарской борьбы. Данный факт имел колоссальное значение как раз для судеб профессионального движения.

Мелкобуржуазный характер французского социализма имел своим последствием его дробление на целый ряд мелких, легко возникавших и погибавших групп и партий, в которых личный момент играл несоразмерно большую роль. В этом отношении французский социализм разделял вообще судьбу всех французских политических образований. Особенно велика была раздробленность социализма в 80-х и 90-х годах прошлого столетия. В самом деле, в этот период существовало никак не менее 6 различных социалистических партий или группировок. Вот их перечисление и наиболее краткие характеристики.

1) *«Французская Рабочая Партия»,* существовавшая с 1879 по 1902 г. Во главе партии стояли Жюль Гед (отсюда название гедисты), Поль Лафарг, Дювель и др. Эта партия исповедывала марксистские взгляды, и первоначальная программа ее была редактирована Марксом и Энгельсом. Гедисты в области организационной были сторонниками централизма и горячими апологетами политической борьбы. Первоначально они относились к парламентаризму довольно критически и утверждали, что участвуют в избирательных кампаниях, главным образом, с агитационными целями. Постепенно, однако, они стали обнаруживать явный уклон в сторону парламентского кретинизма, что главным образом об'яснялось присутствием в их рядах большого количества выходцев из рядов интеллигенции. Дело дошло до того, что Гед стал допускать возможность захвата политической власти пролетариатом чисто парламентским путем. Так, например, в речи, произнесенной в палате депутатов 24 июня 1896 года, он, между прочим, говорил:

„Наша армия с каждым днем растет. Развитие демократического режима само собою ее увеличивает. И так как вы дали ей в руки оружие всеобщего избирательного права и не в состоянии уже больше его отнять... то силою одного только этого законного оружия, фатальным образом, в ее руках очутится власть. И это произойдет скоро".

При таком явном перегибе в сторону чистой политики, да еще парламентарной, совершенно очевидно, что гедисты не были в состоянии по достоинству оценить значение экономической борьбы и экономических организаций для пролетариата. Поэтому их отношение к профессиональным союзам диктовалось их партийно-политическими соображениями. Так, на конгрессе 1890 г. в Лилле было постановлено: «члены партии должны входить в синдикаты *только для пропаганды своих идей и вербовки новых членов*» (курсив мой И. М.). Никакой иной работы в синдикатах партия для своих членов не находила. И это не случайность. Гедисты признавали за профессиональными союзами только значение «школ для вербовки новых сторонников», да еще роль подсобных организаций в деле избирательной борьбы. Им совершенно не приходило в голову, что профессиональные союзы могут иметь большое реальное значение для пролетариата, как профессиональные союзы, как те органы, которые призваны защищать его интересы в экономической борьбе с капиталом.

2) *Союз социалистических рабочих Франции»* (1882—1899), в просторечии получивший наименование «поссибилистов». Он возник в результате раскола в руководимой гедистами «Французской Рабочей Партии». Во главе «поссибилистов» стояли Брусс и Малон, находившиеся под сильным влиянием прудонизма. В противоположность гедистам, поссибилисты были не централисты, а федералисты. Главные надежды они возлагали не на завоевания парламента, а на завоевания муниципалитетов. Поэтому они особенно интересовались проведением возможно большего количества своих представителей в местное самоуправление. По своим теоретическим взглядам «поссибилисты» были значительно правее гедистов, ярко воплощая настроения и идеи социалистического реформизма. «Поссибилисты—любил говорить Брусс — материалисты и практики, готовые пользоваться всеми орудиями борьбы,

находящимися в их распоряжении: силой или избирательным правом, смотря по надобности... Они хотят добиваться политических и экономических реальностей». Это была весьма наклонная плоскость, и «поссибилисты» весьма быстро по ней покатились. Мало-по-малу они превратились в чисто соглашательскую группу, которая интересовалась только парламентом. Впрочем, «поссибилисты» относились довольно дружественно к синдикатам, предполагая даже сделать их основной базой своей партии. Они предрекали синдикатам большую роль в будущем обществе. Так, конгресс «поссибилистов» 1883 года принял резолюцию, в которой заявлялось, что «будущая форма социального строя будет иметь исходным пунктом рабочие общества, превратившиеся в главные колеса общественного механизма, так как национальная и международная администрация будет просто составляться из комитетов этих обществ» [1]). Но эта «любовь» бруссистов к синдикатам на практике опять-таки означала самое тесное вовлечение их в орбиту своей партийной политики.

3) *«Революционно-социалистическая Рабочая Партия»*, в просторечии «аллеманисты» (по имени своего вождя Аллемана) возникла в 1890 году, благодаря расколу уже в рядах «поссибилистов». Более левая часть последней, недовольная крайне оппортунистическим уклоном, который приняла партия, вышла из нее и образовала свою особую политическую группу. Во главе ее, кроме Аллемана, стояли еще Грусье, Бурдерон, Клеман и др. Аллеманисты на словах обнаруживали большую революционность. Они резко протестовали против парламентского кретинизма и заявляли, что участвуют в избирательных кампаниях исключительно с агитационными целями. Главное значение они придавали синдикатам, считая их основой пролетарского движения, и энергично пропагандировали идею всеобщей стачки. На своем конгрессе в 1891 году они между прочим постановили:

«а) деятельно пропагандировать синдикальные и политические союзы, б) когда эти союзы будут об'единены общим соглашением,

[1]) Compte rendu du congrès de la Fédération des travailleurs socialistes de France, tenu à Paris du 30 septembre, 1883.

должна быть об'явлена всеобщая стачка, национальная и международная, которая, может быть, приведет к развязке и превратится в социальную революцию — конечную цель наших стремлений» [1]).

Б соответствии с своими взглядами «аллеманисты» принимали деятельное участие в профессиональном движении и пустили особенно прочные корни среди Бирж Труда. Подобно «поссибилистам», «аллеманисты» считали, что будущее общество будет построено на основе синдикатов. Они принимали в свою партию только рабочих и требовали, чтобы каждый член партии принадлежал к соответственному профессиональному союзу. Несмотря, однако, на всю свою революционную внешность, «аллеманисты» не избегли общей судьбы французских социалистических партий: проникнув в палату депутатов, они стали весьма успешно эволюционировать вправо, пока не превратились в самых обычных парламентских соглашателей.

4) *«Революционно-Коммунистический Альянс»,* — это была сравнительно небольшая группа правых «аллеманистов» (Грусье, Дежан и др.), исключенных из партии за неподчинение партийной дисциплине и за отказ отдавать часть своих доходов на цели партийной пропаганды. Правые «аллеманисты» конституировались, как особая группа в парламенте, но большой политической роли не играли.

5) *«Революционно-Социалистическая Партия»,* больше известная под именем «бланкистов». Она являлась продолжательницей традиций знаменитого революционера Огюста Бланки, учившего, что социалистичекий переворот может быть совершен с помощью заговора, который увлекает за собой трудящиеся массы. «Революционно-социалистическая Партия», во главе которой стоял Э. Вальян, была основана в 1881 году под именем «Центрального Революционного Комитета». С 1898 года она приняла имя «Революционно-социалистической партии». Бланкисты об'являли себя «атеистами, материалистами, республиканцами - коммунистами, интернационалистами и революционерами». Они считали себя

[1]) Compte rendu du X-e congrès nat. socialiste, 1891, стр. 101—102.

«партией действия», которая не может отрицать ни одного метода борьбы. В своей программе бланкисты говорили: «Центральный Революционный Комитет допускает все виды деятельности,— на почве экономической, политической, социальной, избирательной и революционной». Бланкисты были организованы строго централистически, издавали газету, носившую характерное название «Ни бога, ни хозяина», и энергично проповедывали «прямое законодательство», т. е. законодательство, осуществляемое в порядке народной инициативы. В нем они видели способ, с помощью которого «будут постепенно вытеснены все законы, носящие монархический характер, и создастся истинно-республиканская конституция». Что касается профессиональных союзов, то бланкисты рассматривали их как вспомогательные организации и большого значения им не придавали. Несмотря на свои грозно революционные повадки, бланкисты, подобно всем остальным, не выдержали испытания мелкобуржуазным парламентаризмом. Они тоже покатилась по наклонной плоскости, и уже позднее, в 1914 году, старый коммунар и переворотчик Вальян оказался министром правительства «национальной защиты».

6) *«Независимые Социалисты»* об'единяли собой весьма пеструю группу социалистов и полусоциалистов, вышедших из рядов интеллигенции. Здесь были Мильеран, Бриан, Вивьяни, Оганьер, Марен и др. Здесь же находились и бывшие коммунары—журналисты Феликс Пия, Лиссагаре, Камелина, Жюль Валлес и т. д. Среди независимых социалистов начали свою деятельность Жорес, Ренодель, Зеваэс, Прессансе и многие другие. В 1893 году «Независимые Социалисты» об'единились в «Социалистическую Республиканскую Федерацию Сены», а с 1898 года они образовали «Союз Независимых Социалистов Франции». Крупной организации независимые социалисты никогда не представляли, но в парламенте пользовались довольно большим влиянием, имея в своих рядах целый ряд очень выдающихся политиков. По взглядам своим они стояли на крайнем правом крыле реформизма. К синдикальному движению «независимые социалисты» не имели близкого отношения, лишь отдельные лица среди них (как Аристид Бриан и некоторые другие) порой выступали на профессионально-союз-

ных конгрессах и принимали известное участие в профессионально-союзной борьбе. Однако и «независимые социалисты», подобно другим социалистическим группировкам, охотно готовы были признать синдикаты «вспомогательными организациями», могущими быть весьма полезными в моменты избирательных кампаний.

Таковы были важнейшие социалистические группировки конца XIX века. За исключением гедистов, ни одна из них не имела последовательно-революционной идеологии. И ни одна из них, уже без всякого исключения, не имела действительно революционной практики. Все они оказывались зараженными ядом оппортунизма, все они мало-по-малу превращались в чисто парламентские партии, поставлявшие большое количество ренегатов, легко покупавшихся буржуазией. Все они также совершенно недвусмысленно обнаруживали глубокую недооценку значения профессионального движения, как самостоятельной формы пролетарской борьбы. Для них профессиональные союзы были лишь «вспомогательными организациями», которые они не прочь были использовать для избирательных целей (благо партийный аппарат всех социалистических групп был очень слаб) и которые они постоянно вмешивали в кипевшую между ними фракционно-политическую грызню. Точка зрения французского социализма на профессиональные союзы отчасти напоминала взгляды лассальянцев, но разница между Германией и Францией состояла в том, что в Германии имел место готский конгресс, на котором произошло об'единение лассальянцев с марксистами. Во Франции же своего готского конгресса не было до 1905 года, когда многочисленные фракции французского социализма слились, наконец, в «Об'единенной Социалистической Партии». Французское профессиональное движение в течение целых 30 лет должно было развиваться при наличии описанных выше условий в социалистическом лагере. Совершенно неизбежна была здоровая пролетарская реакция против этого принижения роли экономической борьбы и против систематического вовлечения профессиональных союзов во все мелкие политические и фракционные распри между партиями. Однако, в условиях французской обстановки здоровая пролетарская реакция

приняла несколько болезненный характер, отлившись в форму так называемого *революционного синдикализма.*

Революционный синдикализм.

В чем состояла его суть?

Зародыши синдикалистских идей мы находим уже в конце 70-х годов прошлого столетия. Действительно, на втором конгрессе синдикатов в Лионе в 1878 г. делегат лионских механиков Болливе выступил с чрезвычайно любопытной речью. Он доказывал в ней, что парламентаризм совершенно бесполезен для рабочих, так как пролетарское меньшинство не сможет ничего сделать в палате самостоятельно и вынуждено будет итти на компромиссы с буржуазными партиями. Болливе поэтому рекомендовал в парламент не ходить, а основывать синдикаты, целью которых должно быть не только повышение заработной платы, но и уничтожение всей системы наемного труда. Однако, Болливе в тот период был одним из немногих. В 80-х годах такие настроения постепенно нарастали у большего числа рабочих, особенно в связи с постоянными расколами в рядах социалистического движения, крайне вредно отражавшимися на развитии профессиональных союзов. Так, организационная комиссия по созыву синдикального конгресса 1886 года в своем докладе заявляла:

„Мы организуем рабочих, которые изучили общественные вопросы и которые признали, что разногласия на почве доктрин в страшной степени распыляют наши силы... Мы решили отложить в сторону все наши политические и иные вкусы, чтобы итти рука об руку и об'единить наши силы против общего врага. Вопросы труда всегда способны об'единить рабочих" [1]).

Возникновение в 1892 г. «Федераций Бирж Труда» явилось уже актом открытого протеста профессиональных союзов против политики социалистических партий в синдикальных вопросах. А на упоминавшемся выше синдикальном конгрессе 1894 г. в Нанте, где была принята резолюция о всеобщей стачке, заставившая гедистов покинуть конгресс, произошел открытый разрыв между профессиональными союзами и «политиками». Возник-

[1]) См. А. Чекин. „Теория, история и практика профессионального движения", 1923, часть II, стр. 77.

новение в 1895 году «Всеобщей Конфедерации Труда» и происшедшее в 1902 году ее об'единение с «Федерацией Бирж Труда» явились дальнейшими этапами развития этого разрыва и закрепления профессионального движения на занятых им позициях синдикального суверенитета. Амьенский конгресс «Всеобщей Конфедерации Труда» 1906 года окончательно оформил идеологию профессионального движения, приняв особую программу, получившую наименование «амьенской хартии». В виду большого исторического значения этого документа, продолжающего играть известную роль и в настоящее время, я приведу его здесь целиком. Вот что он гласит:

„Амьенский Конгресс Конфедерации подтверждает § 2 конституции ВКТ.

„ВКТ об'единяет, вне зависимости от какого-либо политического направления, всех трудящихся, являющихся сознательными сторонниками борьбы за уничтожение наемного труда.

„Конгресс считает, что эта декларация является признанием классовой борьбы, которая в экономической области противопоставляет восставших рабочих всем формам эксплоатации и притеснения как морального, так и материального, практикуемым классом капиталистов в своей борьбе против пролетариата.

„Конгресс раскрывает в следующих пунктах конкретное значение этого теоретического положения.

„В своих повседневных требованиях синдикализм преследует задачу координирования всех сил пролетариата, увеличения благосостояния трудящихся путем осуществления непосредственного улучшения их положения, выражающегося в сокращении рабочих часов, в увеличении заработной платы и т. д...

„Но эта деятельность является только одной стороной синдикализма; синдикализм подготовляет вместе с тем полное освобождение, которое может быть достигнуто только путем экспроприации капиталистов; он отстаивает всеобщую забастовку, как средство борьбы, и считает, что синдикат, являющийся в настоящий момент организацией сопротивления, в будущем станет органом производства и распределения, основой социального переустройства.

„Конгресс заявляет, что эта двойственная работа, работа повседневная и работа во имя будущего, вытекает из системы наемного труда, которая давит на рабочий класс и побуждает всех трудящихся, каковы бы ни были их философские и политические стремления, входить в основной орган рабочего класса, каким является синдикат.

„Следствием из этих положений является то, что по отношению к отдельным лицам Конгресс подтверждает полную свободу для каждого члена синдиката участвовать вне своей профессиональной организации в тех органах борьбы, которые отвечают его философскому и политическому мировоззрению, ограничиваясь только требованием не вносить в синдикат тех теорий, которые он исповедует вне своей профессиональной организации.

„По отношению же к организациям Конгресс постановляет, что для того, чтобы синдикализм достиг максимальных результатов, необходимо, чтобы экономическая деятельность синдикатов была непосредственно направлена против буржуазного строя, и что конфедеральные организации, в качестве профессиональных об'единений, должны выступать вне всякой связи с различными партиями и сектами, которым открыта свободная возможность бороться за перерождение общества вне Конфедерации и наряду с таковой".

Итак, революционный синдикализм определенно заявлял, что он стремится к социализму, но только не государственному социализму, каковым его мыслят себе марксисты, по крайней мере, для первого периода социалистической эпохи, а к *социализму синдикальному*. Профессиональные союзы будут держать в своих руках всю производственную машину, а стало быть и всю общественную организацию. Здесь явственно выступает влияние анархистских идей с их враждой к государству и с их стремлением построить общество на основах федерализма. В этом, впрочем, не было ничего удивительного. Поскольку социализм обнаружил свою полную неспособность покорить сознание профессионально организованных рабочих анархизму, имевшему во Франции старинные традиции, не трудно было оказать влияние на идеологию синдикалистов. И действительно, мы видим, что ряд виднейших деятелей профессионального движения во главе с Ф. Пеллутье вышел из рядов анархистов-коммунистов. Конечно, этим выходцам в процессе синдикальной работы пришлось тоже подвергнуться известному перерождению: они отошли от принципов чистого анархизма и, восприняв известные элементы социализма, создали промежуточное течение — революционный синдикализм. Тем не менее, на многих теориях и методах последнего совершенно явственно различается определенно анархический налет.

Каковы пути, с помощью которых революционный синдикализм надеется достигнуть своих конечных целей?

Эти пути лежат в стороне от большой дороги «политики». К «политике» синдикалисты относятся вообще крайне отрицательно. В докладе, составленном «Всеобщей Конфедерацией Труда» для предполагавшегося в 1903 году международного с'езда профессиональных союзов в Дублине, между прочим, говорилось следующее:

„В продолжение многих лет французские синдикаты служили ареной борьбы различных социалистических партий; раздираемые расколами этих партий, синдикаты прозябали, потому что рабочие видели в них лишь видоизменение политико-социалистических комитетов. Однако, мало-по-малу синдикаты стали сознавать ту важную общественную роль, которую они призваны играть; они отбросили политические вопросы и поставили на первое место свои экономические тенденции" [1]).

С особенной враждебностью синдикалисты относятся к парламентаризму, считая, что на этом пути рабочий класс не может приблизиться к завоеванию власти. На турском конгрессе синдикатов в 1896 году один из делегатов говорил: «завоевание политической власти (через парламент)—химера: из 585 депутатов в палате насчитывается всего 3 или 4 истинных социалиста. Из 36.000 коммун до сих пор были завоеваны только 150». И данный делегат отражал широко распространенные в профессионально-союзной среде взгляды. Вместе с тем парламентаризм глубоко развращает всех, близко с ним соприкасающихся. «Парламентаризм — говорит один из теоретиков синдикализма Г. Лагарделль— великая школа компромисса: партии, различные по существу, перепутываются в голосованиях и смешивают свою тактику применительно к случаю. Всякий закон есть лишь результат ряда торгов и переторжек, в которых всякий теряет много, чтобы получить мало. Принципом является не разделение партий, но их со-

---

[1]) Н. Критская и Н. Лебедев, История социального движения во Франции (1908 г.), стр. 211.

трудничество» [1]). Нельзя не признать, что многое в критике Лагарделля совершенно правильно. В вопросе о парламентаризме синдикалисты обнаружили много действительно революционного чутья. Они понимали, конечно, что в буржуазном государстве парламент имеет немалое значение и что без парламента рабочему классу подчас невозможно обойтись. Но даже признавая это, синдикалисты не хотели занимать депутатские кресла. В 1911 г. Жуо говорил: «Когда какая-нибудь реформа общего характера становится настоятельно необходимой, то вместо того, чтобы обращаться к государственной власти, мы прибегаем к содействию вне стен парламента, чтобы оказать давление на законодателей. Мы стремимся прежде всего вызвать определенный сдвиг в общественном мнении, создать такое состояние умов, при котором реформа становится неизбежной». Давлением на парламент извне синдикалисты хотели заменить непосредственное участие свое в парламентской работе.

Но зло парламентаризма состоит не только в том, что он развращает все попадающие в его машину элементы,—зло его состоит также и в том, что он заменяет непосредственную активность масс активностью немногочисленных ее избранников. Масса передоверяет устройство своей судьбы депутатам, а это значит, что осуществление ее желаний подвержено риску быть сильно искаженным, и сверх того это воспитывает в массе навыки пассивности. «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих» — этот знаменитый лозунг синдикалисты сделали основой своей тактики, понимая его при том в очень узком и непосредственном смысле слова. Исходя именно из данного лозунга, синдикалисты стремились закрыть двери своего движения пред интеллигентами (что им впрочем не удалось), враждебно относились ко всем социалистическим партиям, так как в рядах последних неизбежно было участие и не рабочих элементов, и упорно доказывали, что единственной организацией, могущей говорить от имени пролетариата, является лишь профессиональный союз, так как в него принимаются исключительно рабочие. Ригоризм

[1]) Г. Лагарделль, Революционный Синдикализм (1906), стр. 41–42

синдикалистов в этом отношении был настолько силен, что даже сотрудниками органа «Всеобщей Конфедерации Труда» «Voix du Peuple» могли быть только рабочие.

Прямым последствием той же точки зрения было крайнее увлечение синдикалистов так называемым «прямым действием». Выше мы видели формы «прямого действия» в области экономики, сейчас нам необходимо остановиться на формах «прямого действия», как они мыслились и применялись синдикалистами в отношении политики. Здесь синдикалисты обнаруживали на первый взгляд чрезвычайную революционность. Все они были ярые антимилитаристы и, не стесняясь, вели весьма шумную и подчас крикливую агитацию против вооружений. Все они были не менее ярыми антипатриотами, не устававшими на всякие лады комментировать памятные слова Маркса о том, что «у пролетария нет отечества». Особенно много энергии в данной области проявлял Густав Эрве, издававший в предвоенные годы бойкую газету «Guerre Sociale» («Социальная война»). Синдикалисты вели пропаганду среди солдат, издавали специально для них особую литературу и учредили даже кассу «Солдатская копейка», из которой оказывалась поддержка мобилизованным на военную службу членам профессиональных союзов.

Однако, главным методом политической борьбы, о котором синдикалисты вечно мечтали и на который возлагали совершенно несбыточные надежды, являлась *всеобщая стачка*. С начала 90-х годов прошлого столетия идея всеобщей стачки, как мы уже видели, пускает все более прочные корни в рядах профессионального движения, на этом вопросе произошел разрыв между синдикатами и социалистическими партиями, с помощью всеобщей стачки синдикалисты расчитывали опрокинуть буржуазию и завоевать новый мир. Как мыслилось ими ее проведение, свидетельствуют инструкции, разработанные специальной комиссией «Конфедерации Труда» к 1 мая 1906 года. Комиссия советовала всем синдикатам придерживаться следующего плана:

1) „Всеобщая стачка каждой отдельной профессии,—эти стачки уподобляются гарнизонным маневрам

2) „Всеобщее прекращение труда всюду и в назначенный день,— это наши большие маневры.

3) „Полная и всеобщая остановка труда, ставящая пролетариат в открытую войну с капиталистическим обществом,—это всеобщая стачка—революция“ [1].

Таким образом, применение всеобщей стачки в различных дозах и размерах должно было заменить собой и парламентаризм, и избирательные кампании, и прессу, и организацию общественного мнения—вообще весь тот сложный механизм, который в каждом буржуазном государстве именуется политической борьбой. Синдикалисты, конечно, не могли не понимать, что концентрируя все внимание на всеобщей стачке, они неизбежно приходят в конфликт с официальной законностью. Но это их очень мало смущало. На амьенском конгрессе 1906 года вождь металлистов Мергейм возражая против сотрудничества синдикатов с социалистической партией, между прочим говорил:

„Мы... признаем, что синдикат есть революционная группа для всесторонней борьбы и что он имеет целью разбить законность, которая нас душит, для того, чтобы создать новое право, которое будет результатом нашей борьбы... Оставьте же синдикату его собственную сферу деятельности—истинной борьбы классов. Пусть его действие будет непрестанной борьбой против всякой законности, против всякой власти, против всех враждебных сил“ [2].

И эти решительные слова были покрыты шумными рукоплесканиями конгресса.

В интересах справедливости необходимо отметить, что в рядах «Всеобщей Конфедерации Труда», на ряду с революционными синдикатами, были и синдикаты реформистские. Наибольшее значение среди последних имела «Федерация Книги», руководимая типичным профессионально - союзным соглашателем Кефером. Между реформистами и революционерами подчас происходили стычки. В частности такое столкновение имело место на конгрессе 1904 года в Бурже, где разыгралась большая дискуссия по вопросу о методах синдикалистской борьбы. На этом конгрессе Кефер не мог допустить мысли, что «нравственное изменение

---

[1]) XV Congrès nation. corporatif. (Amiens, 1906), стр. 136.

[2]) Там же, стр. 153.

может совершиться посредством насильственной революции». Он полагал, что «нужны другие средства, чтобы привести людей к идеалу, к которому мы все стремимся: необходимо долгое умственное воспитание, нужно нравственное изменение личности... Сила же не есть лучшее средство» [1]). Кефера поддерживали представители некоторых других профессиональных союзов. Однако, буржский конгресс большинством 825 голосов против 369 высказался за революционную тактику.

Знакомясь с идеологией и практикой революционного синдикализма, невольно приходишь к выводу, что, несмотря на категорическое противопоставление себя всем политическим партиям, *он сам был или, по крайней мере, хотел быть политической партией пролетариата,* но только партией особенного свойства: строго классовой по составу, революционной по духу и антипарламентарной по тактике. Что это так, свидетельствуют сами синдикалисты. Действительно, лиможский конгресс 1895 года, на котором была основана «Всеобщая Конфедерация Труда», закончил свои работы особым манифестом к пролетариату, в котором он призывал всех рабочих об'единиться на экономической почве и создать «истинную *партию труда*» (курсив мой, *И. М.).* Точно также в уже упоминавшемся докладе «Всеобщей Конфедерации» предполагавшемуся в 1903 году международному с'езду профессиональных союзов в Дублине мы находим, между прочим, следующие знаменательные слова:

„Таким образом, вместо того, чтобы истощать свои силы на внедрение в парламент, что имело бы своим результатом, благодаря личному соперничеству и теоретическим разногласиям, замедление профессионального развития, синдикаты предпочитают употреблять внешнее воздействие на общественные власти,—тактика более действительная, чем участие в самом парламенте, и которая позволила образовать один могучий союз, *истинную партию труда*".

Двумя годами позже, накануне 1 мая 1905 года, та же «Всеобщая Конфедерация Труда» в воззвании к французским рабочим провозглашала:

---

[1]) XIV Congrès nation. corporatif. (Bourges, 1904), стр. 132.

„Сплотитесь и об'явите, что *партия труда* рассматривает вырванные у капиталистов улучшения только как необходимые этапы, приближающие народ к всеобщей стачке и экспроприации!..“

Эти постоянные упоминания о «партии труда» в применении к синдикатам, стоящим под знаменем «Всеобщей Конфедерации», лишний раз свидетельствуют о том, что революционный синдикализм был ничем иным, как своеобразной политической партией французских рабочих.

И отсюда же логически вытекает одна любопытная черта его организационных построений. Выше я уже упоминал, что на профессиональных конгрессах каждая организация, независимо от количества членов, имела только один голос. Чем это об'яснить? Об'яснялось это именно тем обстоятельством, что французский синдикализм, будучи по характеру своей организации *массовым* об'единением, ставил пред собой политические задачи, осуществлять которые в состоянии был лишь *передовой авангард* пролетариата. Там, где политическая партия рабочего класса существует отдельно от профессиональных союзов, она естественно охватывает только этот авангард. Во Франции, где синдикалисты хотели в одной и той же организационной форме, в профессиональном союзе, сочетать и политическую и экономическую организацию, для более передовых элементов пролетариата приходилось создавать какую-нибудь привилегию в области представительства, дабы обеспечить им необходимое влияние на судьбы рабочего движения. Именно такой привилегией для более передовых слоев являлась принятая синдикалистами система представительства на конгрессах (и в Конфедеральном Комитете). Ибо, по общему правилу, в маленьких союзах были сгруппированы наиболее сознательные и революционные элементы рабочих,—наоборот в крупных союзах гораздо сильнее были представлены малосознательные отсталые элементы. В результате создалась та система равного представительства не членов, а союзов, которая так часто вызывала крайнее изумление в рядах профессионального движения других стран.

Таковы основные и наиболее характерные черты революционного синдикализма, как он сложился в предвоенные годы.

Крах революционного синдикализма. Но вот пришла война, и картина сразу и круто изменилась. Мы знаем, что II Интернационал в первые августовские дни 1914 г. обнаружил перед всем миром свое банкротство. Пала германская социал-демократия, пала французская социалистическая партия, пали рабочие партии почти всех вовлеченных в великую катастрофу стран. За партиями всюду следовали профессиональные союзы. Ну, а французские революционные синдикалисты? Те самые синдикалисты, которые всегда так кичились своим резко выраженным антимилитаризмом и антипатриотизмом? Те самые синдикалисты, которые всегда клялись не иначе, как всеобщей стачкой и социалистической революцией? Как повели они себя в эти критические дни? Какую позицию они заняли?

Увы!—в эти критические дни французские революционные синдикалисты оказались ничем не лучше германских профессионалистов и английских трэд-юнионистов. «Всеобщая Конфедерация Труда» пала так же катастрофически и безнадежно, как пали профессиональные организации других воюющих стран.

Да, с первых же дней войны французские революционные синдикалисты стали самыми отчаянными патриотами. Забыт был прежний антимилитаризм, и Жуо, вождь Конфедерации, на могиле Жореса заявил: «прямо отсюда мы все отправляемся на войну, отправляюсь и я». А шумно крикливый Густав Эрве поспешил переименовать свой орган «Guerre Sociale» («Социальная война») в «Victoire» («Победа»). И затем в течение всей войны Жуо и К° не жалели усилий, агитируя за войну и выступая противниками всяких стачек впредь до окончания военных действий. Забыта была и та кровавая ненависть к буржуазии, которой в прежние годы, казалось, жили и дышали синдикалисты. Теперь «Всеобщая Конфедерация Труда» вступила в знаменитый «union sacrée» («священный союз») всех классов общества во имя победы, и Жуо, революционер и агитатор, специализировавшийся в натравливании рабочих масс на буржуазию, стал появляться в изящном костюме на банкетах, устраиваемых французскими промышленниками. Его речи, произнесенные за блестящим столом магнатов французского капитала, отличались такой елейностью, что за-

служили восторженные похвалы из уст крупнейших предпринимателей страны. Можно ли было итти дальше в падении?

Война одним страшным ударом убила революционный синдикализм. Мы не можем здесь подробно останавливаться на выяснении причин этой поразительной катастрофы. Причины и в данном случае были те же самые, что во всех других странах, где социалистические партии и профессиональные организации изменили делу пролетариата. Но зато следует особенно подчеркнуть, что и послевоенная эпоха ни в малой мере не способствовала возрождению революционного синдикализма. Наоборот, в 1919—1924 г.г. он продолжал круто держать тот правый курс, который был им взят в августовские дни 1914 года.

Так, синдикалисты в послевоенные годы стали широко применять ту самую систему коллективных договоров, к которой до войны они относились с величайшим презрением, как к методу затушевывания непримиримой классовой борьбы. В 1919 г., например, частью с помощью инспектора труда, частью путем непосредственного соглашения сторон было заключено около 300 коллективных договоров. Далее, синдикалисты, эти пламенные рыцари всеобщей стачки, теперь стали весьма охотно заседать вместе с предпринимателями в различных примирительных камерах, третейских судах и т. п. учреждениях. Больше того, «Всеобщая Конфедерация» выработала проект о создании «Экономического Совета Труда» из представителей рабочих, предпринимателей и государства, на обязанности которого должно было лежать разрешение всех вопросов, касающихся промышленности. Из этого проекта в конечном счете ничего не вышло, но для настроений синдикалистов он в высшей степени характерен. Та же «Всеобщая Конфедерация» приняла участие в Международном Бюро Труда при Лиге Наций. При обсуждении вопроса о переходе важнейших отраслей производства в руки пролетариата вожди Конфедерации высказались за выкуп предприятий у буржуазии. И это были те самые люди, которые за несколько лет перед тем не переставали кричать о социальной войне и экспроприации экспроприаторов.

Мало того, синдикалисты на протяжении всей послевоенной эпохи систематически саботировали и срывали все революционные выступления пролетариата как в политической, так и в экономической области. Так было во время широкого стачечного движения во Франции весной 1919 года. Так было во время железнодорожной стачки 1920 года, стачки металлистов в Гавре в 1922 г., стачки углекопов в феврале 1923 года. Везде «Всеобщая Конфедерация» выступала в роли гасителя пролетарского энтузиазма, нередко в подлой роли открытого предателя интересов рабочих. В 1921 году она же, как мы уже знаем, привела к расколу французского профессионального движения из боязни его революционного перерождения. С каждым месяцем все большим массам рабочих выясняется ее отвратительная физиономия, и все, что во французском пролетариате есть честного и революционного, поворачивается спиной к бывшим глашатаям всеобщей стачки.

Теперь «Всеобщая Конфедерация» нимало не чуждается политических партий. Она живет в дружбе с французской социалистической партией, она умеет забежать с заднего крыльца и к лидерам буржуазных фракций парламента. Она— я отнюдь не думаю шутить—с верой и надеждой смотрит на... Лигу Наций. На последнем конгрессе реформистской Конфедерации, состоявшемся в ноябре 1923 года, Жуо заявил буквально следующее:

„Нас упрекают в том, что мы оказываем доверие Лиге Наций. Пусть же укажут нам другое средство, которое могло бы привести к положительному результату в области репараций. Если мы имеем доверие к Лиге Наций, то это потому, что она остается единственным органом, способным найти формулу, соответствующую всеобщим интересам и упрочению мира"

Положительно «революционеру» Жуо далеко до буржуазных радикалов Кайо и Нитти. Те смотрят на Лигу Наций далеко не столь оптимистически. «Революционер» Жуо, впрочем, не только поклонник Лиги Наций, — он вместе с тем и враг германской революции. На том же конгрессе 1923 года он выступил решительным противником поддержки этой революции на том основании, что она закончится либо победой империализма, либо победой коммунизма, а ни то и ни другое ему не улыбается.

Не подлежит ни малейшему сомнению: французский революционный синдикализм с августа 1914 года покатился по наклонной плоскости реформизма и в недалеком будущем окажется в гниющем болоте самого пошлого и ограниченного трэд-юнионизма.

Восхождение коммунизма.

Революционный синдикализм умер, но революционный пролетариат Франции жив, и потому война и послевоенные годы дали ростки нового, свежего движения, которое неудержимо стремится в сторону коммунизма.

Начало этому движению было положено в самые первые месяцы войны, когда небольшая группа левых синдикалистов (Монатт, Мергейм, Росмер, Бурдерон и др.) начала героическую борьбу против засилия социал-шовинизма во французском профессиональном движении. Эта группа издавала газету «Vie Ouvrière» (Рабочая Жизнь) и настойчиво требовала созыва профессионально-союзной конференции. Под ее давлением вожди «Всеобщей Конфедерации» вынуждены были уже в августе 1915 года устроить такую конференцию, на которой из 118 представленных организаций 27 высказались за левых. Мергейм и Бурдерон участвовали в Циммервальдской конференции и после нее основали во Франции «Комитет для восстановления международных связей». Данный факт замечателен тем, что в этом Комитете приняли участие не только левые синдикалисты, но и левые социалисты.

Таким образом, впервые за много лет был установлен единый фронт между синдикатами и социалистической партией, правда, в лице меньшинства и тех и другой. Когда в 1917 году в России вспыхнула революция, левые синдикалисты встретили ее с энтузиазмом и надеждой. Они стали ее горячими сторонниками и примером ее хотели вдохновить французских рабочих. Действительно, в 1917—1918 годах левые синдикалисты организовали стачки рабочих в Лионе и бассейне Луары. Одновременно они вели упорную борьбу за устройство конгресса «Всеобщей Конфедерации Труда», не созывавшегося с самого начала войны.

Только в июле 1918 года их усилия, наконец, увенчались успехом, и конгресс был созван. На нем левые синдикалисты оказались уже весьма значительным меньшинством. После окончания войны они стали во главе гигантского забастовочного движения, охватившего Францию. Они организовали всеобщую стачку 1 мая 1919 г., сопровождавшуюся в Париже баррикадами и столкновениями с войсками, а на лионском конгрессе того же года, где произошел открытый бой между правым и левым крылом Конфедерации по вопросу: «революция или реформа?», левые синдикалисты собрали около трети всех голосов (при голосовании доверия Бюро Конфедерации за высказались 1893, против 588, воздержалось 42). Левые руководили железнодорожной забастовкой 1920 года, они же после орлеанского конгресса Конфедерации покрыли страну сетью «Комитетов революционных синдикалистов», что послужило первоначальным толчком к событиям, приведшим, в конце концов, к расколу французского профессионального движения. А после этого раскола левые создали «Унитарную Всеобщую Конфедерацию Труда», быстро превратившуюся в подлинного вождя французского пролетариата.

Образование «Унитарной Конфедерации Труда» было несомненно крупным шагом вперед по пути оформления действительно революционных элементов французского профессионального движения. Но вместе с тем оно вызвало ряд внутренних кризисов и осложнений в рядах унитаристов. Борьба против реформизма долгое время держала их всех вместе, несмотря на то, что в состав левого крыла синдикализма входили и еще продолжают входить довольно разнородные группы.

Если отвлечься от мелочей и деталей, то можно утверждать, что в рядах «Унитарной Конфедерации» имеются два основных течения: анархо-синдикалистское, возглавляемое Бенаром, Каломером и некоторыми другими, и синдикалистско-коммунистическое, вождем которого является Монмуссо. Есть еще небольшая группа так называемых «чистых синдикалистов», которая занимает колеблющееся положение. Между двумя основными течениями уже давно шла борьба, и при том по основному для синдикализма вопросу — об отношении к политической партии про-

летариата. Этот вопрос вызывал разногласия уже в 1919—20 г.г., когда революционному крылу синдикализма приходилось определить свою позицию по отношению к Коминтерну. Еще острее те же самые разногласия всплыли в 1921 году в связи с возникновением Профинтерна. На первом конгрессе последнего присутствовала французская делегация, часть которой сильно протестовала против связи, существующей между Профинтерном и Коминтерном. Еще решительнее протестовали против этого в самой Франции анархо-синдикалистские элементы левого крыла. Тем не менее логика развития естественно толкала революционное крыло синдикализма к сближению с коммунизмом. И его представители имели мужество (а в виду традиций французского синдикализма для этого действительно требовалось мужество) еще на орлеанском конгрессе 1920 года поднять вопрос о сотрудничестве профессиональных союзов с революционными политическими партиями. На следующем конгрессе синдикатов 1921 года в Лилле революционное крыло определенно высказалось в пользу сближения с коммунизмом, внеся следующую резолюцию:

„Французская „Всеобщая Конфедерация Труда" должна выйти из Амстердамского Интернационала, органа сотрудничества классов, и без нарушения амьенской программы примкнуть к Московскому Интернационалу Профсоюзов при непременном условии, что в его уставе будет оговорена автономия профессионального движения".

После раскола и образования «Унитарной Конфедерации Труда» вопрос об отношении к коммунизму, к Профинтерну и Коминтерну стал для революционного крыла синдикализма особенно остро. И тут началась в его рядах внутренняя борьба, не изжитая окончательно вплоть до настоящего времени. Первоначально в руководящих органах «Унитарной Конфедерации» большинство принадлежало анархо-синдикалистским элементам. Они пытались, пользуясь своим выгодным положением, внести в устав Конфедерации отрицание всякой государственности на том основании, что де «опека пролетарского государства для рабочего движения столь же пагубна, как и опека буржуазного государства». Однако, это им не удалось. Во время процесса эс-эров в Москве «Унитарная Конфедерация» под влиянием все тех же элементов

приняла резолюцию протеста против преследований политических преступников во всех странах (т. е. и в Советской России), тем самым выступив единым фронтом со всей европейской контрреволюцией. Анархо-синдикалисты также противодействовали всяким попыткам восстановления единства во французском профессиональном движении, несмотря на то, что Профинтерн повсюду является сторонником профессионально-союзного единого фронта. Однако, на конгрессе «Унитарной Конфедерации» в Сен-Этьене, состоявшемся летом 1922 года, анархо-синдикалисты собрали лишь около трети голосов,—две трети определенно высказались за синдикалистов-коммунистов и за Профинтерн.

Победа коммунистического направления вызвала большое раздражение среди анархо-синдикалистов. Они образовали «Комитет синдикальной защиты», который вступил в тесные отношения сначала с Фабром, а позднее с Фроссаром — бывшими членами Французской Компартии, но исключенными из нее, начал усиленную агитацию против укрепления коммунистического влияния в синдикатах. Между тем в рядах французского пролетариата наступило оживление, начались стачки (в том числе большая стачка металлистов в Гавре), разыгралась оккупация Рура, обрисовались перспективы германской революции. Синдикалисты-коммунисты, стоявшие теперь во главе «Унитарной Конфедерации», развили колоссальную энергию и обнаружили немалое мужество в борьбе против Рурской оккупации. Тем не менее, когда в июле 1923 года собрался Конфедеральный Комитет, анархо-синдикалисты выступили с резкими протестами против Центра, при чем на этот раз они повели атаку в связи с созданием французской компартией в профессиональных союзах своих ячеек под именем так наз. «синдикальных комиссий».

Во главе оппозиции на этот раз оказались вождь Федерации почтовиков Лартиг и руководительница Федерации просвещения Мария Гюйо. Они доказывали, что образование ячеек является нарушением амьенской программы и требовали уничтожения «синдикальных комиссий». Однако, Конфедеральный Комитет не согласился с ними и большинством голосов признал допустимым образование «синдикальных комиссий». Тем не менее

опозиции удалось настоять на созыве экстренного конгресса для разрешения возникших разногласий. В течение последующих четырех месяцев шла горячая борьба в синдикатах и на с'ездах отдельных федераций по затронутому вопросу. При этом более крайние элементы анархо-синдикалистов выдвинули требование выхода «Унитарной Конфедерации» из Профинтерна. Тем не менее, подавляющее большинство организаций высказалось за линию Монмуссо, и состоявшийся в ноябре 1923 года экстренный конгресс в Бурже дал блестящую победу синдикалистам-коммунистам. Их резолюция собрала 987 голосов, а резолюция Лартига и Гюйо—147. Наконец, за резолюцию, требовавшую выхода «Унитарной Конфедерации» из Профинтерна, было подано 220 голосов.

На этом пока приостанавливается история восхождения коммунизма во французском профессиональном движении. Не подлежит сомнению, что в дальнейшем в рядах «Унитарной Конфедерации» еще не раз вспыхнут внутренние трения и борьба. Но еще менее может подлежать сомнению, что отныне «Унитарная Конфедерация», а вместе с ней и все истинно-революционные элементы во французском профессиональном движении определенно вступили на коммунистические рельсы. По этим рельсам они постепенно докатятся и до французской компартии и до Коминтерна, ибо пути социалистической революции в наши дни идут только через коммунизм, через диктатуру пролетариата.

Заключение.

Подведем некоторые итоги.

На предыдущих страницах достаточно подробно изображено профессиональное движение трех стран—Англии, Германии и Франции. Суммируем вкратце их важнейшие характерные особенности.

Англия. *Английское* движение — самое старое из всех. Оно — пионер мирового профессионального движения и сейчас напоминает собой могучий столетний дуб с многочисленными утолщениями и наростами на своем стволе, с искривленными узловатыми ветвями.

В области организационной английское профессиональное движение отличается чрезвычайной *множественностью союзов* (в 1922 году—1190 союзов), так что в среднем на один союз приходится лишь 4700 членов. В отдельных производствах наблюдается настоящий профессионально-союзный хаос: в транспорте—43 союза, в горном деле—115, в металло-промышленности—121, в текстильной промышленности — 285 и т. д. Причиной такой множественности организаций является господство в союзной архитектуре принципов *цеховщины и локализма*. Прямым последствием множественности организаций являются постоянные споры и трения между ними в связи с разграничением сферы компетенции. В целях борьбы с раздробленностью профессионального движения, сильно ослабляющей его позицию по отношению к капиталу, применяются два главных метода: образование ***больших национальных союзов*** близкого к производственному типа и образование ***федераций местных и национальных союзов*** одной и

той же отрасли труда. Национальных союзов очень мало, федерации большей частью не обладают реальной силой,—поэтому, раздробленность профессионального движения остается доныне не изжитым злом английского профессионального движения. Внутреннее управление британских профессиональных организаций облекается в формы *примитивной демократии* (очень широко применяется референдум), скрывающей, однако, под собой крайнюю автократию союзных руководителей. Развитие представительного начала выявляется еще очень слабо.

В *финансовом отношении* британские союзы занимают первое место в мире. Они богаты (накануне войны союзный капитал составлял в среднем 19 рублей на одного члена), взимают с своих членов высокие взносы и добились их аккуратной уплаты. Кроме того, они имеют значительные доходы от государства (на различные виды страхования) и от процентов, получаемых ими с своих капиталов. В расходном бюджете союзов безусловно преобладает взаимопомощь, затем идут расходы по управлению и на последнем месте стоят расходы на борьбу.

В течение долгого времени английские трэд-юнионы (особенно высококвалифицированных рабочих) *относились недоброжелательно к вступлению женщин в профессиональные организации,* чем дали повод к возникновению специально женских союзов. Война заставила британских рабочих изменить свою точку зрения, и в настоящее время женщины составляют 16% всех профессионально организованных пролетариев страны. Впрочем, процент организованных женщин еще значительно отстает от процента женщин среди наемных работников.

Кроме об'единения по вертикальной линии (в союзы) английские трэд-юнионы имеют три рода об'единений *по горизонтальной линии*: а) местные *Советы Союзов,* соответствующие нашим губернским профессиональным советам, — они занимаются не столько профессиональными, сколько политическими и общественными делами. Советы Союзов об'единяют, однако, не больше одной трети всех профессионально организованных рабочих. б) *Конгресс трэд-юнионов,* являющийся формально верховной инстанцией профессионального движения, но фактически не обла-

дающий никакой реальной властью: постановления конгресса не имеют обязательной силы для участвующих в нем организаций. Конгресс трэд-юнионов созывается ежегодно и об'единяет около 90% профессионально-организованных рабочих. Конгресс выбирает Генеральный Совет, который, однако, лишь в слабой мере руководит профессиональным движением. в) *«Генеральную Федерацию трэд-юнионов»,* основанную в 1899 году для об'единения союзов в борьбе с предпринимателями. Однако, эта Федерация об'единяет всего лишь 16% всех профессионалистов и не пользуется большим влиянием. В прежние годы она представляла британское профессиональное движение на интернациональной арене, теперь эту задачу выполняет Конгресс трэд-юнионов. В конечном итоге приходится признать, что, несмотря на свое 200-летнее существование, английские трэд-юнионы до сих пор не сумели создать ни рациональной формы профессионально-союзного об'единения, ни сколько-нибудь влиятельного и авторитетного руководящего центра.

Формы деятельности британских профессиональных союзов концентрируются, главным образом, на *борьбе* и *взаимопомощи.*

Принципиально трэд-юнионисты не являются сторонниками классовой борьбы. Большим распространением среди них пользуются идеи социального соглашательства. В период 1890—1910 годов большинство союзов и на практике осуществляли теории социального мира. В 1901—1910 годах трэд-юнионами на дело борьбы было истрачено лишь 10,7% своих расходов. С 1910—1911 годов в связи с общим обострением классовой борьбы в Великобритании чрезвычайно усилилось стачечное движение, временно прерванное войной, но зато с колоссальной энергией возродившееся после ее окончания. В связи с этим явно выдвинулась вперед боевая сторона в деятельности профессиональных союзов. Впрочем, трэд-юнионистская бюрократия всячески стремится предупредить возникновение стачек. В результате забастовочное движение, до 1910 года носившее всегда строго организованный характер, после этой даты все чаще стало принимать характер стихийной борьбы, ведущейся помимо и вопреки воле профессионально-союзных верхов.

Взаимопомощь в жизни английских трэд-юнионов играет колоссальную роль. В 1901—1910 гóдах на нее союзами было истрачено 68,5% всех их расходов, даже и после войны расходы на взаимопомощь составляют от 40 до 70% всего союзного бюджета. Трэд-юнионы практикуют 9 видов взаимопомощи (пособие от безработицы, на переезд, на эмиграцию, по случаю болезни, по случаю несчастья, на похороны, семьям умерших, пенсии престарелым и помощь на приобретение орудий производства и одежды, погибших при пожаре или кораблекрушении). Впрочем, после 1911 года значение взаимопомощи начинает сильно сокращаться, в виду издания законов о социальном страховании

Культурно-просветительные работы трэд-юнионы почти не ведут. Профессиональная печать в Англии ничтожна количественно и качественно. Существуют несколько школ для подготовки профессионально-союзных работников, устраиваются вечерние курсы для рабочих в крупных промышленных центрах. Однако, размеры этой деятельности крайне незначительны, и сверх того на ней лежит явственный отпечаток различных буржуазных влияний. Поворот к лучшему наблюдается лишь в последние 2—3 года.

В области *политики* за минувшие ¾ века трэд-юнионы проделали большую эволюцию. В 1850—1900 годах они стояли на точке зрения «нейтральности», т. е. фактически плелись в хвосте либеральной партии. В 80—90 годах прошлого столетия возникли первые социалистические организации, которые стали проповедывать необходимость самостоятельной политики для рабочего класса. Несмотря на немногочисленность своих членов, эти организации («Социал-демократическая федерация», «Фабианское общество», «Независимая Рабочая Партия») оказали довольно сильное влияние на мир трэд-юнионов. В 1900 году возникла Рабочая Партия, об'единившая в своих рядах профессиональные союзы и социалистические организации. Развитие Рабочей Партии до войны шло довольно медленным путем, но война дала могучий толчок ее быстрому росту. На выборах 1918 года Рабочая Партия собрала 2,2 милл. голосов, а на выборах 1922 года— 4,2 милл. голосов. После декабрьских выборов 1923 года, на ко-

торых ни одна из английских партий не получила большинства (консерваторы 5,4 милл. голосов, Рабочая Партия — 4,4 милл., либералы—4,3), к власти пришло рабочее правительство Макдональда, ведущее типично соглашательскую политику. Рабочая Партия сейчас идет навстречу дальнейшему усилению и вместе с тем расколу на правых и левых, который явится предпосылкой социалистической революции.

Германия. *Германское* движение гораздо моложе английского и в процессе своего развития постоянно пользовалось его опытом. В области организационной оно отличается крайней *немногочисленностью организаций*. Всего в настоящее время в Германии насчитывается 87 союзов, включая сюда не только союзы «свободные» (классовые), но и христианские и либеральные. Свободных же союзов имеется только 49. В среднем на один союз в Германии приходится 101.000 членов, на один «свободный» союз — 154.000. Малочисленность германских союзов об'ясняется тем, что в основу их строительства положен *производственный принцип*. Правда, осуществлен он недостаточно последовательно, но наблюдающиеся отклонения от него фактически не так уже велики. Внутреннее управление германских союзов сводится к системе строго проведенного *демократического централизма* с сильным развитием представительных органов и с полным отсутствием референдума.

В *финансовом отношении* германские союзы перед войной стояли на втором месте в мире (союзные капиталы составляли в среднем 16 рублей на одного члена). Члены союзов уплачивали сравнительно высокие взносы (впрочем, ниже английских), причем аккуратность платы была доведена почти до полного идеала. В расходном бюджете союзов первое место занимала взаимопомощь, на втором месте стояли расходы по управлению и на третьем расходы на борьбу. Однако, соотношение между расходами на борьбу и взаимопомощь здесь было гораздо более разумное, чем в Англии. После войны германские союзы сильно обеднели, и в 1921 году их капиталы составляли не больше 2 рублей на одного члена.

Прием женщин в германские союзы всегда был совершенно свободен, и вожди профессионального движения проявляли большую энергию в целях вовлечения женщин в свои организации. В настоящее время женщины составляют 20% всех профессионально организованных рабочих Германии, что, примерно, соответствует доле участия женщин в промышленности, транспорте и торговле.

Германские союзы имеют *горизонтальные об'единения* двух родов: а) местные *Картели,* соответствующие губернским профессиональным советам, задачи которых сводятся к ведению статистики, организации культработы и выборов в учреждения социального законодательства, содержанию рабочих секретариатов и домов профессиональных союзов, контролю за выполнением рабочего законодательства и т. д. б) *конгрессы профессиональных союзов,* происходящие раз в три года и являющиеся не только формально, но и фактически верховной инстанцией профессионального движения. Решения конгрессов обязательны для всех профессиональных союзов в Германии. Конгрессы выбирают общесоюзный центр в лице Генеральной Комиссии (до 1919 года), а теперь Федерального Комитета (в 1919 году свободные профессиональные союзы об'единились во «Всегерманскую Федерацию Профессиональных союзов), на обязанности которого лежит ведение профессиональной агитцаии, организация статистики, издание центрального органа, устройство денежных сборов в пользу крупных стачек, общее руководство профессиональным движением, представительство его по отношению к государству, а равно и к профессиональному движению других стран. Германскому движению, несмотря на свою молодость, удалось нащупать рациональную форму профессиональной организации и создать действенный и влиятельный профессионально-союзный центр.

Формы деятельности германского профессионального движения сводятся к широкому развитию *борьбы, взаимопомощи и культработы.* В области *борьбы* немецкие союзы всегда стояли на принципиально-классовой точке зрения.

В 1865—1890 годах они занимались почти исключительно борьбой. В 1890—1914 годах, на ряду с борьбой, у них выдвинулись взаимопомощь и культработа. Однако, борьба занимала

в этот период достаточно крупную роль. В 1901—1910 годах германскими союзами на борьбу было истрачено 27% всех своих расходов. Впрочем, чем ближе к нашему времени, тем явственнее становится перегиб в сторону взаимопомощи. Самая борьба в предвоенные годы носила строго организованный характер. Стачки тщательно подготовлялись и почти бухгалтерски расчитывались. Исходя из тактических соображений, германские союзы стремились искусственно ограничить размеры стачек. Во время войны боевые функции союзов сильно сократились, а после войны стачечное движение сразу достигло колоссальных размеров. Однако, руководимые соглашателями союзы всемерно стремились тормозить боевой размах пролетариата, в результате чего целый ряд выступлений рабочих принял характер так называемых «диких» (т. е. не разрешенных союзом) стачек. Чрезвычайно широкое распространение в послевоенные годы получил принцип коллективного договора.

Взаимопомощь начала более широко применяться германскими союзами лишь с средины 90-х годов прошлого столетия. Она была слабее развита, чем в Англии, но в предвоенные годы стала очень важной частью профессионально-союзной деятельности. В 1901—1910 годах на нее было истрачено 36% союзного бюджета. После войны роль взаимопомощи еще более усилилась, несмотря на то, что в Германии существует социальное страхование. Здесь сказывается реформистский уклон руководящей союзами социал-демократической бюрократии.

Культработа в германских союзах всегда пользовалась очень большим вниманием. Профессиональная печать в Германии чрезвычайно многочисленна и хорошо поставлена. Имеются специальные школы и курсы для подготовки профессиональных работников. Вместе с социал-демократической партией профессиональные союзы в предвоенные годы организовали по стране широкую сеть «образовательных» и «юношеских» комитетов, которые вели просветительную работу в массовом масштабе. Вообще германскому профессиональному движению удалось сравнительно равномерно развить все три важнейшие отрасли союзной деятельности.

В области *политики* позиция германских союзов значительно отличалась от позиции английских трэд-юнионов. Официально свободные союзы всегда оставались нейтральными, т. е. принимали в свои ряды рабочих без различия их политических убеждений, но фактически находились в теснейшей связи с социал-демократией. Для германских союзов вопрос об отношении к политике по существу сводился к вопросу об отношении к социал-демократической партии. Здесь необходимо различать три периода. Первый период (1865—1890 г.г.), когда безусловно доминировала партия, а профессиональные союзы являлись ее подсобными организациями, своего рода «школой социализма» для малосознательных рабочих. Второй период (1890—1906 г.г.) характеризуется упорной борьбой профессиональных союзов за равное положение с партией. Борьба эта закончилась на Мангеймском с'езде социал-демократии в 1906 году, где официально было признано равноправие обеих ветвей рабочего движения. Третий период (1906—1914) принес с собой все растущее засилие профессионалистов и в соответствии с этим все большее усиление оппортунизма в рядах пролетарского движения Германии. После войны проблема отношений профессиональных союзов и партии сильно осложнилась появлением коммунистов. Теперь профессиональным союзам приходится выбирать между двумя партиями — социал-демократической и коммунистической. Так как профессионально-союзная верхушка почти сплошь состоит из социал-демократов, а в рядах членов имеется большое количество коммунистов, то фактически внутри профессиональных союзов происходит ожесточенная борьба между этими двумя партиями за господство. И чем дальше заходит процесс развития, тем больше чаша весов склоняется в сторону коммунистов.

Франция. *Французское* движение резко отличается по своему типу как от английского, так и от германского. В организационном отношении оно поражает прежде всего *колоссальным количеством организаций:* число самостоятельных союзов во Франции превышает 4.000, а на 1 союз в среднем приходится 453 человека. В текстильной промышленности имеется 94 организации, в горном деле—130, в металлопромышленности—216

и т. д. Причиной этой множественности является, однако, не цеховщина, так как французские союзы строятся преимущественно по производственному принципу или по принципу об'единения ряда родственных профессий, а чрезвычайно развитый *локализм*. Во Франции локализм играет еще большую роль, чем в Англии. В целях борьбы с организационной раздробленностью, французские профессионалисты создали 30—40 *федераций*, частью производственного, частью профессионального характера. Система федераций могла бы значительно укрепить профессиональное движение, если бы федерации были построены на более или менее централистических основаниях. Однако, в действительности эти федерации до войны представляли крайне слабые об'единения, не имевшие ни денег, ни реального влияния на местные организации. После войны федерации начали постепенно укрепляться, но и сейчас они оставляют желать еще очень многого.

Сколько-нибудь значительными *финансовыми средствами* французские союзы никогда не обладали. Взимаемые ими взносы крайне незначительны, уплачиваются они крайне неаккуратно. Накопленных капиталов у подавляющего большинства организаций совершенно не имеется и в случае особой крайности (стачки, локауты и т. п.) союзы обычно об'являют экстренные сборы.

Французское профессиональное движение знает два рода об'единений *по горизонтальной линии:* а) *Биржи Труда*, которые формально имели своей задачей посредничество по приисканию работы, но фактически вскоре после своего возникновения превратились в городские и департаментские центры профессионально-союзного движения (нечто вроде губернских профессиональных советов). В предвоенные годы они, кроме своего прямого назначения, занимались еще взаимопомощью, культработой и организацией экономической борьбы. Биржи Труда были опорным пунктом анархо-синдикализма и с 1892 года об'единились в «Федерацию Бурж Труда». После войны роль Бирж Труда сильно упала, и их место заняли городские и департаментские об'единения синдикатов. б) «Всеобщая Конфедерация Труда», начало которой было положено на конгрессе синдикатов 1886 года. В 1894 году произошел разрыв между гедистами и синдикалистами, и в

1895 году первоначальная «Федерация Синдикатов» была реорганизована в «Всеобщую Конфедерацию Труда». В 1902 году «Всеобщая Конфедерация Труда» организационно поглотила «Федерацию Бирж Труда», но за то сама восприняла ее идеологию. В дальнейшем «Всеобщая Конфедерация» являлась главной крепостью *анархо-синдикалистов*. В 1914 году она об'единяла 861.000 профессионально-организованных рабочих из общего количества 1.026.000. Впрочем, подобно всем другим профессиональным федерациям, и «Всеобщая Конфедерация Труда» представляла лишь слабо связанное об'единение многочисленных французских синдикатов. Реальной власти Конфедеральный центр не имел. После войны в Конфедерации обнаружились явственные тенденции к централизации, но в 1921—1922 году в ее рядах произошел раскол, вызванный политическими мотивами. Реформистское большинство Конфедерации исключило ряд революционных союзов и федераций, после чего исключенные организации вместе с другими революционными синдикатами, еще остававшимися в рядах Конфедерации, образовали *«Унитарную Всеобщую Конфедерацию Труда»*. Таким образом, в настоящее время французское профессиональное движение имеет *два обще-профессиональных центра*, один реформистский и другой — революционный. «Всеобщая Конфедерация Труда» насчитывает около 300.000 членов, а «Унитарная Конфедерация Труда» — около 450.000. В общем французское профессиональное движение до сих пор еще не создало ни рациональной формы профессионального союза, ни достаточно авторитетного и влиятельного общепрофессионального центра.

Формы деятельности французских профессиональных союзов почти целиком исчерпываются задачами *борьбы*. Крайний боевизм — характернейшая особенность французских синдикатов предвоенного времени. Однако в подготовке боевых выступлений они обнаруживали весьма мало тщательности и обдуманности. Стихийный элемент играл громадную роль. В качестве методов борьбы применялись стачка, саботаж, бойкот, лебель, захват явочным порядком различных завоеваний (напр., 8-ми часового рабочего дня)—вообще различные формы т. наз. «прямого дей-

ствия». Французские стачки по общему правилу отличались небольшими средними размерами и относительно малой успешностью. Система коллективных договоров была очень слабо развита. *Взаимопомощью* синдикаты почти не занимались (были отдельные немногочисленные исключения).

Культработу вели, однако, за отсутствием средств в довольно незначительных размерах. Профессиональная пресса существовала, но далеко не столь обширная, как в Германии. Война и послевоенные годы внесли значительные изменения в форме деятельности французских профессиональных союзов. Главное из них состоит в том, что синдикаты, захваченные реформистами, потеряли свой боевой характер, а синдикаты, оставшиеся революционными, все больше переходят на рельсы хорошо подготовленной и тщательно организованной борьбы.

Наибольшую оригинальность французское профессиональное движение проявило в области *политики*. В предвоенные годы существовал открытый разрыв между социалистической партией и профессиональным движением. Основной причиной разрыва являлся *характер французского социализма,* сильно пропитанного мелкобуржуазными тенденциями и излишне увлекавшегося методами парламентской борьбы. Крайнее дробление в рядах французского социализма и недооценка им самостоятельного значения профессионального движения (французские социалисты слишком часто рассматривали профессиональные союзы, как подсобные организации для избирательных целей) вызвали острую реакцию среди синдикатов, вылившуюся в 1894 году в открытый разрыв между двумя основными ветвями пролетарского движения. Под влиянием анархистов синдикаты мало-по-малу выработали свою особую идеологию, известную под именем *анархо-синдикализма,* и фактически превратились в рабочую партию, конкурировавшую с партиями социалистическими. Анархо-синдикализм относился с крайней враждебностью к парламентаризму и выдвигал в качестве главного метода борьбы всеобщую стачку. С помощью всеобщей стачки он предполагал совершить также социалистическую революцию и установить социализм, но не социализм государственный (признаваемый марксистами в качестве переход-

ной формы неизбежным), а *социализм синдикальный*, при котором вся производственная машина общества будет находиться в руках профессиональных союзов. Анархо-синдикализм вел усиленную пропаганду антимилитаризма и резко нападал на всякого рода патриотизм. Тем не менее в 1914 году большинство «Всеобщей Конфедерации Труда» оказалось в лагере шовинистов и вступило на все время войны в «священный союз» с буржуазией для более успешной войны с Германией. В послевоенные годы это большинство постепенно скатилось в самое пошлое болото реформизма и ныне, подобно германским профессионалистам, является верным пособником буржуазии в деле укрепления ее господства. Революционное меньшинство, группирующееся сейчас в рядах «Унитарной Конфедерации Труда», постепенно преодолевает унаследованные от прошлого анархо-синдикалистские традиции и выходит на широкую дорогу коммунизма. Таким образом, революционный синдикализм, как он сложился перед 1914 годом, был убит войной и больше не имеет шансов на возрождение.

Наиболее совершенный тип.

Таковы три основных типа профессионального движения на Западе. Каждый из них сложился под влиянием целого ряда географических, экономических, политических и культурных условий, свойственных стране его рождения. И в этом смысле каждый из них имеет право на существование. Но, подходя к охарактеризованным типам с точки зрения международного профессионального движения, мы должны задаться вопросом, какой же из них является наиболее совершенным? Какой из них более соответствует интересам пролетариата и заслуживает подражания в других странах?

На этот вопрос можно дать совершенно определенный ответ. Несомненно, *наиболее совершенным из всех рассмотренных типов профессионального движения является германский*. Он сумел создать наиболее удачную форму профессионального союза, он сумел наиболее правильно наметить распределение функций профессионально-союзной деятельности и, наконец, установить наиболее рациональную форму взаимоотношений между профессиональным движением и политической партией пролетариата. Нас не должно смущать то обстоятельство, что германское профес-

сиональное движение оказалось, в конце концов, раз'еденным реформизмом, — причины этого явления очень глубоки и выходят за сферу явлений, связанных только с профессионально-союзной работой. Яд реформизма отравил ведь не одни союзы, но и партии. Как бы ни были велики грехи немецких профессионалистов в эпоху войны и в послевоенные годы, в прошлом они все-таки имеют ту громадную заслугу, что сумели выработать наиболее совершенный образец профессионально-союзного организма. Недаром наше советское профессиональное движение, несомненно самое революционное из всех, какие видел мир, в области организационной и функциональной является лишь улучшенной копией германского образца. Мы взяли немецкий оригинал, подточили и отшлифовали его, довели до логического конца заложенные в нем принципы и, соответственно приспособив к нашим условиям, пропитали его коммунистическим духом. Но все-таки первоначальными нашими учителями были немцы.

Три группировки мирового профдвижения.

Несмотря, однако, на несомненное превосходство германского типа профессионального движения, он далеко не является господствующим. Если окинуть общим взглядом профессиональное движение различных стран земного шара, то невольно бросится в глаза, что оно развивается как бы по трем руслам. Есть ряд стран, где профессиональные союзы строятся в общем и целом (местные особенности, конечно, везде имеются) по типу английского. Это — Соединенные Штаты, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка и вообще государства и нации англо-саксонского влияния. На ряду с этим имеется ряд стран, профессиональное движение которых ближе всего подходит к типу французского. Таковы Италия, Испания, Португалия, Южная Америка и вообще страны романского влияния. Наконец, есть ряд стран, в профессиональном движении которых безусловно преобладает германский тип. Сюда относятся Австрия, Чехо-Словакия, Венгрия, Швейцария, Голландия, Скандинавские государства, Балканы, Польша, Прибалтика, С.С.С.Р. Германский тип, как видим, является преобладающим в Центральной и Северной Европе, а также на славянском Востоке.

ной формы неизбежным), а *социализм синдикальный,* при котором вся производственная машина общества будет находиться в руках профессиональных союзов. Анархо-синдикализм вел усиленную пропаганду антимилитаризма и резко нападал на всякого рода патриотизм. Тем не менее в 1914 году большинство «Всеобщей Конфедерации Труда» оказалось в лагере шовинистов и вступило на все время войны в «священный союз» с буржуазией для более успешной войны с Германией. В послевоенные годы это большинство постепенно скатилось в самое пошлое болото реформизма и ныне, подобно германским профессионалистам, является верным пособником буржуазии в деле укрепления ее господства. Революционное меньшинство, группирующееся сейчас в рядах «Унитарной Конфедерации Труда», постепенно преодолевает унаследованные от прошлого анархо-синдикалистские традиции и выходит на широкую дорогу коммунизма. Таким образом, революционный синдикализм, как он сложился перед 1914 годом, был убит войной и больше не имеет шансов на возрождение.

Наиболее совершенный тип. Таковы три основных типа профессионального движения на Западе. Каждый из них сложился под влиянием целого ряда географических, экономических, политических и культурных условий, свойственных стране его рождения. И в этом смысле каждый из них имеет право на существование. Но, подходя к охарактеризованным типам с точки зрения международного профессионального движения, мы должны задаться вопросом, какой же из них является наиболее совершенным? Какой из них более соответствует интересам пролетариата и заслуживает подражания в других странах?

На этот вопрос можно дать совершенно определенный ответ. Несомненно, *наиболее совершенным из всех рассмотренных типов профессионального движения является германский.* Он сумел создать наиболее удачную форму профессионального союза, он сумел наиболее правильно наметить распределение функций профессионально-союзной деятельности и, наконец, установить наиболее рациональную форму взаимоотношений между профессиональным движением и политической партией пролетариата. Нас не должно смущать то обстоятельство, что германское профес-

сиональное движение оказалось, в конце концов, раз'еденным реформизмом, — причины этого явления очень глубоки и выходят за сферу явлений, связанных только с профессионально-союзной работой. Яд реформизма отравил ведь не одни союзы, но и партии. Как бы ни были велики грехи немецких профессионалистов в эпоху войны и в послевоенные годы, в прошлом они все-таки имеют ту громадную заслугу, что сумели выработать наиболее совершенный образец профессионально-союзного организма. Недаром наше советское профессиональное движение, несомненно самое революционное из всех, какие видел мир, в области организационной и функциональной является лишь улучшенной копией германского образца. Мы взяли немецкий оригинал, подточили и отшлифовали его, довели до логического конца заложенные в нем принципы и, соответственно приспособив к нашим условиям, пропитали его коммунистическим духом. Но все-таки первоначальными нашими учителями были немцы.

Три группировки мирового профдвижения.

Несмотря, однако, на несомненное превосходство германского типа профессионального движения, он далеко не является господствующим. Если окинуть общим взглядом профессиональное движение различных стран земного шара, то невольно бросится в глаза, что оно развивается как бы по трем руслам. Есть ряд стран, где профессиональные союзы строятся в общем и целом (местные особенности, конечно, везде имеются) по типу английского. Это — Соединенные Штаты, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка и вообще государства и нации англо-саксонского влияния. На ряду с этим имеется ряд стран, профессиональное движение которых ближе всего подходит к типу французского. Таковы Италия, Испания, Португалия, Южная Америка и вообще страны романского влияния. Наконец, есть ряд стран, в профессиональном движении которых безусловно преобладает германский тип. Сюда относятся Австрия, Чехо-Словакия, Венгрия, Швейцария, Голландия, Скандинавские государства, Балканы, Польша, Прибалтика, С.С.С.Р. Германский тип, как видим, является преобладающим в Центральной и Северной Европе, а также на славянском Востоке.

ФРАНЦИЯ.

П. Луи — История профессионального движения во Франции, 1923, изд. ВЦСПС.

П. Луи — История социализма во Франции, 1906, изд. Гранат.

Н. Критская и Н. Лебедев — История синдикального движения во Франции, 1908, изд. «Союз Труда» (книжка с сильным синдикалистским уклоном, но весьма ценная по фактическому материалу).

Ф. Пеллутье — История бирж труда, 1919, изд. «Голос Труда».

С. Гальперин — Професс. движение Франции со времени войны, 1924, изд. ВЦСПС.

Г. Лагарделль — Революционный синдикализм, 1908.

Г. Плеханов — Теория и практика синдикализма (в сборнике «От обороны к нападению», 1910).

А. Лозовский — Анархо-синдикализм и коммунизм, 1923, изд. «Кр. Новь».

СОДЕРЖАНИЕ.

ИЗДАНИЯ

Ленинградского Губернского Совета Профессиональных Союзов

Редакционно - Издательский Отдел. Дворец Труда (2-й эт.).
Тел. 6-25-62.

Журнал *„Архив истории труда в России"*: кн. 1-ая распродана; кн. 2-ая, 3-ья, 4-ая и 5-ая по 60 коп.; кн. 6—7-ая—1 р.; кн. 8-ая, 9-ая и 10-ая по 1 р. 40 к.

Исторические сборники *„Труд в России"*: кн. 1-ая—2 р.; кн. 2-ая—1 р. 50 к.

Н. Ленин.—Профессиональное движение. 2-ое изд. Цена 80 к.

И. Майский. — Професс. движение на Западе. Основные типы. Цена 1 р. 60 к.

В. В. Святловский. — История профессионального движения в России. 2-ое изд. Цена 1 р. 80 к.

А. Гастев.—Професс. союзы и организация труда. Цена 45 к.

Н. Глебов (Авилов).—Профессиональные союзы и Советское государство. Цена 50 коп. (Распродано).

Н. Глебов-Авилов.—Петроградские проф. союзы на страже интересов рабочих. Цена 60 к. (Распродано).

Э. Гершензон—Пролетарские кассы взаимопомощи. Цена 50 коп.

Макс Гордон.—Очерк экономической борьбы рабочих в России (2-ое издание, переработанное). 3-ье изд. Цена 1 р.

Н. Подкопаев.—Основы физиологии в применении к научной организации труда. 2-ое изд. Цена 90 коп.

Я. А. Канторович.—Коллективный договор. 2-е изд. Цена 70 к.

К. Пажитнов.—Из истории рабочих артелей на Западе и в России. От утопистов до наших дней. Цена 1 р. 20 к.

Л. Н. Михалевский.—Основы экономики труда. Фабричный рабочий и его бюджет. Цена 1 р. 25 к. (Распродано).

М. Солодникова.—Рабочий в свете статистики. Ц. 25 к. (Распродано).

Д-р П. Вакс.—Труд и отдых рабочих. Обеденный перерыв. Цена 25 к. (Распродано).

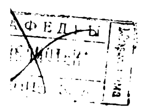
М. Пейсин.—Легкая атлетика для начинающих. Цена 40 к.

А. Мендельсон.—На пьяном фронте. Цена 25 к.

С. Лозинский.—Из истории классовой борьбы. Греция и Рим. Ц. 45 к.
Г. Вейнберг. Что такое тарифное соглашение, тарифная ставка, товарный рубль и тарифная сетка. Второе издание (Распродано).
И. М. Кулишер.—Очерк истории русской промышленности (Распрод.).
М. Гордон.—Наглядная таблица мирового профессионального движения. 2-ое изд. Цена 25 коп.
Л. М. Клейнборт.—Русский рабочий, как читатель.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Малая энциклопедия профессионального движения и труда.
П. Н. Столпянский.—Петербургские фабрики за 200 лет.
Э. Гершензон и Ю. Гессен.—Хрестоматия по истории рабочего класса и профессионального движения.
С. Лозинский. — Из истории классовой борьбы. — Вып. II. Средневековье.—Вып. III. Новое время.
Луи Блан.—Организация труда (перев. с французского).
Л. М. Василевский.—Гигиена женского труда.
С. С. Левман.—Основы и пути профессион. движения.
С. Фарфоровский.—Труд, инструмент и машина.
М. Собецкий.—Зимний спорт.
И. Фишбейн.—Кружок по изучению професс. движения.
Л. Мартов.—Профграмота.
«Труд в России», кн. 3-ья
В. Курбатов.—Экскурсии по окрестностям Ленинграда.
С. Карташов.—Хронометраж.
А. Никитин.—Професс. труд и социальная гигиена.
А. Вальков.—Трудовые условные рефлексы.
З. Хейнман. — Очерки по изучению организации труда в производстве.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ:

Книжные магазины Ленинградского Губ. Совета Профессиональн. Союзов:

1) Пр. Володарского, 51 (Телефон: 5-98-55).

2) Угол Площади Труда и Красной улицы, 1 39 (Телефон: 6-9-18).